

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

ПАЩЕНКО ИЛЬЯ ЮРЬЕВИЧ

**ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**Научная специальность: 5.1.2 –
Публично-правовые (государственно-правовые) науки**

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации
Потапенко Сергей Викторович

Краснодар – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы публично-правового регулирования информации в Российской Федерации.....	29
§1. Понятие и сущность информации в условиях цифровизации правовой системы.....	29
§2. Генезис права на информацию в период цифровизации.....	71
§3. Принципы правового регулирования информации в российском праве.....	100
Глава 2. Динамика развития и изменения информационных правоотношений в публичном праве.....	127
§1. Использование информации как фактор повышения эффективности государственного управления и развития цифровой экономики.....	127
§2. Публично-правовая модель цифровых прав и проблемы предоставления информации.....	178
§3. Концепция публично-правового регулирования информации в условиях цифровизации.....	209
Заключение.....	243
Список использованных источников.....	253

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Современный период развития информационного общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией общественных отношений и процессов. Причиной значимых сдвигов в общественном развитии и связанных с этим изменений в правовой системе послужил научный и технический прогресс, базирующийся на внедрении неизвестных ранее методов работы с информацией и достигнутый благодаря применению новых информационных технологий. Катализатором изменений также выступило повсеместное распространение и активное проникновение цифровых каналов связи, при этом интенсивное развитие информационной инфраструктуры характерно как для развитых, так и для развивающихся государств. Сеть цифровых каналов связи продолжает активно расширяться и охватывать новые территории, позволяя свободно искать, получать, передавать, производить и распространять цифровую информацию.

Цифровизация тотально проникает в различные сферы человеческой деятельности, формируя новые возможности и условия для правового, политического, экономического, социального, культурного и иного развития человечества. Новые направления деятельности, которые в большинстве являются информационными, несут определенные риски и угрозы для сложившейся системы общественного уклада и нормативного регулирования. Информация и информационные технологии, стимулируя позитивные и полезные изменения в обществе, формируют потребность в выработке новых взглядов и в глубоком научном переосмыслении возможностей использования виртуальной среды.

В Российской Федерации вопросам цифровой трансформации государства и совершенствованию правового регулирования в сфере государственного управления, цифровой экономики и информационной безопасности уделяется особое внимание на протяжении последних лет. Изменения в текст

Конституции Российской Федерации, одобренные в ходе проведения общероссийского голосования в 2020 году, закрепили, что информация, информационные технологии и связь, а также обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных находятся в непосредственном ведении Российской Федерации¹. На конституционном уровне подчеркнута значимость развития федерального регулирования в указанных сферах информационных отношений, которые выступают результатом эволюции социальных процессов, происходящих в современном информационном обществе.

Другим фактором, который оказал и продолжает оказывать существенное влияние на модернизацию системы публично-правового регулирования, в том числе в сфере управленческой деятельности, стала цифровая экономика. В Российской Федерации реализуется в формате федерального национального проекта национальная программа «Цифровая экономика», которая предусматривает осуществление целого комплекса управленческих мероприятий, включая развитие регуляторной среды, направленных на повышение качества уровня жизни населения. Национальная программа предполагает достижение целей и целевых показателей по утвержденным федеральным проектам: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, кадры для цифровой экономики, информационная безопасность, цифровые технологии, цифровое государственное управление², а также искусственный интеллект³. В декабре 2021 года указанный перечень расширен, в программе также представлены проекты: развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли,

---

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 16 марта. № 55; Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: Указ Президента РФ от 3 июля 2020 г. № 445 // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.

² Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол № 7 от 4 июня 2019 г. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения 20.04.20 г.).

³ Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27 августа 2020 г. № 17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.10.21 г.).

обеспечение доступа в интернет за счет развития спутниковой связи, цифровые услуги и сервисы онлайн¹.

Цифровая экономика предполагает осуществление различной деятельности, направленной на оказание государственных и коммерческих услуг и обмен благами посредством применения информационных технологий. Цифровой контекст современных экономических процессов опосредуют широко разветвлённые цифровые каналы связи. Они позволяют использовать информацию в качестве ресурса и фактора производства в информационной деятельности. На ее основе формируется цифровая повестка современной экономики, представленная разнообразными видами деятельности. В подобных обстоятельствах цифровая форма информации приобретает высокую значимость для изменения и совершенствования различных областей юридической практики.

Информационные технологии на базе цифровых каналов связи трансформируют существующие способы производства и потребления продукции, в том числе способствуют возникновению новых информационных объектов в виртуальной среде. Виртуализация отношений происходит в связи с использованием различных информационных систем. До того момента, пока право не выработает или не определит специальный легальный режим реализации для таких объектов, для системы действующего правового регулирования они являются лишь одной из форм воплощения и проявления цифровой информации. При этом стоит особо подчеркнуть, что правовое регулирование не является исключительным фактором, определяющим ценность новых явлений и категорий для оборота и обеспечения информационной безопасности. Значение приобретает интерес субъектов правоотношений и возможности его реализации. Ценность информационных объектов в виртуальной среде формирует и определяет непосредственно пользователь информационной системы, являющийся участником информационных отношений.

---

¹ В национальную программу «Цифровая экономика» включены три федеральных проекта. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения 25.01.22 г.).

Происходящие процессы в рамках развития управленческой деятельности и становления новой экономики цифрового уклада предполагают перевод информации в цифровую форму, в том числе ее цифровое использование. Постепенно будет оцифровано все то, что только можно оцифровать. Цифровая форма информации оказывает непосредственное влияние на изменение сущности отдельных правовых отношений и институтов не только в области информационного права, но и иных отраслей права.

Цифровизация не является системным, последовательным или структурно-однородным явлением, но при этом она обеспечивает значительный отраслевой и территориальный охват. Она формирует перед отечественной юридической практикой новые вызовы, ослабляя восприятие границ и сфер влияния отраслей права, что на практике находит проявления как в конкуренции законодательных, подзаконных норм, так и в выделении смежных институтов для установления взаимодополняемого регулирования.

Правовой системе необходимо своевременно и корректно реагировать на ускоряющуюся динамику общественных отношений. Цифровая экономика выявила сферы, которые не являются приспособленными по отдельным аспектам к изменяющемуся порядку. «Отставание» связано с отсутствием эффективных правовых механизмов осуществления государственного управления, обеспечением информационной безопасности, защитой интеллектуальной собственности в виртуальной среде, использованием венчурного капитала в ИТ-отрасли, применением особых правовых режимов и т.п. Позитивного экономического эффекта в рамках цифровой экономики реалистично достичь только при наличии гибкого и адаптирующегося к новым реалиям публично-правового регулирования. Современные развитые и развивающиеся государства только находятся на пути выстраивания целостной системы регулирования информационных отношений в период цифровизации, в том числе Российская Федерация.

Согласно аналитическим прогнозам, доля цифровой экономики в Российской Федерации к 2025 году может увеличиться до 10%, а в отдельных

государствах она уже достигает подобных показателей¹. Создание эффективного нормативного регулирования государственного управления, в том числе в сфере цифровой экономики, является перспективной задачей, которая требует тщательного подхода к анализу ее базовой категории – цифровой информации.

Цифровизация социальных и экономических процессов тесно взаимосвязана с аспектами трансформации системы государственного управления. В Российской Федерации механизмы регулирования рыночной экономики находятся в непосредственной зависимости от управленческих решений, принимаемых на различных уровнях публичной власти. Регулятивные инструменты находят воплощение посредством нормативной регламентации системы целевых программ.

Согласно данным Департамента экономического и социального развития ООН (United Nations Department of Economic and Social Affairs) в 2020 году Россия заняла 36 место в международном рейтинге среди 193 государств по уровню развития электронного правительства. Федеральная служба государственной статистики установила, что более 43% россиян регулярно используют официальные сайты органов государственной власти и местного самоуправления для получения информации, при этом за период с 2016 года по 2020 год количество пользователей, получающих государственные и муниципальные услуги в электронной форме, возросло вдвое – от 28,8% до 58,7%².

Сектор государственного управления не остается в стороне от цифровизации, которая призвана повысить эффективность управленческой деятельности сквозь призму предоставляемых населению государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Оказание подобных услуг базируется на утвержденных административных регламентах, которые не только могут быть

---

¹ Цифровая Россия: новая реальность. Отчет McKinsey & Company (ООО «Мак-Кинзи и Компания СиАйЭс»). 2017. С. 4.

² Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий и др. М.: НИУ ВШЭ. 2022. С. 66 – 68.

не актуализированы¹, но и не учитывают современный уровень технологического развития. В авангарде цифровизации находятся отдельные федеральные органы исполнительной власти, в том числе их территориальные органы в субъектах Российской Федерации. Результативность работы аппарата органов публичной власти зачастую оценивается через интенсивность внедрения информационных технологий и связанных с ними цифровых сервисов (межведомственное взаимодействие и иная коммуникация с населением, позволяющие более эффективно обмениваться информацией и реализовывать функции органа).

Настоящее диссертационное исследование носит теоретический характер, при этом оно нацелено на формирование целостного представления об информации в системе отечественного публично-правового регулирования. Важной особенностью научной работы является то, что комплексное представление об информации и информационной деятельности сформулировано и проанализировано с учетом развития отраслевого законодательства в Российской Федерации. Исследование учитывает тенденции цифровой трансформации общества. Цифровизация не предполагает изучение информации без учета возможностей ее поиска, получения, передачи, производства и распространения с применением информационных технологий.

Авторская мотивация выбора направления исследования обусловлена сложностью рассматриваемых категорий и явлений, а также уникальностью предметной области научных изысканий – информации в цифровой форме. Для формирования подходов практического плана, в том числе по совершенствованию регулирования, исследована историческая ретроспектива права на информацию и современная динамика информационных отношений, которые оказали влияние на расширение сфер информационной деятельности человека.

---

¹ Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, 9–12 апр. 2019 г. / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. С. 8.

Степень научной разработанности темы исследования. Правоотношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации в цифровой форме, исследовались представителями различных правовых отраслей: Р.В. Амелиным, В.В. Архиповым, И.Л. Бачило, Ю.М. Батуриным, И.Ю. Богдановской, А.В. Габовым, О.А. Городовым, Д.В. Грибановым, М.В. Демьянцом, М.Б. Добробабой, Н.Г. Дорониной, А.А. Ефремовым, А.К. Жаровой, Г.Г. Камаловой, А.А. Карцхией, Н.Н. Ковалевой, П.У. Кузнецовым, М.А. Лапиной, В.Н. Лопатиным, А.В. Минбалеевым, А.В. Морозовым, П.М. Морхатом, В.Б. Наумовым, А.В. Незнамовым, Д.В. Огородовым, Т.А. Поляковой, И.М. Рассоловым, М.М. Рассоловым, М.А. Рожковой, К.Д. Рыдченко, А.И. Савельевым, А.Н. Савенковым, В.А. Севериным, Н.Г. Семилютиной, А.Г. Серго, Н.И. Соловяненко, А.А. Стрельцовым, Э.В. Талапиной, В.П. Талимончик, О.В. Танимовым, А.А. Тедеевым, Л.К. Терещенко, А.А. Фатьяновым, М.А. Федотовым, Т.Я. Хабриевой, А.И. Химченко, С.Е. Чанновым, А.А. Чеботаревой, Н.Н. Черногором, С.Г. Чубуковой, Г.Г. Шинкарецкой, О.А. Ястребовым.

Различные современные аспекты развития информационных и цифровых отношений освещались в диссертационных исследованиях, выполненных Ю.С. Бикбулатовой, И.С. Бойченко, О.А. Бояринцевой, В.С. Булановой, А.А. Ефремовым, А.К. Жаровой, В.М. Жерновой, М.С. Журавлевым, Г.Г. Камаловой, Я.В. Кудашкиным, В.Б. Наумовым, Р.Т. Нуруллаевым, Т.В. Пашниной, О.В. Петровской, Ю.В. Пономаревой, Д.Д. Савенковой, А.А. Смирновым, Н.А. Троян, Ф.А. Цомартовой, А.А. Чеботаревой, А.А. Щитовой.

Информационно-правовая проблематика в контексте развития регулирования информации, информационных технологий, систем, ресурсов, инфраструктуры и информационно-телекоммуникационных сетей, а также виртуальной среды в целом, привлекает научное внимание зарубежных исследователей. Вопросы цифровизации правовой системы и цифровой трансформации государства и общества активно изучают иностранные ученые, в числе которых N.A. Ashford, D.I. Bainbridge, D. Bell, C.C. Caldart, M. Castells, A.

Charlesworth, D.W. Jorgenson, M. C. Kettemann, U. Kohl, J. Kulesza, I.J. Lloyd, Y. Masuda, D.P. Mittal, A. Murray, D. Rowland, A. Savin, M. D. Scott, V. Sharma, G. J. H. Smith, K. Taran, A. Toffler, L. Trakman, B. J. Trout, R. Walters, F. Webster, B. Zeller.

Информация как объект публично-правового регулирования в государственном управлении и в условиях построения цифровой экономики в Российской Федерации не становилась отдельным и самостоятельным предметом комплексных юридических исследований. При этом вопросам правового регулирования управленческой и экономической деятельности в отечественном научном сообществе уделяется довольно заметное внимание только в последние годы.

Представители науки информационного права и иных правовых отраслей делают основной акцент в работах на изучении информационной стороны цифровизации отечественной правовой системы, исходя из анализа степени влияния и роли информационных технологий в формировании виртуальной среды. Именно цифровая информация в форме сведений и данных выступает в качестве ресурса и органически целостной категории, которая позволяет не только совершенствовать способы и механизмы применения информационных технологий, но и изменять их сущность. Сформировался научно-исследовательский дисбаланс: информационные технологии находятся в фокусе внимания теоретиков и практиков, а основа всех процессов – информация – остается вне сферы научного осмысления в настоящее время.

Исследованием информации занимаются представители различных отраслей права, что в условиях многообразия авторских мнений, взглядов, позиций и концепций требует формирования определенного интегративного подхода. В науке не сформулированы предложения, которые учитывают сближение различных научных суждений, не посягая на оригинальность разработанных современными исследователями научных положений в отношении информации. Сегодня информация требует обновленного фокуса внимания теоретиков и практиков, который будет способен ее представить в качестве

многомерного, непротиворечивого и развивающегося феномена, актуального для совершенствования российской системы правового регулирования.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением цифровой информации в условиях цифровизации экономики и государственного управления в Российской Федерации.

Предмет исследования включает правовые нормы Российской Федерации, нормативные положения международных договоров и иностранных правовых актов, решения судебных и правоприменительных органов, а также теоретические научные труды по исследуемой проблематике правового регулирования цифровой информации в условиях цифровизации общественных отношений и управленческих процессов.

Целью исследования является выявление и обоснование теоретических и практических аспектов публично-правового регулирования информации в цифровой форме в связи с современной динамикой развития правоотношений.

Задачи исследования, которые были сформулированы и поставлены в ходе выполнения научной работы:

1. Исследовать понятие и сущность информации в условиях цифровизации правовой системы;
2. Изучить право на информацию в историко-правовой ретроспективе для установления современных закономерностей и тенденций развития публично-правового регулирования;
3. Выявить принципы регулирования информации в публичном праве;
4. Провести предметное разграничение между информационным правом и иными отраслями права по отдельным критериям, связанным с использованием цифровой информации;
5. Выявить основания для разграничения частного и публичного регулирования информационных отношений;

6. Обосновать значимость развития публично-правового регулирования информации в отношениях, возникающих в сфере цифровой экономики;
7. Определить механизмы цифровизации государственного управления в связи с осуществлением информационной деятельности органами публичной власти;
8. Оценить степень влияния свободы распространения информации на возникновение новых явлений и объектов в виртуальной среде;
9. Исследовать категорию «цифровые права» в контексте публичного регулирования;
10. Проанализировать правовые условия распространения информации в цифровой форме;
11. Разработать концепцию публично-правового регулирования информации в условиях цифровизации.

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы познания, так и специальные методы. В числе применяемых методов можно выделить: дедукцию, индукцию, моделирование, обобщение, описание, системный и нормативный анализ, сравнение. Применялись приемы различных видов юридического толкования текстов нормативно-правовых актов (грамматический, историко-политический, логический, систематический, специально-юридический, телеологический, функциональный), которые позволили выявить закономерности нормотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти в информационно-правовой сфере.

Достичь поставленной цели и решить сформулированные задачи позволило применение диалектического, интерпретационного, историко-правового, логического, формально-юридического, сравнительно-правового (метода компаративистики), системно-структурного методов, а также методов моделирования текста права и различения сущего и должного в праве. Указанные методы применялись в комплексе, однако использовались в зависимости от исследования конкретной предметной области, а также учитывали

специфику объекта исследования, публичную и частную природу регулирования информационных отношений.

С применением диалектического, историко-правового и интерпретационного методов исследована динамика развития регулирования информации, в том числе в цифровой форме, а также право на информацию как ключевое право, формирующее основу для осуществления информационной деятельности. Формально-юридический, логический, системно-структурный методы позволили выявить правовую природу и сущность информации в контексте цифровизации общественных отношений. Сравнительно-правовой метод позволил провести исследование международного и зарубежного регулирования в сфере складывающейся практики применения информационных технологий для отдельных действий (операций) с информацией.

Метод моделирования текста права позволил разработать предложения по совершенствованию законодательства с учетом требований юридической техники отраслевого законодательства в части основных начал информационно-правового регулирования и определения цифровой информации, размещаемой пользователями информационных систем в открытом доступе. Метод различения сущего и должного в праве позволил разграничить объекты и отношения для выработки критериев правового регулирования информационных объектов, которые оцифрованы и (или) представлены изначально в виртуальной среде (информационных системах).

Теоретическую основу диссертации составили труды отечественных и зарубежных исследователей в области права.

Важнейшее значение для теоретического исследования информации в системе отечественного правового регулирования составили труды С.С. Алексеева, Р.В. Амелина, Ю.М. Батурина, И.Л. Бачило, А.Б. Венгерова, Е.А. Войниканис, А.А. Ефремова, В.Б. Исакова, Н.Н. Ковалевой, В.А. Копылова, С.В. Королева, П.У. Кузнецова, С.А. Куликовой, М.А. Лапиной, Ю.И. Мигачева, П.М. Морхата, В.С. Нерсесянца, В.А. Ниесова, Т.А. Поляковой, Л.Л. Попова, С.В. Потапенко, И.М. Рассолова, А.И. Савельева, А.Г. Серго, А.А. Стрельцова,

В.М. Сырых, А.А. Тедеева, Л.К. Терещенко, Ю.А. Тихомирова, А.Д. Урсула, М.А. Федотова, Д.Б. Фролова, С.Г. Чубуковой, В.Л. Энтина, Л.С. Явича.

Основополагающую методологическую базу для подготовки исследования сформировали диссертационные работы А.С. Агеева, Е.Е. Антоновой, И.С. Бойченко, Д.В. Гавришова, Д.В. Грибанова, А.К. Жаровой, Г.Г. Камаловой, Н.Н. Ковалевой, П.У. Кузнецова, А.В. Минбалеева, В.Б. Наумова, Д.В. Огородова, Т.А. Поляковой, Л.Л. Сакулиной, С.И. Семилетова, А.А. Стрельцова, Э.В. Талапиной, В.П. Талимончик, А.А. Тедеева, Л.К. Терещенко, А.И. Химченко, А.А. Чеботаревой.

Рассматриваемые в диссертационной работе вопросы цифровизации права, связанные с регулированием информационной деятельности и информационной сферы, нашли отражение в научных исследованиях Г.Э. Адыгезаловой, Р.В. Амелина, А.А. Антопольского, П.П. Баранова, Ю.М. Батурина, И.Л. Бачило, Н.С. Бондаря, М.С. Бурьянова, Н.В. Варламовой, Ю.В. Волкова, О.А. Городова, А.В. Грачевой, М.В. Демьянца, Р.М. Дзидзоева, А.Р. Ермаковой, Т.В. Ефимцевой, А.К. Жаровой, В.Д. Зорькина, И.А. Зырянова, А.А. Карцхии, О.В. Китовой, И.М. Конобеевской, Н.В. Кротковой, П.У. Кузнецова, М.М. Курячей, С.В. Липень, В.Н. Лопатина, К.А. Мефодьевой, А.В. Минбалеева, Ж.А. Мингалевой, И.Ю. Мирских, А.В. Михайлова, В.Н. Монахова, А.В. Морозова, А.В. Нестерова, А.И. Овчинникова, Е.А. Палехова, Н.А. Петракова, Т.А. Поляковой, С.В. Потапенко, М.А. Рожковой, О.А. Рузаковой, К.Д. Рыдченко, А.И. Савельева, Л.В. Санниковой, С.И. Семилетова, О.Е. Стародубовой, А.А. Стрельцова, А.Е. Сухаревой, Э.В. Талапиной, А.А. Тедеева, Л.К. Терещенко, А.В. Тумакова, Е.В. Угриновича, Н.Л. Удальцовой, В.И. Фатхи, Т.Я. Хабриевой, Ю.С. Харитоновой, А.И. Химченко, М.Е. Черемисиновой, Н.Н. Черногора, А.А. Шаповой, Б.А. Шахназарова, С.М. Шахрая, В.Н. Южакова.

При рассмотрении аспектов цифровизации государственного управления были изучены работы отечественных исследователей С.А. Авакьяна, А.Б. Агапова, Я.В. Антонова, М.В. Баглая, Д.Н. Бахраха, Н.С. Бондаря, Е.В. Белусовой, З.Р. Гаджиевой, А.В. Григорьева, А.А. Демина, Р.М. Дзидзоева, В.Д.

Зорькина, А.С. Жарова, В.В. Комаровой, В.В. Лазарева, М.А. Лапиной, В.А. Лебедева, Е.Б. Лупарева, А.В. Мартынова, Ю.И. Мигачева, Л.А. Нудненко, А.И. Овчинникова, Л.Л. Попова, А.Е. Постникова, Б.В. Россинского, М.И. Савинцевой, Н.Г. Салищевой, Ю.Н. Старилова, С.В. Тихомирова, Ю.А. Тихомирова, М.А. Федотова, Т.Я. Хабриевой, С.Е. Чаннова, В.Е. Чиркина, С.М. Шахрая, Б.С. Эбзеева, В.А. Юсупова.

Проведенное исследование опирается на труды зарубежных исследователей, в которых уделено внимание информационному обществу и цифровой экономике, в том числе цифровой форме информации и информационным технологиям: S. Adali, D.H. Autor, T.G. Babbitt, D. Bell, E. Brynjolfsson, M-M. Bues, R. Bukh, M. Castells, J. Coccoli, D. D'Angelo, D. Dorn, M. Ficsor, U. Gasser, J. Golbeck, T. Graepel, N. Gullekson, G. Halbleib, M. Hartung, R. Heeks, P. Jougoux, V. Kahin, M. Kosinski, N. Lane, F. Levy, C. Markou, Y. Masuda, S. Morris, B. Morse, R.J. Murnane, N. Negroponte, T. Niebel, P.M. Popovich, T. Prastitou, J. Relly, M.L. Rustad, M.L. Rustad, A. Sey, D. Stillwell, R.E. Susskind, T.E. Synodinou, D. Tapscott, S. Tully, F. Webster.

Нормативно-правовая основа исследования базируется на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах, федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях и распоряжениях Правительства Российской Федерации, актах федеральных органов исполнительной власти, а также на нормативно-правовых актах зарубежных государств.

Эмпирическая база диссертации основана на актах и документах судебных органов (Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Суд по интеллектуальным правам, иные суды в системе арбитражных судов и судов общей юрисдикции) и правоприменительной практике Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной антимонопольной службы; аналитических и статистических отчётах международных и

исследовательских организаций; материалах из официальных источников органов государственной власти и государственных органов, Центрального банка Российской Федерации.

Постановке части исследовательских задач, формированию выводов и подготовке предложений по совершенствованию законодательства способствовал собственный практический опыт работы в избирательной системе Краснодарского края, связанный с информационным обеспечением избирательных кампаний.

Научная новизна диссертации заключается в том, что проведено первое комплексное исследование информации как объекта публично-правового регулирования в новых условиях цифровизации общественных отношений:

– предложено понятие цифровизации, установлены предпосылки ее возникновения и влияние на складывающиеся правоотношения в сфере осуществления государственного управления и цифровой экономики;

– обоснованы необходимость изменения теоретических подходов к пониманию и восприятию информации, приобретение информацией в цифровой форме новых свойств, актуальных для выстраивания системы отраслевого правового регулирования;

– описано соотношение частных и публичных начал в динамике развития права на информацию;

– разработана авторская система принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий, систем, ресурсов, инфраструктуры и их защиты (основные начала правового регулирования информационных отношений);

– установлено изменение особенностей реализации функций органами публичной власти в сфере информационной деятельности;

– выявлены факторы расширения информационной деятельности в управлении и экономике – право на доступ к информации и свобода распространения информации;

- произведено разграничение оцифрованных и представленных в виртуальной среде объектов для целей нормативного регулирования;
- исследованы цифровые права в контексте публично-правовой природы, что позволило сформировать их публично-правовую модель;
- выделена новая группа отношений, складывающихся на основании размещения информации пользователями в информационных системах (пользовательский контент), предложены подходы к ее регулированию и теоретическое обоснование в качестве институционального образования в отрасли информационного права;
- сформулировано предложение о выделении базовых правил предоставления информации из государственных и муниципальных информационных систем;
- сделан вывод, предполагающий рассмотрение информационного права в качестве комплексной отрасли права, формирующей правовой инструментарий для отечественной правовой системы в условиях цифровизации;
- выработана на основе актуальных проблем в сфере использования информации в цифровой форме субъектами управленческих и экономических отношений концепция публично-правового регулирования информации в условиях цифровизации.

На защиту выносятся следующие положения, имеющие элементы или содержащие научную новизну:

1. Цифровизация оказывает влияние на развитие публично-правового регулирования, которое расширяется в сфере использования цифровой информации и применения информационных технологий гражданами и органами публичной власти. Ее возникновение предопределило развитие информационной инфраструктуры – повсеместное внедрение цифровых каналов связи, расширяющих возможности и условия осуществления информационной деятельности. Цифровизация приводит к возникновению взаимосвязей между различными областями человеческой деятельности, в том числе к

увеличению ценности информации в управлении и появлению новых объектов в виртуальной среде.

2. Цифровизация как явление для правовой системы рассматривается в качестве временного фактора, который на неустановленный период определяет нормативную интенцию правотворческих и правоприменительных органов для решения существующих задач, в первую очередь в вопросах развития государственного управления и цифровой экономики.

Научное признание и множественную объективацию в процессе трансформации общественных отношений получает цифровизация. Ей предшествовали этапы автоматизации и информатизации в рамках осуществления управленческой и информационной деятельности, которые также оказали существенное влияние на юридическую практику. В отличие от указанных этапов, цифровизация создает новые условия как для усиления материальной ценности цифровой информации, так и для усиления ее значимости при принятии управленческих решений органами публичной власти.

Цифровизация позволила частично перенести совершение юридически значимых действий в виртуальную среду, продемонстрировав формальность и упростив на практике осуществление тех или иных фактических действий субъектами правоотношений. Отмеченное позволяет утверждать о том, что в настоящее время именно цифровизация выступает существенным катализатором для ускорения динамики развития общественных отношений. Цифровизация правовой системы – процесс, который направлен на формирование правового регулирования общественных отношений, складывающихся в области использования цифровой информации посредством применения современных информационных технологий в целях удовлетворения разнообразных потребностей и обеспечения информационной безопасности.

3. При использовании цифровых каналов связи заметно увеличиваются возможности распространения информации. Цифровая информация, как правило, отделена от материального носителя в процессе распространения, однако он требуется для обеспечения условий ее хранения. Информация в

цифровой форме сохраняет связь с источником или носителем, однако их ценностное юридическое и экономическое значение постепенно ослабевает в изменяющихся общественных отношениях. Материальный носитель информации в условиях цифровизации используется для ее передачи реже, чем раньше. При передаче информации на носителе отчуждается совместный комплекс прав.

Ключевое значение в информационных отношениях приобретает право доступа к информации. Право на доступ к информации включает и обеспечивает реализацию совокупности прав, позволяющих искать, получать, передавать, производить и распространять цифровую информацию в рамках информационной системы и существующих в ней правил, требований действующего законодательства. Необходимо обеспечение доступа к информации, размещаемой органами публичной власти в сети Интернет, при применении информационных технологий.

4. Расширение возможностей производства, использования, обработки, хранения, получения и передачи информации в цифровой форме оказало влияние на дальнейшее развитие права на информацию. В условиях цифровизации право на информацию приобретает частно-публичное выражение, которое связано с удовлетворением потребностей личности и реализацией национальных интересов.

Публичные интересы защищаются механизмами информационных запретов и ограничений в зависимости от содержания информации.

5. Пользователи информационно-телекоммуникационных сетей в информационном обществе оказываются наименее защищенными перед возникающими вызовами в период цифровизации, поскольку данные о гражданах неконтролируемо обрабатываются с применением информационных технологий, в том числе с использованием информационных систем с интеллектуальными функциями (к примеру, искусственный интеллект). Выделение степеней допустимости применения информационных технологий рассматривается в качестве критерия, позволяющего обосновать последующее использование

цифровой информации о гражданах, в том числе ее автоматизированную обработку.

Очевидна целесообразность перехода от теоретического изучения правовых режимов информации к определению правовых режимов информационных технологий, что является закономерным этапом развития отрасли информационного права. Возникает потребность формирования специальных правовых режимов, не для цифровой информации, а для отдельных информационных технологий как особых средств публично-правового регулирования.

6. Основные начала (принципы) правового регулирования информационных отношений проблематично представить в виде исчерпывающего перечня. Основные начала законодательства в сфере информации, информационных технологий, систем, ресурсов, инфраструктуры и их защиты в условиях цифровизации могут быть подвержены изменениям, наполняться обновленным содержанием и получать различную интерпретацию. Информационные отношения в публично-правовом фокусе отличаются наиболее высокой динамикой.

Сформулированы и предложены критерии для выделения системы принципов нормативного регулирования информации в цифровой форме с учетом возможности применения информационных технологий: связь с объектами информационной деятельности, определение сферы реализации, единое отражение частно-публичных интересов. Предложена авторская трёхуровневая система принципов публично-правового регулирования информации (общеправовые, информационные, научные), выведен специальный научно-теоретический принцип цифровизации – осуществление информационной деятельности, связанной с применением информационных технологий, возможно до тех пор, пока не возникнет реальный риск нарушения требований действующего законодательства.

7. Предложена публично-правовая модель цифровых прав как прав, возникающих у пользователей информационных систем. Цифровые права возникают на основании двух обстоятельств: требований законодательства и

правил информационной системы. Цифровые права получают возможности реализации в виртуальной среде, под которой в контексте настоящего исследования понимаются различные информационные системы.

Выделение информационного компонента цифровых прав имеет теоретическое значение, поскольку рассматриваемая категория прав производна от права на информацию. Обозначенные в исследовании цифровые права предполагают обеспечение, изменение и прекращение доступа к определенной информации в цифровой форме.

8. Свобода распространения информации является важнейшим стимулом для развития информационной деятельности, охватывающей экономическую, социальную, культурную и иные сферы. Свобода распространения информации заключается не в отсутствии нормативных предписаний, она проявляется в возможностях осуществления и доступности информационной деятельности, в результате которой возникают новые объекты. Развитие оборота в виртуальной среде приводит к появлению информационных объектов, для которых требуется выработка специальных норм в системе частных и публичных правовых отраслей.

Информационные объекты в виртуальной среде можно разделить на две категории: объекты, которые возникли и представлены исключительно в информационной системе, и объекты, которые оцифрованы, т.е. приобрели электронную форму воплощения и реализации благодаря использованию информационных технологий. Правовое регулирование позволяет определить конкретному информационному объекту соответствующий режим использования. Объект регулирования в виртуальной среде содержит информационный компонент (цифровая информация как форма).

9. Проблемы предоставления информации носят практический характер. Они связаны с различным пониманием требований отраслевого законодательства. Действующее законодательство зачастую не учитывает возможности применения информационных технологий, в том числе наличие у них

интеллектуальных функций, при получении доступа к информации о деятельности органов публичной власти.

В условиях цифровизации предложено увеличить объем открытых данных и усилить гарантии доступа к общедоступной информации, находящейся в государственных и муниципальных информационных системах. Законодательство о государственных и муниципальных информационных системах требует последовательного совершенствования в части унификации правил предоставления информации из таких систем.

10. Изменяется процесс исполнения функций органами публичной власти с учетом расширения возможностей осуществления информационной деятельности. На смену концепции «e-Government» (администрирование, оказание услуг, принятие решений гражданами и межведомственное взаимодействие органов в электронной форме), получившей широкое распространение в развитых и развивающихся государствах и легальное закрепление в их национальном законодательстве, приходят новые явления в современном информационном обществе: искусственный интеллект, распределенные реестры, промышленный интернет, интернет вещей, роботизация, аналитика больших данных, облачные технологии.

Количество предоставляемых государственных и муниципальных услуг в электронной форме увеличивается, субъекты принятия управленческих решений опираются на данные, полученные в результате применения информационных технологий, для межведомственного взаимодействия используются цифровые каналы связи, коммуникация между гражданами и государством основывается на непрерывном информационном обмене и обеспечении доступа к цифровой информации, что создает предпосылки для дальнейшего развития правовой концепции цифрового государства.

Цифровое государство подразумевает гибкость управления и правового регулирования информационных отношений.

11. Определены тенденции информационно-правового регулирования на современном этапе развития отечественной правовой системы. Во-первых,

информационные правоотношения приобретают характер смежных, т.е. находящихся в сфере регулирования различных отраслей права. Во-вторых, правовые отрасли интенсивнее используют понятия и правовой инструментарий информационного права. В-третьих, новым направлением развития информационного законодательства становится регулирование цифровой экономики, а в информационном праве формируются новые институциональные образования, в их числе – пользовательские данные (пользовательский контент). Под пользовательским контентом предложено понимать информацию, которая самостоятельно создается и размещается пользователями в информационных системах.

Области регулирования цифровой экономики разделены между отраслями российского права в зависимости от целей использования цифровой информации. В сферу регулирования государственно-правовых отраслей входят публичные аспекты, в числе которых организация государственного управления, защита прав и интересов, создание системы гарантий, обеспечение информационной безопасности государства, общества и личности. Исчерпывающе определить предмет подобного регулирования цифровой экономики не представляется возможным, однако данные правоотношения возникают в связи с использованием цифровой информации и применением информационных технологий, которые не затрагивают область оборота между лицами.

12. Сформулирован концептуальный подход к публично-правовому регулированию информации, который заключается в определении трех направлений совершенствования информационного законодательства.

Во-первых, предлагается развивать электронный документооборот и делопроизводство за счет внедрения новых подходов в регулировании. Поскольку дублирование и копирование информации в цифровой форме невозможно исключить, то существует необходимость законодательно сформулировать требования к информационным системам в части обеспечения функциональной совместимости и определения условий обмена цифровой информацией. Во-вторых, предлагается закрепить базовые требования к ведению и

процессу получения сведений из государственных и муниципальных информационных систем, которые приобретают форму электронных реестров. При совершенствовании регулирования информационных систем целесообразно обеспечить непрерывный доступ к информации вместо фактического (разового) предоставления информации по запросу. В-третьих, цифровой профиль гражданина может выступить источником получения достоверной персональной информации. Внедрение цифрового профиля гражданина может позволить сформировать понятные для граждан условия использования персональных данных, а также обеспечить механизмы управления согласиями на использование и распространение персональных данных.

Обозначенные направления в единстве образуют цельную основу для совершенствования механизмов информационно-правового регулирования информации в цифровой форме, что особенно актуально на нынешнем этапе трансформации государственного управления, становлении цифровой экономики и развития информационного общества в России.

Теоретическая значимость работы состоит в ее межотраслевом характере, который предполагает определение места информационного права в системе публичного права в условиях цифровизации отечественной правовой системы.

Проведенное исследование расширяет юридические представления об информации в цифровой форме, а также о связи информации, информационных технологий и цифровых каналов связи. Сформированные предложения по совершенствованию законодательства могут быть своевременны и актуальны в условиях трансформации государственного управления, построения цифровой экономики на пути развития информационного общества в Российской Федерации.

В исследовании предлагается рассматривать информационное право в качестве комплексной отрасли права, а его инструментарий – в виде связующего звена для выстраивания системы отечественного правового регулирования в условиях цифровизации. Отмечены условия для возникновения нового

института в рамках отрасли информационного права и определены возможные субинституциональные образования, связанные с цифровизацией. Информационное законодательство формирует понятийно-категориальный аппарат и правовой инструментарий, который актуален для правоотношений в различных сферах информационной деятельности субъектов, участвующих как в фактически существующих отношениях, так и в отношениях, складывающихся в виртуальной среде.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования полученных результатов для совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере публичного права, затрагивающего аспекты государственного управления и цифровой экономики. Материалы могут быть использованы в учебном процессе при преподавании отраслевых дисциплин публичного и частного права, курсов «Информационное право» и «Цифровое право», специальных публично-правовых курсов в области цифровизации права, а также для дальнейших государственно-правовых исследований в области разработки отдельных режимов использования информации в цифровой форме и применения информационных технологий.

Степень достоверности результатов исследования подтверждается анализом научных трудов по публичному праву (конституционному, административному, информационному праву), использованием совокупности философских, общенаучных и частнонаучных методов познания, обращением к судебной практике и статистическим данным.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности – пункты 25 (Публично-правовое регулирование в сфере информации и информационных (цифровых) технологий, архивного дела и защиты информации), 26 (Правовое регулирование использования информационных (цифровых) технологий при осуществлении публичной власти и в публичном правлении) паспорта научной специальности 5.1.2 – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Апробация и внедрение результатов исследования обусловлено участием в 22 научных конференциях и опубликованием 36 научных работ.

Основные положения, которые изложены в диссертации, опубликованы в 6 ведущих рецензируемых изданиях, входящих в утвержденный Президиумом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации перечень для публикации научных результатов диссертаций.

Сформулированные выводы изложены в форме докладов и тезисов, представлены на международных, российских, региональных научно-практических конференциях: VII международная научно-практическая конференция «Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность» (г. Краснодар, июнь 2022 г.); V международная конференция «Информационное общество, цифровая экономика и информационная безопасность» (г. Москва, март 2022 г.); пятая международная научно-практическая конференция «Бачиловские чтения» (г. Москва, февраль 2022 г.), III ежегодная международная научно-практическая конференция «Правовые основы развития информационного общества; цифровая экономика, информационная безопасность, искусственный интеллект» (г. Москва, декабрь 2021 г.), XX международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XXII международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на тему «Роль права в обеспечении благополучия человека» (г. Москва, ноябрь 2021 г.), международная научно-практическая конференция «Платформенная экономика и шеринг в условиях цифровизации: проблемы и тенденции развития правового регулирования» (г. Москва, октябрь 2021 г.), круглый стол с международным участием «Искусственный интеллект как категория современной отраслевой правовой политики» (г. Саратов, октябрь 2021 г.); X международная научно-практическая конференция «Право в цифровую эпоху: право и технологии» (г. Москва, октябрь 2021 г.); VI

международная научно-практическая конференция «Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность» (г. Краснодар, июнь 2021 г.); международная конференция «Информационное общество, цифровая экономика и информационная безопасность» (г. Москва, март 2021 г.); четвертая международная научно-практическая конференция «Бачиловские чтения» (г. Москва, февраль 2021 г.); научно-практическая конференция «Законодательные нововведения 2020 года» (г. Краснодар, октябрь 2020 г.); круглый стол «Правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing economy) в условиях развития цифровых технологий: тенденции развития законодательства и судебной практики» (г. Москва, июнь 2020 г.); I международный конгресс по цивилистической компаративистике: «Тенденции развития основных институтов гражданского права в современном обществе» (г. Москва, декабрь 2019 г.); международная научно-практическая конференция «Реформирование российского законодательства: проблемы, тенденции, перспективы» (г. Иркутск, сентябрь 2019 г.); VI межвузовская научно-практическая конференция, посвященная памяти С.С. Алексеева «Ценность права: вчера, сегодня, завтра» (г. Москва, март 2019 г.); I международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы международного права: публичный, частный и интеграционный аспекты» (г. Москва, февраль 2019 г.); VII международный юридический форум «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (IP-Форум) (г. Москва, февраль 2019 г.), International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» (Beijing, June 2018 г.); международная научно - практическая конференция «Юриспруденция и основы правового поведения в современном гражданском обществе» (г. Москва, июль 2018 г.); международная научно-практическая конференция «Юридический факультет КубГУ: 60 лет служения науке и практике» (г. Краснодар, апрель 2018 г.); VI всероссийская научно-практическая конференция «Информационное общество и право» (г. Краснодар, ноябрь 2017 г.).

Результаты диссертационного исследования докладывались на кафедре конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Структура диссертации определяется поставленной проблематикой и логикой исследования и включает введение, две главы, каждая из которых состоит из трех параграфов, заключение и список использованных источников.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§1. Понятие и сущность информации в условиях цифровизации правовой системы

«Информация» – нет понятия более распространенного, по поводу которого велось бы столько споров в науке¹. Дискуссия о природе информации, ее роли в жизни человека и влиянии на организацию социальных процессов несколько не потеряла актуальности вплоть до настоящего времени. Напротив, за счет накопления значительного массива самых различных знаний и представлений исследование информации приобрело еще большее значение для поступательного и эффективного развития общества в новых условиях цифровизации.

Стремление представителей научного сообщества исследовать информацию привело к появлению множества различных, зачастую как противоречивых, так и взаимодополняемых научных позиций. Устоявшиеся концепции и проверенные гипотезы позволили сформировать в середине XX века новое научное направление в рамках прикладной математики, информатики, робототехники и иных сфер технического профиля – теорию информации. Интерес к осмыслению информации также проявили ученые социально-гуманитарного профиля – философии, социологии, политологии, экономики и юриспруденции, сформировав самостоятельные разделы наук. Для права таким направлением стала отрасль информационного права, в фокусе внимания которой

---

¹ Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М.: URSS. 2013. С. 3.

находится информация и непосредственно связанные с ней объекты регулирования.

Любая наука, обладая своим собственным методологическим инструментарием, исследует информацию с позиций, свойственных именно ей – как в «научном вакууме», так и с возможностью опосредованного заимствования новых подходов. Внимание теоретиков права к публичным аспектам, связанным с организацией и осуществлением новых для второй половины XX века особенностей управленческой деятельности, позволило системно взглянуть на сущность процессов, в основе которых лежат закономерности, отражающие способы получения, хранения, передачи, обработки и использования информации при принятии организационно-распорядительных решений. При этом под информацией зачастую понималось определенное знание, применяемое и характерное для той или иной сферы общественной деятельности. Благодаря активным исследованиям того периода удалось укрепить понимание, что знание есть информация, но не любая информация есть знание; произвести выход за пределы научной категоризации понятия «знание»; выработать концепции информации; установить разграничение гносеологических и коммуникационных возможностей познания; определить информационную деятельность в качестве определяющего фактора глобального развития человечества¹. Перспективность изучения информации с позиций права управления в обществе и государстве через системный подход способствовало последующему выделению отрасли информационного права из административного права и позволило рассматривать информацию в качестве объекта публичного правового регулирования.

Развивая тезис о том, что информация стала предметом исследований в юриспруденции сравнительно недавно, отмечаем, что именно советские теоретики права задались вопросами изучения правовой природы информации. Ученые сформировали основу для современных исследований, выделив

---

¹ Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество. М.: Пашков дом. 2007. С. 10.

информационные отношения из комплекса общественных отношений¹. Среди тех, кто стоял у истоков правовых исследований информации в праве можно отметить А.Б. Агапова, С.С. Алексеева, Ю.М. Батурина, И.Л. Бачило, А.Б. Венгерова, О.А. Городова, В.А. Копылова, П.У. Кузнецова, В.Н. Лопатина, А.В. Морозова, М.М. Рассолова, А.А. Тедеева, Л.К. Терещенко, М.А. Федотова и других.

Анализ законодательного определения информации и представлений, которые выработали и обосновали отечественные юристы в отрасли публичного права, свидетельствует о том, что юридические дефиниции не были сформулированы изолированно. Информация как философская категория была достаточно подробно исследована отечественной наукой, что позволило первоначально укрепить три концепции информации (атрибутивную, функциональную и антропоцентристскую), а в постсоветский период также предложить множество авторских идей концептуального плана². При этом именно философами подчеркивается амбивалентность или двойственность (материальная и идеальная составляющие) информации, которая в последующем получила правовую трактовку в трудах отечественных юристов в связи с выделяемыми ими свойствами информации, имеющими значение для установления правового регулирования (связь информации с носителем: двуединство, тиражируемость, организационная форма, экзemplярность, что позволило выработать комплекс прав и получить их отражение в нормах). Амбивалентность информации рассматривается в качестве единства материальных и идеальных начал, что выражено в содержании – идеальном по своей сути, и в форме – материальном носителе.

В обыденном значении информация может пониматься по-разному: 1) сведения и сообщения, передаваемые в процессе коммуникации; 2) сигналы, импульсы, образцы, знаки, символы, используемые в кибернетических

---

¹ Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С 81.

² Соколов А.В. Философия информации: проф.-мировозвр. учеб. Пособие. СПб.: СПбГУКИ. 2010. С. 150.

системах. Научное понимание информации сложнее: мера организации системы, отражение разнообразия природы, абстрактный концепт, свойство материи и т.п. Широкое понимание информации и осознание ее значимости в природе позволило объекту проникнуть в терминологию множества наук, что и обеспечило информации признание в качестве общенаучной категории.

Разнообразие концепций информации не только расширило массив доступного знания, но и увеличило возможности для реализации познавательного процесса. Информация стала широко изучаемой категорией благодаря популяризации информационного подхода Н. Винера, который заключил: «Информация есть информация, а не материя и не энергия»¹. В последующих трудах автор фиксирует в определенном смысле универсальное для человека и техники определение информации через обозначение содержания, которое может быть получено «из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособливания к нему наших чувств»².

Широкую интерпретацию информационного подхода можно встретить в современных публикациях, в которых все, что окружает человека, можно воспринимать как информацию, а любая деятельность, от значимой до незначительной, постоянно приводит к росту объемов информации, которая может быть зафиксирована и обработана³. В науке даже появилось новое выражение «информационные очки» – ситуация, при которой исследователи объясняют явления окружающей реальности сквозь призму данного понятия⁴.

Информационный подход, разработанный в математике, информатике и кибернетике, основан на восприятии информации в различных физических системах. В таких системах информация рассматривается через приобретение смысла, необходимого для функционирования отдельных элементов системы,

---

¹ Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. Пер. с англ. И. В. Соловьев, Г. Н. Поваров. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран. 1983. С. 208.

² Винер Н. Кибернетика и общество [Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество]. Пер. с англ. Е. Г. Панфилова. М.: Издательство иностранной литературы. 1958. С. 31.

³ Идальго С. Как информация управляет миром. Пер. с англ. М.А. Райтман. М.: Издательство «Эксмо». 2015. С. 75.

⁴ Т. Павлов писал: «Физиологи, психологи, социологи, экономисты, технологи, генетики, языковеды, эстеты, педагоги и другие ищут и находят информацию почти во всех органических, общественных и умственных процессах» (Павлов Т. Информация, отражение, творчество. М.: Наука. 1966. С. 16.).

хотя смысл не является определяющим фактором¹. Связь между элементами системы, основанная на коммуникации – передаче информации, позволяет добиться лучшей организации процессов. Аналогичная, по сути, смысловая значимость информации важна для биологических систем, которые в действительности имеют заметные отличия от иных систем². При этом любая система, по нашему мнению, предполагает наличие соответствующих управленческих механизмов.

Принятие информационного подхода наукой на рубеже 70-х годов XX века, в том числе юриспруденцией, объяснимо научно-техническим прогрессом в обществе – появлением новых процессов, требующих качественного переосмысления управленческой деятельности. Общественный запрос, связанный с обработкой информации на материальном носителе в форме документа, был связан с поиском информационных технологий для повышения эффективности организации процессов, в том числе управленческих. Возникновение аналогичного запроса наблюдается и сегодня, в начале 20-х годов XXI века – в условиях роста внимания научного сообщества и общества в целом к информационным технологиям с интеллектуальными функциями на фоне накопившегося объема информации уже не в форме документов, а в форме данных, требующих автоматизированной обработки – вновь для повышения эффективности управления. При этом информация влияет не только на коммуникацию участников отношения, но и на организационный порядок функционирования любой системы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что информация формирует условия для коммуникации и организации. В ситуации условного деления отраслей права на частные и публичные не представляется возможным разделить две составляющие информации (вновь проявляется амбивалентность информации, но в актуальном для права формате) и ограниченно отнести их к

---

¹ Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы. 1963. С. 405.

² Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Мир. 1991. С. 39.

тем или иным правоотношениям. Напротив, информация формирует связи и «реперные точки» для отраслевого развития права в условиях «цифрового взаимодействия», образуя целостную систему правового регулирования.

Исследование представлений отечественных ученых в области публичного права об информации крайне важно для того, чтобы не только обосновать применение принципов правового регулирования информации, но и установить тенденции, приводящие к трансформации правовых основ государственного управления в условиях цифровизации. Например, в последние годы одним из важнейших направлений управленческой деятельности в России стала цифровая экономика. Именно органы публичной власти, используя властные полномочия, определяют особенности правового воздействия на изменяющиеся общественные отношения. В связи с отмеченным обратимся к отдельным авторским концептам информации.

Учебная литература по праву предполагает ознакомление аудитории с различными точками зрения по вопросу формулирования правовой дефиниции информации, при этом основное внимание в ней уделяется конструкциям, предусмотренным действующим законодательством. Информация есть сведения (в том числе сообщения и данные) независимо от формы их представления, что закреплено в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее по тексту – Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ)¹.

В учебнике И.Л. Бачило сформулировано определение информации с учетом философского понимания категории. Ключевой характеристикой информации выступают образуемые связи и взаимозависимости. При этом информация понимается как разнообразная характеристика окружающего мира, возникающая в процессе познания и измерения свойств². Благодаря восприятию информации человек может устанавливать связи и зависимости

---

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. № 165. 29 июля.

² Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 25.

проявления различных сторон мира (материальные, идеальные и иные). Данное определение информации развивает отмеченный выше информационный подход к пониманию и определению информации, а также учитывает глубокую философскую мыслительную деятельность, обосновавшую информацию в качестве общенаучной категории.

Независимо от типа правопонимания интерпретирующего дефиницию лица, указанное определение выглядит универсальным для правовой теории потому, что довольно точно отражает субъектный состав информационных правоотношений, поскольку информация – субстанция, воспринимаемая и понимаемая человеком. Развивая в дальнейшем тезис о главенствующей роли субъекта – человека, информационные технологии и информационные системы можно представить в качестве инструмента практической информационной деятельности, позволяющей добиться более качественных результатов при работе с информацией, а именно в ее цифровой форме (цифровая информации стала наиболее подходящей формой для использования человеком, начиная со второй половины XX века, в связи с развитием научно-технического прогресса и компьютеризацией управления).

Исследование информации в юридической литературе зачастую происходит с междисциплинарных позиций, поскольку определение было впервые сформулировано представителями точных (технических) наук и последовательно дополнено представителями естественных наук. Тем не менее сближение информации с понятиями «материя» и «энергия» произошло благодаря социальным и гуманитарным наукам. Таким образом, исследователи рассматривают информацию как меру организации различных факторов объекта, сообщения о чем-либо, происходящим в информационной и иных сферах и т.д.¹

Иной подход в юридическом понимании информации предполагает в качестве объекта правового регулирования рассматривать не любую информацию, а социальную информацию. Такая информация произошла

---

¹ Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 36.

определенную трансформацию, поскольку человек ее извлек, отразил в сознании и благодаря знаковой форме передал. В связи с чем, информация – есть сведения либо данные, включенные в оборот в виде символов и знаков¹. Похожее по смыслу определение закреплено в действующем законодательстве, которое отражает формальный и содержательный признаки информации.

Акцентируя внимание на важности вопроса о выработке правовой дефиниции информации, полагаем, необходимо определить информацию через все многообразие форм, которые закрепляют информацию в различном отраслевом законодательстве, а не только в области специального регулирования – информационного. Содержательный анализ выборочных нормативно-правовых актов публичного регулирования позволяет уяснить определенные закономерности в юридическом закреплении рассматриваемого феномена (феномен – термин, активно используемый и характерный для исследований в сфере информационного права, и, на наш взгляд, он наиболее удачен, поскольку подчеркивает сложность объекта исследования и его многогранную природу, в том числе в юридической деятельности).

В тексте Конституции РФ информация упоминается в ст. 24, 29, 42 и 71. С учетом содержания указанных норм можно сделать вывод о том, что информация есть результат человеческой деятельности (каждый человек имеет право свободно осуществлять действия с информацией, учитывая действующее регулирование). Основным законом РФ предусмотрены определенные гарантии в отношении информации о частной жизни (наличие согласия), экологической информации (о состоянии окружающей среды), массовой информации (свобода информационной деятельности – средств массовой информации). Кроме того, информация упомянута в одной норме наряду с энергетикой, транспортом, информационными технологиями, связью и космосом в числе предметов исключительного ведения Российской Федерации. Можно

---

¹ Ковалева Н.Н. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 19.

предположить, что указанные категории объединены в одной норме в связи с их особой значимостью для развития общества.

Большое количество составов правонарушений содержит Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее по тексту – КоАП РФ), связанных с использованием и распространения различной по содержанию информации¹. Отдельный состав правонарушения (ст. 5.39 КоАП РФ) предусмотрен за отказ в предоставлении информации, предоставление которой предусмотрено федеральным законом. Кроме того, ответственность наступит за несоблюдение сроков либо за заведомое изменение (искажение) содержания информации, после чего она станет недостоверной. При этом отказ в предоставлении информации нарушает законные права и интересы граждан, поскольку обладание информацией позволяет им обоснованно совершать действия, которые могут повлечь наступление юридических последствий.

В Налоговом кодексе РФ информация фактически отождествляется с документами, но не со сведениями, предоставляемыми или получаемыми от государственных органов (определения, предусмотренные актом)². Согласно Федеральному закону от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» документом является материальный носитель с информацией в определенной форме, который имеет специальные реквизиты для идентификации³. Документ необходим для общественного использования и хранения.

В таможенном регулировании информация рассматривается в качестве сведений, которые могут быть обязательны для доведения до соответствующего круга лиц, либо размещены в информационных системах. При этом в таможенных отношениях предполагается использование различной

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. № 148-149. 6 августа.

³ Об обязательном экземпляре документов: Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ // Российская газета. 1995. № 11–12. 17 января.

информации, в том числе задокументированной, под которой понимаются базы данных или иные массивы информации¹.

В трудовом законодательстве информация отождествляется со сведениями, которые необходимы для возникновения, изменения, прекращения трудовых правоотношений. Например, сведения о трудовой деятельности образует различная информация о работнике (место работы, трудовые функции и т.п.)².

Приведенные нормы из действующего законодательства наглядно демонстрируют, что информация даже в отраслях публичного права имеет свои интерпретационные особенности. Толкование норм, связанных с информацией, является сложным процессом ввиду разрозненного регулирования и отсутствия единообразной практики применения юридической техники. Определение информации, под которой понимаются в первую очередь сведения, имеющие различную форму выражения, получает последовательное развитие в публично-правовом регулировании. Основной, но не единственной, легальной формой фиксации информации в правоотношениях выступает документ, исходящий от управомоченного лица или органа. При этом по мере проведения исследования будет подчеркнута, что законодательство постепенно изменяется, отходя от традиционного формализованного понимания информации как документа, а цифровая информация позволяет образовывать новые информационные объекты, требующие выработки соответствующих нормативных конструкций.

Примечательно, что термин «информация» все чаще стал подменяться термином «данные», который можно признать более подходящим в условиях трансформации общественных отношений. Данные есть информация, что также прямо предусмотрено законодательной дефиницией. Значение данных по сравнению со сведениями существенно возрастает в регулировании

---

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (Приложение № 1) // URL: <https://www.eaeunion.org>

² Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.

общественных отношений, которые связаны с применением автоматизированных способов обработки информации. Если сведения в публичном регулировании зачастую предстают в форме документов, то по отношению к данным какая-либо специальная формализованная конструкция практикой не выработана (в литературе все чаще можно встретить упоминание термина «большие данные», однако он отражает скорее структурно-организационные особенности накопления и обработки информации с применением информационных технологий для различных целей использования полученных результатов).

Данные можно встретить в различной интерпретации в нормативно-правовых актах (например, открытые данные либо персональные данные), а их определение можно обнаружить в различной стандартизированной терминологии в сфере управления документами и архивами, использования информационных технологий, обеспечения информационной безопасности¹. Под данными, в рамках настоящего исследования, понимается такое представление информации в формализованном виде, которое будет удобно для работы с ней в целях автоматизированной передачи, интерпретации и обработки. При этом, автоматизация подразумевает применение информационных технологий. Законодательное определение данных в настоящее время отсутствует.

Рассматриваемая категория только начинает использоваться в публично-правовом регулировании. Данные рассматриваются с экономической точки зрения, что актуально не только для бизнеса, но и осуществления государственного управления². При этом использование данных, как правило, сопряжено с применением информационных технологий, которые позволяют обработать тот массив информации, который не под силу обработать человеку. При использовании данных (полученных на их основе результатов в виде

---

¹ Варламова Л.Н. Информация – данные – документированная информация – документ: соотношение терминов и их определений в международных стандартах ИСО и МЭК // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 2. С. 29.

² Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт. 2020. С. 57.

информации) для целей принятия управленческих решений существуют риски. В частности, отсутствуют правовые механизмы, позволяющие не только проверить, но и обосновать действия, предложенные информационной системой. В науке идет поиск решений данной проблемы, а один из возможных и предложенных вариантов – обратиться к подходу, закрепленному в законодательстве о персональных данных, который исключает принятие управленческих решений только на основании автоматизированной обработки данных¹.

Информационное общество меняет представления людей об окружающей действительности стремительно, расширяя границы возможных действий. Многие явления развиваются не последовательно, а одновременно, но при этом связно. Наиболее очевидный пример такой связи можно привести с развитием цифровой экономики и цифровизацией государственного управления. Казалось бы, между экономическими и управленческими аспектами человеческой деятельности можно провести очевидные «красные линии», которые предельно четко разграничили бы возникающие права и обязанности участников правоотношений. Однако на практике смысл такого разграничения теряется, ведь у обеих сфер существует единая привязка в виде новых форм информационной деятельности. Так, в структуру национального проекта «Цифровая экономика» включен федеральный проект «Цифровое государственное управление»²; экосистему цифровой экономики образует партнерство платформ, сервисов, систем органов государственной власти, организаций и граждан³; создана система управления цифровой экономикой с возложением основных функции на федеральные органы исполнительной власти⁴.

---

¹ Чаннов С.Е. Большие данные в государственном управлении: возможности и угрозы // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 121.

² О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. 18 марта. Ст. 1119.

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. 15 мая. Ст. 2901.

⁴ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол № 7 от 4 июня 2019 г. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: <https://digital.gov.ru>.

Т.Я. Хабриева отмечает, что информация становится важнейшим условием для развития общества; общество и государство ожидает переоценка места и роли информации в жизни, а также правовой концепции информации¹. Очевидно, происходит усиление внимания к информации на государственном уровне, что позволяет отвечать современным вызовам, стоящим перед субъектами управленческой деятельности. Указанные процессы носят в обществе объективный характер².

Нынешний этап развития человеческой цивилизации характеризуется ускорением технологического прогресса за счет стремительного и динамичного эволюционирования механизмов применения информационных технологий, что обусловлено в первую очередь развитием цифровых каналов связи. Как следствие, под натиском научно-технических достижений происходит явная трансформация общественных отношений. Подобные изменения связаны не только с расширением сферы внедрения информационных технологий, но и их незамедлительным проникновением в повседневную действительность и оказанием существенного влияния на жизнь подавляющего числа членов общества. Имеются в виду не только очевидные для восприятия технологии, такие как доступная глобальная сеть Интернет, телекоммуникация и иные, но и более частные, ведь среди них представлены и те, которые не имеют всеобъемлющего проникновения на определенный период времени – новые беспроводные способы передачи данных, бесшовные механизмы установления сигнала, нейронные сети, квантовые разработки и т.п. Все эти и многие другие технологии выступают каналами для трансляции информации, ее распространения в первоначальном либо видоизменённом виде в условиях тотальной цифровизации общественной жизни.

---

¹ Шувалов И.И., Хабриева Т.Я., Цзинжу Ф. и др. Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2017. С. 18.

² Федотов М.А. и др. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 18.

Современные информационные технологии позволяют решать профессиональные задачи, более эффективно выполнять бытовые функции и находить принципиально новые способы удовлетворения различных потребностей. На этапе 10-20-х годов XXI века информационные технологии все активнее становятся массовыми, т.е. примитивными с пользовательской точки зрения (легко постижимыми и элементарными в использовании) и практически доступными каждому человеку (недорогими в приобретении и эксплуатации). Кроме того, их широкое распространение во многом объясняется коммерческой привлекательностью финального продукта, в котором соответствующие технологии находят непосредственное воплощение. Информационный оборот и растущая в нем потребность стимулируют товарообмен и экономические процессы. Если ранее для удовлетворения запросов требовалась и была доступна лишь определенная техника с базовыми вычислительными возможностями, то в рассматриваемый период решающее значение для всех профессиональных и иных частных задач имеют технологии, доступные на технических устройствах. При этом даже за последнее десятилетие сценарии использования компьютерной техники и программного обеспечения претерпели значительные изменения¹. Подобная квинтэссенция, отражающая особую значимость информационных технологий, позволяет приносить материальную выгоду как авторам и правообладателям (создателям, разработчикам и лицам, вовлеченным в данный процесс), так и пользователям, и потребителям, которые извлекают блага и удовлетворяют потребности в процессе использования устройств и технологий.

Сегодня коммерциализация сегмента современных технологий происходит намного активнее и быстрее, чем в предыдущие годы. Согласно периодическому аудиту компании PwC, технологические корпорации, основу бизнеса

---

¹ Dorn D. The Rise of the Machines: How Computers Have Changed Work // UBS Center Public Paper. 2015. № 4. P. 28; Popovich P. M., Gullekson N., Morris S., Morse B. Comparing attitudes towards computer usage by undergraduates from 1986 to 2005 // Computers in Human Behavior. 2008. V. 24. I. 3. P 986; Autor D. H., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // Quarterly Journal of Economics. 2003 V. 118. P. 1279.

которых составляют собственные программные разработки и методы работы с информацией, возглавляют список самых дорогих компаний мира последнее десятилетие, ставя новые рекорды капитализации и борясь за лидерство в объёме ежегодной выручки¹.

Указанные процессы имеют глобальный характер, они охватывают все государства с открытой экономической и правовой системами и свободным информационным обменом. Как отмечается в исследованиях, настоящий период можно охарактеризовать как эпоху «электронной цифры», что с учетом степени развития информационных (информационно-коммуникационных) технологий формирует принципиально новую реальность для информационного общества, приводя к изменениям содержания, формы и механизма действия права². В свою очередь, это приводит к трансформации общественных отношений, изменениям экономического уклада, и, как следствие, более отчетливо ощущается запрос в «ревизии» сложившихся правовых конструкций и подходов к их содержательному наполнению и толкованию. Не исключено, что в случае необходимости может потребоваться принятие соответствующих действий, отвечающих времени, которые будут выражаться в совершенствовании механизмов нормативно-правового регулирования.

Невозможно не указать на очевидное – на существующую проблему разработки оптимального, адекватного и своевременного правового регулирования для сложившихся и постепенно складывающихся общественных отношений, что всегда было актуально для выражения социальных интересов³. Остается указанная проблема насущной в условиях цифровизации правовой системы, поскольку на примере отрасли информационного права очевидно, что доступность информационных технологий и получаемых с их помощью сведений способно оказывать самое непосредственное влияние на личность

---

¹ Global Top 100 companies by market capitalization. PricewaterhouseCoopers. July 2019 // URL: <https://www.pwc.com/gx/en/audit-services/publications/assets/global-top-100-companies-2019.pdf>

² Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 6.

³ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права. 2008. С. 52.

человека, «обнажая» в различной степени его фактические действия и зачастую оказывая влияние на поведение в социуме.

Цифровизация как тренд современного периода, выступила основой для появления новых явлений, в том числе правовых. Тем не менее она имеет социальную природу возникновения, которая проистекает из пристального внимания исследователей к информационным технологиям в экономике, образовании, культуре, здравоохранении, политике, праве и т.п. Базу для ее последующего отраслевого развития и научной популяризации заложили авторы экономических исследований. Особое внимание международного и отечественного научных сообществ к данному явлению сфокусировано в рамках формирования и изучения концепции цифровой экономики развитых и развивающихся государств.

Рассматривая цифровизацию в качестве особого предмета научных изысканий, трудно установить с высокой вероятностью и определенностью тот самый момент, с которого данное явление берет свое начало и оказывает влияние на трансформацию общественных отношений. Не ставя перед собой амбициозную задачу в поиске исторических ретроспективных данных, по нашему убеждению, цифровизацию особенно целесообразно рассматривать в контексте общецивилизационного процесса, который обусловлен появлением новых взаимосвязей между отраслями и сферами человеческой жизни и основан на применении информационных технологий, задействованных в информационном обмене.

Не исключено, что с дальнейшим развитием технологий общество в целом и наука в частности, как отдельное направление целенаправленной человеческой деятельности, перейдут к другой стадии своего развития, основы которой уже сейчас формирует процесс цифровизации. При этом с течением времени все более ощутимым становится эффект «завышенных ожиданий», ведь далеко не все интегрированные в повседневную жизнь процессы, основанные на применении информационных технологий, дают тот ожидаемый результат, на который были изначально сориентированы действующие

субъекты. Риски для цифровой экономики во многом обусловлены неразвитостью системы правового регулирования и отсутствием ее гибкости, а также невозможностью точного прогнозирования и моделирования перспектив развития общественных отношений. К тому же текущий временной интервал развития и состояния права как регулятора в глобальном смысле (не в рамках отдельных национальных юрисдикций), можно охарактеризовать как период «правовой безразличности», ведь на международном уровне фактически отсутствуют нормы, определяющие особенности процесса цифровизации. Соответственно, механизмы обеспечения естественных прав и законных интересов личности в условиях развития цифровой экономики находятся в неопределенном состоянии.

Вместе с тем феномен цифровизации является относительно новым для науки. Одним из первых термин «цифровизация» в 1995 году использует американский информатик Н. Негропonte. Он рассматривает цифровизацию в контексте процесса, позволяющего сжать данные и уменьшить количество ошибок при передаче сведений через новые (на тот период времени – вместо аналоговых) каналы связи¹. В качестве примера внедрения цифровизации он рассматривает бытовые средства коммуникации, которые нацелены на передачу информации в социальных целях. Развитие и более широкое инфраструктурное проникновение цифровых каналов связи спустя десятилетия не оказало какого-либо существенного влияния на данный подход, ставший базовым в понимании цифровизации. В целом, он вполне оптимально отражает и сегодняшние реалии. Через определенное время, с развитием информационных технологий и осознанием их роли в существовании современного информационного общества, термин становится все более популярным в различных областях, включая экономику и право.

---

¹ Negroponte N. Being Digital. London: Hodder & Stoughton. 1995. P. 15.

Исследуемое понятие употребляется в научных трудах и профессиональной среде в широком и узком смыслах¹. Под цифровизацией в узком смысле понимается процесс или факт преобразования информации, а именно придание ей цифровой формы. Содержание цифровизации в широком смысле имеет принципиально другое значение и фактически обусловлено тенденциями общественного развития – переходом информационного общества к обновленному экономическому укладу, т.е. так называемой цифровой экономике. В частности, в широком смысле цифровизация – это процесс, который позволяет повысить качество жизни за счет модернизации различных сфер человеческой жизнедеятельности, в том числе управления различными социальными процессами.

Позитивным эффектом цифровизации (в узком значении) является выбор наиболее оптимального способа передачи информации, включая ее трансформацию и появление новой цифровой формы, а также (при широкой трактовке) ускорение процессов развития национальной и глобальной экономики за счет более эффективного управления. Выступая катализатором развития, цифровизация оказывает влияние на социальную, культурную и экономическую жизнь общества, а также она влияет на правовую систему, проверяя на прочность устоявшиеся правовые механизмы. Таким образом, цифровизация имеет значение для развития правовой системы любого государства, являющегося частью мировой экономики, поскольку требует выработки конкретных механизмов правового регулирования. Цели регулирования могут быть различны, однако их определяет интенция развития сфер человеческой деятельности. В связи с этим представляется необходимым установить вероятностные факторы конкуренции отраслей и реперные точки их взаимодополнения в рамках единой и цельной правовой системы.

На данный момент цифровизация в общетеоретическом смысле не получила должного исследования и внимания со стороны юридического

---

¹ Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47.

сообщества. В последние годы только начали появляться первые отечественные теоретические и комплексные исследования, которые призваны изучить право в период цифровизации общественных отношений, объяснить многогранность возникающих связей и выработать соответствующие правовые механизмы.

Если для экономики цифровизация выступает процессом смены технологического уклада и производственного процесса¹, то для права подобная аналогия вряд ли является приемлемой. Право, будучи формальным выражением равенства (всеобщей справедливости)², а не материальным явлением, имеет регуляторное значение. Праву свойственна последовательность и непрерывность³. Для выработки регуляторных механизмов необходим учет тех или иных фактических обстоятельств, событий и фактов, которые позволят наиболее оптимально очертить пределы и границы поведения членов общества. Они же имеют эволюционное значение для права в целом, но их упорядочение не должно и не может привести к коренному пересмотру фундаментальных основ правовой системы. Соответственно, цифровизация для правовой системы – лишь временный фактор, который направляет интенцию правотворческих и правоприменительных органов для решения стоящих перед ними задач.

В субъективном смысле цифровизация постепенно находит все более выраженное проявление в системе правового регулирования. Однако это отражение не является последовательным, взаимосвязанным и взаимообусловленным внутри отраслевой системы деления российского права. Так, цифровизация в первую очередь наиболее активно проникает в отрасли частного права, ведь их особенности регулирования основаны на большей диспозитивности, вариативности и допустимости действий сторон. При этом отдельные обстоятельства оказывают влияние на трансформацию предмета информационного

---

¹ Удальцова Н.Л. Цифровизация экономических процессов в контексте промышленной революции 4.0 // Креативная экономика. 2019. № 1. Т. 13. С. 49.

² Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов. Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма. 2004. С. 188.

³ Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК. 1995. С. 163.

права¹. Этот процесс носит непрерывный, длящийся характер. Можно обнаружить проявление цифровизации и в отраслях публичного права. Государство в лице законодателя периодически реагирует на те или иные вызовы и обозначаемые в обществе запросы. Вместе с тем в контексте правового регулирования новой цифровой реальности отмечается, что существующее законодательство не в полной мере отвечает потребностям времени из-за отсутствия связи между законами².

Ученые-юристы рассматривают как тенденции правового регулирования и практики, так ключевые постулаты отечественной теории права и ее изменение под влиянием процесса распространения и внедрения информационных технологий. Акцентируется исследовательское внимание на том, что в цифровую эпоху основные компоненты дефиниции права нуждаются в уточнении (субъекты права, объекты права, правоотношения)³. Кроме того, подчеркивается, что цифровизация, оказывая влияние на сферу правового регулирования, выступает одним из факторов ее динамического развития⁴. Следовательно, высока вероятность, что в перспективе изменениям могут быть подвержены фундаментальные основы правовой теории, что приведёт к пересмотру устоявшихся механизмов развития правового регулирования (правотворчества и правоприменения) в частных и публичных сферах. При этом изменяется не природа юридических понятий и категорий, а трансформируется их понимание, восприятие и толкование. Поэтому цифровизация «вдохнула» новую динамику в правовую сферу.

В предыдущие десятилетия аспектам влияния технологий на выработку и применимость правового регулирования уделяли пристальное внимание советские ученые, которые искали связь между информацией, возможностями

---

¹ Бачило И.Л., Полякова Т.А., Антопольский А.А., Демьянец М.В., Жарова А.К., Монахов В.Н., Семилетов С.И., Талапина Э.В. Об основных направлениях развития информационного права за 2000-2015 гг. // Государство и право. 2017. № 11. С. 78.

² Зорькин В. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. № 115. 30 мая.

³ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 6.

⁴ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94.

применения различных методов ее обработки и механизмов регулирования информационного оборота¹. Являясь перспективной в плане научных исследований, тематика трансформации общественных отношений под влиянием информационных технологий всегда требовала изучения смежных норм и технических правил, а также поиска связей между ними. Технологии выборочно, на разных этапах развития права, получали закрепление и отражение в правовых актах как на законодательном уровне, так и на уровне подзаконного нормативного регулирования. Однако только последнее десятилетие с формированием информационного общества, зарождением основ цифровой экономики становится все более очевидно, что эта связь не столь абстрактна и неуловима, как казалось ранее, а реально существует и заключается в объективизации информации и конкретизации условий информационного обмена. Именно это приводит к наполнению терминологии права новыми категориями, в том числе имеющих техническую и информационную природу возникновения.

Не вызывает сомнений, что цифровизация стала трендом современного общества и государства, оказав существенное влияние на право². Она отражает экономические, социальные, культурные, управленческие и иные особенности трансформации общественных отношений, формирует принципиально новые категории отношений³, которые получают название цифровых⁴. Более активно в последние годы идет речь о формировании новой отрасли права – цифрового права⁵.

Наряду с очевидными социальными процессами, влияющими на развитие правовой науки извне, цифровизация демонстрирует необходимость совершенствования другой стороны права. Этот аспект заключается в

---

¹ Урсул А. Д. Природа информации. Философский очерк. М.: Политиздат. 1968. С. 102.

² Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257.

³ Тумаков А.В., Петраков Н.А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 122.

⁴ Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3. С. 5.

⁵ Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2. С. 166.

модернизации и повышении доступности юридических технологий, поскольку цифровизация привносит новые явления в право: автоматическое формирование договоров, интеллектуальный поиск правовой информации, алгоритмизацию правотворчества, контроль исполнения обязательств и т.п. Следующим этапом на пути развития права может стать его машиночитаемый (цифровой) формат – формат, который будет приемлем для использования в информационных системах различного типа за счет алгоритмизации действий. При использовании информационных технологий специалистам предстоит решить такие проблемы цифровой формы отражения права как формальная определенность, непротиворечивость, соответствие представлений участников отношений о справедливом, прозрачность (понятность) реализации законных прав и интересов.

Все большее внимание в обществе уделяется правам и свободам человека, сопряженным со сферой информационных технологий. Так, приобретает высокую актуальность влияние информации на безопасность общества в целом и личности в отдельности¹. Однако эти процессы, по нашему мнению, в первую очередь связаны с феноменом цифровизации в социокультурном смысле. Право следом реагирует на те вызовы и угрозы, которые возникают в связи с общественным запросом. Подобная реакция во многом запоздалая, далеко не исчерпывающая и отчасти бессистемная. Впрочем, на первоначальном этапе, если рассматривать цифровизацию как явление определённой длительности, но только формирующееся, реакция не может быть иной ввиду сложности правового прогнозирования дальнейшего развития общественных отношений.

Влияние цифровизации на правовую теорию видится более сложным явлением, которое требует времени для детального изучения понимания и восприятия обществом изменяющихся правовых принципов и складывающихся закономерностей. Для оценки точечных изменений в праве, происходящих под

---

¹ Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.13. М. 2017. С. 129.

влиянием цифровизации, необходим целостный взгляд на правовую парадигму через призму общеправовых и отраслевых принципов правового регулирования с учетом всех компонентов.

Безусловно, отсутствие устоявшегося и единого в научной среде взгляда на цифровизацию обусловлено новизной рассматриваемого явления. Постепенно появляющаяся литература по данному вопросу является лишь первыми источниками реального и выборочного анализа юридической практики и точечных изменений законодательства. В действительности сторонам влияния этого процесса на правовую систему отечественные исследователи начали задаваться буквально несколько лет назад, многие труды относятся к достижениям представителей информационной и частноправовой науки с учетом их междисциплинарного интереса в исследованиях. В литературе не встретить упоминание другого вполне очевидного факта – цифровизация стала логичной формой развития таких процессов как информатизация и автоматизация. На предыдущих этапах развития отечественной правовой системы они оказывали заметное влияние на процесс правотворчества и правоприменения, выступили основой для фундаментальных исследований.

Примечательно, что отсутствуют выработанные критерии, которые позволили бы разграничить автоматизацию, информатизацию и цифровизацию во временном контексте, определить их черты и особенности перехода из одной области в другую. Полагаем, что комплексный взгляд на содержание и проблематику их влияния на общественные процессы целесообразно рассматривать именно в определенной последовательности.

Зачастую понятие автоматизации используется в контексте изменения процедуры совершения каких-либо определенных действий, а информатизация – для выбора оптимального способа регулирования информационного оборота, при этом цифровизация рассматривается в контексте глобального влияния информационных технологий на происходящие процессы.

Юридическая деятельность в самом обобщенном виде, как и многие десятки лет назад, находит воплощение преимущественно в форме

традиционной – в виде бумажного оборота и анализа практики на основе совершаемых вручную действий, иными словами, ручной деятельности. Использование компьютерной техники, а также незначительная адаптация информационно-коммуникационных технологий в работе позволяют говорить о процессе автоматизации. Основу процесса автоматизации составляют автоматизированные информационные системы, которые позволяют хранить установленные объемы информации и значительно быстрее получать доступ к ним. Подразумеваемая определенная уровень систематизации информации и возможность обеспечения соответствующего режима доступа к ней, автоматизация наиболее широкое внедрение получила как в деятельности государственных органов, так и органов местного самоуправления. В настоящее время во многих сферах созданы и функционируют государственные автоматизированные системы, которые позволяют справочно и выборочно получать необходимую информацию в рамках стандартных поисковых процедур – посредством запросов в интерфейсе. Стоит отметить, что процесс автоматизации оказал существенное влияние на механизмы государственного и муниципального управления, повысил удобство осуществления юридической деятельности. При этом сформировавшееся в условиях автоматизации общественных процессов законодательство продолжает развиваться, а в области автоматизированных информационных систем находится в незавершенном состоянии¹.

Широкое распространение автоматизация получает в 60-х годах XX века, однако в тот период многие проекты по развитию автоматизированных систем встречаются с фактическими сложностями: высокой стоимостью внедрения и недостаточным уровнем технологий. Например, общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации не реализуется², а возможности для применения получают менее амбициозные проекты. Подобные проекты существовали в юридической сфере: информационная база

---

¹ Амелин Р.В. Правовое регулирование разработки и внедрения автоматизированных информационных систем в сфере государственного и муниципального управления. М.: ГроссМедиа. 2020. С. 4.

² Китов А.И., Ляпунов А.А. Кибернетика в технике и экономике // Вопросы философии. 1961. № 9. С. 80.

нормативных документов 1957 года, справочная правовая система «Эталон» и коммерческая система «ЮСИС». Тем не менее в дальнейшем данное направление получает развитие: появляются современные автоматизированные информационные системы в государственном управлении и юридической деятельности, многие из которых доступны в виде отдельных и самостоятельных информационных систем.

Рассматривая автоматизацию как деятельность по применению технических средств, методов и систем вычисления, важно отметить ее преимущество, которое заключается в освобождении человека от участия в процессе преобразования и передачи информации. Такой процесс повышает доступность информации, которая не изменяет свой вид и тип, оставаясь в первоначальном формате. Для автоматизации достаточно аналоговых каналов связи, которые не применяют методы кодирования информации. Подобная автоматизированная информация обладает целевым характером, но она не имеет конкретного адресата в процессе передачи и может быть передана максимально возможному количеству соответствующим образом настроенных устройств, а значит доступна широкому кругу лиц. Таким образом, автоматизация поспособствовала внедрению современных средств обработки информации в различных процессах, обеспечив основу для их интеграции и развития в последующие годы¹.

На рубеже конца XX века информационные технологии, нацеленные на проведение вычислительных операций, активнее внедряются в профессиональную сферу, значительно проникая и в юридическую деятельность. Наступил период активной информатизации. Основной проблемой автоматизации выступал не уровень развития технологий, а проблемы инфраструктурного плана, не позволявшие добиться оптимальной обработки и достигнуть оперативной передачи информации в больших объемах по аналоговым каналам

---

¹ Фабричнов А.Г. История правового регулирования автоматизации документационного обеспечения управления в 1960-1990-е гг. // ИСОМ. 2014. № 4. С. 362.

связи. Информатизация должна была решить известные проблемы предыдущего этапа проникновения технологий в жизнь человека.

Так, впервые законодательное определение информатизации появляется в Федеральном законе от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». В соответствии с утратившим силу актом под информатизацией понимался процесс создания условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов, организаций. Информатизация осуществлялась на основе формирования и использования информационных ресурсов, которые образуют документированную информацию. Указанная дефиниция отражала особенное влияние процесса информатизации на общественную жизнь. Таким образом обосновывалась социально-экономическая и научно-техническая ценность информации. Со временем информатизация получила более прикладное значение, начала ассоциироваться с деятельностью инфраструктурного плана. Вместе с тем информатизация не была связана с уровнем развития технологий, а значимость явления обосновывалась растущими информационными потребностями российского информационного общества. Однако со временем стало очевидно, что техники и для ее функционирования объекта (информации) недостаточно – необходим достаточный уровень технологий. Информатизация последовательно решала проблемы инфраструктурного (технического, а не технологического) плана.

В действующем Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ информатизация не получила закрепление на уровне основных понятий, но нашла непосредственное отражение в тексте закона. Так, в соответствии с действующим законодательством под информатизацией понимаются отношения, связанные с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации и учитывающие применение информационных технологий, а также существующие принципы в рамках отраслевого законодательства.

Информатизацию также можно воспринимать не как технологический процесс, в отличие от автоматизации, а как социокультурный феномен,

нацеленный на укрепление понимания важности информационных потребностей личности и осознанности их неотъемлемого характера в общей парадигме ценностей для нормального существования человека в информационном обществе. Одни потребности со временем получают форму законодательно закреплённых гарантий и прав, другие – только становятся признаваемыми и затем воспринимаются в качестве значимых. Изменение образа жизни человека и расширение возможностей для коммуникации обозначили период, который получил название «информатизация».

Аналогичную параллель можно провести по отношению к цифровизации, которая выступает неким социокультурным феноменом в общественном восприятии информации и информационных технологий. В частности, информатизация позволила взглянуть на информацию как на нематериальный продукт духовных изысканий. Цифровизация же вновь переворачивает восприятие информации, предлагая ее рассматривать в качестве феномена, формирующего материальную составляющую для имеющих ценность в обороте объектов. По крайней мере, такой эффект можно наблюдать на примере массива данных и существующих возможностей их использования.

Примечательно, что в качестве одного из знаковых результатов развития социального процесса информатизации можно отметить появление категории «правовая информация». Именно с возникновением данной категории можно связать развитие в отечественной науке таких важнейших направлений как «правовая информатика»¹ и «компьютерное право»², а также отметить укрепление значимости науки информационного права в отраслевой системе отечественного деления права.

Правовую информацию обычно рассматривают в двух значениях³. Во-первых, правовая информация отражает содержание нормативно-правовых

---

¹ Морозов В.К., Иваненко А.И. Концепция автоматизированных систем и сетей правовой информации // Законодательные проблемы информатизации общества. Труды ИЗиСП. М.: Изд-во ВНИИСЗ. 1992. В. 52. С. 110.

² Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М.: Юридическая литература. 1991. С. 24.

³ Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности: учебник / А.В. Душкин и др. Под ред. В.П. Корячко, М.И. Купцова. Рязань: Академия ФСИН России. 2016. С. 25.

актов. Во-вторых, в прикладном смысле речь может идти о правовой информации в юридических документах, которые можно получить с помощью справочной, поисковой и иных информационных систем. Правовая информация также может охватывать юридическую практику, доктрину и другие источники права. Внимание к указанной категории обусловлено тем, что информация может иметь правовой аспект, тем самым оказывая самое непосредственное воздействие на развитие общественных отношений. Именно поэтому формируется определенный уровень правовой культуры, а ответственное отношение и понимание значимости правовой информации позволяет существенным образом оказывать влияние на развитие общества, в котором право выполняет функцию действенного регулятора.

Особую значимость процесс информатизации в качестве условия повышения уровня правовой информированности граждан приобретает в отдельных государственных сферах¹. Информатизация сделала информацию не просто «ближе» к адресату, она позволила сформировать и обеспечить запрос на ее получение. Важное значение приобретает информационный аспект правовой деятельности публичной власти, который вытекает не только из необходимости своевременного нормативного регулирования общественных процессов, но и заключается в выстраивании взаимодействия между государственными структурами и институтами гражданского общества путем обеспечения информационной открытости. База для выстраивания подобных связей в целях эффективного функционирования взаимоотношений власти и общества основана на действенности механизмов информационного обмена, который с развитием социальных, экономических, культурных и иных потребностей все активнее попадает в поле действия права. Информатизация продемонстрировала, что выстроенный механизм обеспечения информационного обмена в рамках общего информационного пространства выступает маркером

---

¹ Морозов А.В. История правовой информатизации Минюста России на рубеже веков // Правовая информатика. 2013. № 1. С. 4.

поступательного развития общества, не допускает появление системных кризисов и препятствует возникновению социальных конфликтов.

Таким образом, процессы автоматизации и информатизации оказали существенное влияние на развитие общества, показали значимость использования информации и перспективность применения разнообразных способов ее обработки. Отмеченное предопределило последующий этап развития информационного обмена и информационной деятельности, заключающийся в появлении новых каналов связи, а вместе с этим и расширение возможностей для применения результатов использования информации и информационных технологий.

Принципиальные отличия цифровизации от информатизации просматриваются не только в том, что возникают новые общественные отношения. Происходит расширение возможностей, в том числе в тех сферах, в которые технологии по различным причинам не добирались. В частности, появляется программное обеспечение и информационные системы, которые предназначены для оптимизации юридической деятельности. Тем самым удается добиться эффективного юридического сопровождения и оформления документов, модернизировать процесс разработки, принятия и исполнения юридических норм. Индустрия позволила упростить деятельность юристов и удовлетворить запросы конечных потребителей юридических услуг. Развитие технологий отчасти исключило необходимость поиска лиц для оказания профессиональных услуг – удалось обеспечить непосредственный доступ к релевантным знаниям, соответствующим сложившейся ситуации. Как отмечается в исследованиях, подобные технологические решения не всегда требуют правового оформления¹.

Другим важным проявлением цифровизации является не только технологический эффект, но и ее социокультурная значимость. В частности, традиционные правовые отношения реализуются в фактической среде, т.е.

---

¹ Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий: LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 6.

существуют в объективной форме и вполне реальны. Цифровизация стремительнее переносит совершение фактических действий в плоскость виртуальную, демонстрирует для сторон номинальность тех или иных фактических (привычных) действий. Безусловно, она катализирует динамику правоотношений. Многие традиционные действия субъекты правоотношений уже стремятся совершать в виртуальной среде (электронной, программной либо цифровой – терминологически синонимично в данном контексте исследования, но не по смыслу и значению, под средой понимается не конкретная информационная система, а условная совокупность информационных систем либо абстрактно информационная система, в которой развиваются отношения) – в этом уже сформировался практический интерес. Особенность цифровизации, как и в свое время информатизации, заключается в том, что она с новой силой формирует у субъектов правоотношений запрос на совершение тех или иных действий оптимальным для них способом – виртуальным. Потребность в специальном правовом регулировании возникает тогда, когда отношения в виртуальной среде (в информационной системе) могут быть осуществлены и реализованы по аналогии с фактической средой. При этом такие отношения могут быть уникальными и не иметь аналогов в действительности. Для их юридического признания требуется нормативное оформление и закрепление.

Подобные потребности, связанные с осуществлением действий субъектами в информационных системах, становятся более естественными. Например, ежегодно растет объем электронной торговли, увеличивается количество обращений граждан и организаций за предоставлением государственных и муниципальных услуг, увеличивается количество публикуемых в сети документов, актов и решений органов публичной власти, многие юридически значимые действия оформляются посредством простой электронной подписи и т.п. Указанные явления стали повседневными, привычными и, что более важно, оптимальными – они укоренились в сознании людей. В связи с этим процесс правового оформления действий, получивших регулирование в фактических обстоятельствах, не может остаться неурегулированным в виртуальной среде

при использовании информационных систем. В связи с этим перспективность развития регулирования на этапе цифровизации, как явного катализатора развития общественных отношений, не вызывает сомнений.

Учитывая отмеченное выше, можно выделить два ключевых аспекта, в которых раскрываются особенности цифровизации, необходимые для осуществления своевременного правового регулирования. Во-первых, цифровизация правовой системы повышает доступность правовой информации. Она снимает барьеры в получении, восприятии информации. Осуществление тех или иных действий за счет получения информации происходит осознанно, что позволяет более оптимально подходить к выбору модели поведения в соответствии с уже известными правилами. Во-вторых, цифровизация правовой системы призвана обеспечить правовое регулирование общественным отношениям в виртуальной среде. За счет наличия возможности осуществления юридически значимых действий в новой среде формируется потребность в их признании и придании им особого статуса, а значит и в урегулировании отношений. При этом признание среды, а именно допустимости использования конкретной информационной системы и действий в ней, обеспечивают уполномоченные государственные органы или законодатель. Запрос на регулирование подлежит удовлетворению в отношениях самого разнообразного плана, и они могут вполне очевидным образом подпадать под регулирование различных отраслей права, но базовое понимание этой потребности формируется и вырабатывается в системе информационного права.

Усиление влияния виртуальной среды на жизнь каждого члена современного общества заключается в том, что технологии позволяют выстраивать коммуникацию как лично, так и дистанционно. Кроме того, она расширяет возможности для вербального и невербального взаимодействия. Коммуникация – явление сложное, особенно для юридической среды, в которой все подчинено четкому и последовательному соблюдению правовых предписаний. К

тому же любой процесс коммуникации основан на обмене информацией различного рода¹.

Можно прийти к выводу, что цифровизация правовой системы – это процесс, который направлен на формирование отраслевого правового регулирования общественных отношений, возникающих при использовании цифровой информации и использовании информационных технологий в целях применения полученных результатов для удовлетворения материальных и нематериальных потребностей личности, повышения эффективности государственного управления.

Два важнейших компонента процесса цифровизации правовой системы – это информационные технологии и информация. Обе стороны рассматриваемого явления взаимосвязаны, поскольку без информационных технологий нет возможности обработать (в широком смысле – совершение операций и действий) информацию в целях получения нового полезного эффекта. Соответственно, без информации отсутствует потребность в технологиях, поскольку им нечего обрабатывать.

С учетом необходимости использования информации выработалась заинтересованность в разработке новых технологий и расширении цифровых каналов связи. Как результат, сегодня информационные технологии и их разнообразие позволяют задуматься о новом взгляде на развитие общественных отношений и динамику права в целом. При этом в науке было установлено, что быстрое развитие правовых систем информационного общества происходит под влиянием более совершенных информационных технологий².

Важное значение в условиях цифровизации приобретают особенности правового регулирования информационных технологий. В информационном обществе растет спрос на знания, а также по-новому обозначается необходимость творческого мышления и демонстрации нестандартных подходов в

---

¹ Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2007. С. 5.

² Susskind R. E. The Future of Law, Facing Challenges of Information Technology // Artificial Intelligence and Law. 1999. № 7. P. 390.

решении задач. В связи с модификацией материальной и технологической базы для устойчивого развития государства приоритетное значение получают аналитические информационные системы, которые своими возможностями превышают потенциал стандартных автоматизированных информационных систем. В связи с этим возникает потребность в понимании того, какой именно тип технологий должен подпадать под основания для установления системы правового регулирования.

Особую сложность для понимания у юристов вызывает понятийно-категориальный аппарат сферы технологий, нацеленных на обработку информации и совершение иных возможных действий при использовании информации. Информационные технологии рассматриваются как комплексная совокупность объектов, действий и правил, которые связаны с подготовкой, переработкой и доставкой информации при коммуникации, а также как все технологии и отрасли, обеспечивающие данные процессы¹. Предлагаются различные классификации информационных технологий, которые по особенностям выполняемых функций и решаемых задач могут подразделяться на высокие, вспомогательные, коммуникационные и иные.

Вместе с тем расширение цифровых каналов связи предопределило дальнейшее направление развития отрасли информационных технологий. Изменение подходов и расширение сферы применения технологий постепенно приводит к тому, что происходит усложнение преследуемых целей, а вместе с ними оказываемых услуг и получаемых информационных продуктов. Сохраняется проблема обеспечения совместимости между поколениями технологий. В условиях глобализации и гармонизации отдельных локальных аспектов происходит ликвидация промежуточных этапов в процессе передачи информации. Одновременное усложнение технологий и потребность в их интеграции неминуемо приводит к поиску общих стандартов и единых механизмов функционирования. Примечательно, что эти процессы могут быть обеспечены и

---

¹ Ковалева Н.Н. Информационное право России: учебное пособие. М.: Дашков и К. 2007. С. 136.

разрешены как на уровне государственного регулирования в национальных юрисдикциях, так и в результате договорного сотрудничества заинтересованных сторон, не исключая при этом возможности саморегуляции на основании существующих и вырабатываемых базовых принципов.

Многообразие информационных технологий со временем должно получить приемлемую, признаваемую в науке классификацию в рамках единых критериев, что не является приоритетной задачей юриспруденции. Классификация необходима для выработки общего правового регулирования, поскольку каждый частный случай использования технологий не может быть отражен в правовых нормах не только с точки зрения логики развития законодательства, но и высокой динамики данных отношений. Фактически деление по критериям позволяет сформировать родовые понятия для выделения видов и подвидов, что принципиально важно в условиях разнообразия информационных технологий¹. Системный взгляд на информационные технологии только формируется в праве.

Полагаем, информационные технологии, для которых используются новые способы и каналы связи, можно лишь условно называть цифровыми, поскольку это не изменяет их первоначальный тип информационных (их основу работы предопределяет информация), и не трансформирует содержательно-смысловое значение, а лишь отражает текущий процесс развития. При этом для нынешнего этапа особенно характерно изменение другой важной категории – информации.

Использование цифровых каналов связи повышает эффективность и качество использования информационных ресурсов общества, а информационные технологии все сильнее интегрируются в производственные и социальные процессы. В науке постепенно формируется точка зрения о том, что интенсивное и тотальное проникновение новых информационных технологий в

---

¹ Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 года и на перспективу до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. 18 ноября. Ст. 5954.

подавляющее количество сфер общественной жизни позволяет утверждать о переходе от информационного общества к цифровому обществу¹.

Как и прежде, информационные технологии позволяют получать и эффективнее аккумулировать новые знания, предопределяя интеллектуализацию общества и развитие его социальных институтов. Такие технологии способны приблизить человечество к решению глобальных проблем и преодолению возникающих кризисов, но не исключают возникновение новых проблем, связанных с регулированием информационного обмена и недостаточностью мер по обеспечению информационной безопасности.

В связи отмеченным возникает вполне проблема практического плана: какие именно технологии в процессе использования должны обрести подробное и достаточное правовое регулирование? Полагаем, что рамочное правовое регулирование должно быть выработано для тех информационных технологий, которые направлены на сбор, обработку, использование и совершение иных действий (операций) с информацией в отношении личности человека в целях соблюдения прав и защиты свобод, а также конституционных гарантий и законных интересов. Кроме того, отдавая приоритет личности, целесообразно осознавать, что цифровизация еще стремительнее стирает границы и снимает препятствия для распространения информации. Информация, приобретающая характер массовой, должна соответствовать нравственным установкам, которые проявляется в недопустимости причинения ущерба не только личности и ее психическому здоровью, но и развитию общественных процессов. В этом заключается наиболее непростая задача для законодателя – соблюсти баланс частных и публичных интересов при регулировании информационного обмена и оборота с применением информационных технологий.

Акцентируем фокус внимания на том, что именно информация выступила тем объектом, который сформировал основу для расширения влияния феномена цифровизации. Наличие цифровых каналов связи, возникновение

---

¹ Шахрай С. М. «Цифровая» Конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1076.

новых способов работы с информацией в различных сферах общественной жизни (информационных технологий) обеспечили этому явлению лишь ускоренное развитие. Процессы обработки информации, оставаясь в тесной взаимосвязи и находясь под влиянием внешних факторов, создали условия и для трансформации подходов к пониманию роли и определению значимости информации.

Информация, представленная в цифровой форме, предполагает изначальное изменение формы (создание или перевод из одной формы в другую)¹. Содержание такой информации может быть различным. В вопросах установления правового регулирования первостепенное значение имеет не форма информации, а ее содержание, которое может быть связано с наступлением определенных юридических последствий.

Традиционное представление об информации как о сведениях независимо от формы их представления, получило закрепление в действующем законодательстве. Научная мысль во многом пошла дальше, позволив на отдельных этапах развития информационного права в России взглянуть на свойства информации. Вместе с тем научные представления об информации не только сформировали основу для изучения явления цифровизации, но и приобрели ценность для исследования информации в новых условиях.

Рассматривая информацию в организационном аспекте, ученые отмечают, что информация выступает мерой организованности и средством организации и развития любой формы материи, а всякая материя – информационна². Подобный подход основан на том, что информация связана с объектами материального мира и зависима от их свойств. Для того, чтобы рассматривать информацию не только в качестве предмета цифровых правоотношений, но и определить ее роль, место и особенности влияния на их развитие, существует потребность в конкретизации компонентов дефиниции информации в

---

¹ Bukh R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // Global Development Institute Working Paper Series. 2017. №. 68. P. 5.

² Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: учебник. Под ред. Академика РАН Б.Н. Топорнина. СПб.: Юридический центр Пресс. 2001. С. 34.

условиях цифровизации. В науке выработано множество подходов, в соответствии с которыми информация рассматривается в юридическом, философском, социальном, политическом, экономическом, культурном и иных аспектах. Интерес исследователей, их глубина погружения в поиски сущности природы информации не только впечатляет, но и приводит к принципиально различной трактовке понятия в контексте отдельных отраслей законодательства¹. Это объяснимо многогранностью категории и невозможностью исчерпывающей оценки, а также установлением индивидуальных особенностей ее восприятия, что скорее следует принять в качестве установившегося факта.

Информация обладает определенными свойствами, которые имеют самое непосредственное значение для установления системы правового регулирования в условиях цифровизации. Кроме того, на современном этапе у нее появляются новые свойства, которые значительно расширяют представления о возможностях ее влияния на человеческую деятельность.

Во-первых, информация неотчуждаема от источника, который ее производит, но свободна для распространения. Возможности для распространения открывает цифровизация, которая в очередной раз подчеркивает ее потенциал для обмена и опосредованного оборота. Однако отсутствует потребность в установлении постоянной связи информации с конкретным источником в целях ее распространения.

Аналогию можно провести с процессом получения человеком знаний, которые появляются при изучении материала и проведении исследований, а также в контексте повседневной деятельности. Знания связаны с источником и передаются через контакт с их определенным носителем. В принципе для информации также актуален носитель, который в том числе позволяет отчуждать и распространять ее. Однако функция передачи для носителя постепенно отходит на второй план. На протяжении многих лет исследователи полагали, что связь между носителем и информацией неразрывна, и очень важна для

---

¹ Копылов В.А. Информационное право. М.: Юристъ. 2002. С. 22.

организации информационного обмена¹. Сегодня носители сохраняют важное значение для обеспечения процесса хранения информации.

В настоящее время потребность в носителях для информации изменяется, ведь она способна «оторваться» от того объекта, на котором она зафиксирована. Подобная тенденция объясняется развитием информационных технологий. Как частный пример, облачные сервисы и производственные сервера, которые позволяют хранить и передавать сведения без обращения к конкретному физическому носителю информации, уже активно используются в различных сферах деятельности. Зачастую носитель информации не известен, и он может быть представлен даже не в единичном экземпляре. Развитие технологий позволило обеспечить работу специальных сервисов, которые хранят и по запросу обеспечивают доступ к необходимым сведениям.

Использование информационных технологий предопределило и развитие прав, с которыми зачастую сопровождается процесс передачи информации. Традиционно юридическое закрепление факта передачи информации осуществляется путем передачи прав для ее использования либо прав доступа к ней. Соответственно, совместно с информацией отчуждается определенный комплекс прав, который и подтверждает законность ее передачи. С учетом развития информационных технологий актуальным становится вопрос предоставления прав доступа к информации, которые позволяют аналогичным образом использовать сведения и обеспечить юридические гарантии для сторон отношений. Обусловлено это отсутствием фактической потребности в осуществлении передачи носителя с информацией и следующих вместе с ним прав на информацию. Для большей наглядности можно привести вполне бытовой пример из музыкальной индустрии: оптические носители практически полностью оказались вытеснены стриминговыми сервисами (право на доступ вместо отчуждения комплекса прав).

---

¹ Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М.: Юридическая литература. 1978. С. 19.

Во-вторых, в условиях цифровизации информация должна иметь возможность для обособления. Данная особенность информации обусловлена материальностью, ее проявлением в том, что сведениям для удобства передачи и использования необходимо придать форму символов, знаков, цифр и т.п., которые могут транслироваться и распространяться. Указанный процесс перевода информации в иное состояние и ее трансформации особенно актуален для цифровых каналов связи. Подобная возможность трансформации делает информацию, условно, оборотоспособной в широком смысле, и позволяет ее рассматривать не только в качестве объекта, но и иного компонента, имеющего значение для развития правоотношения. Далеко не во всех правовых отношениях информация способна быть «предметом». В некоторых обстоятельствах ее распространение имеет значение для совершения конкретных действий. Например, обладая нужными сведениями, участник отношения может заключить или не заключить сделку. Наличие информации в определенном смысле предопределяет его действия.

Информация, которая получает обособление в определенной форме, может передаваться от одного субъекта к другому. Логично предположить, что в противном случае невозможно вообще размышлять о фактическом существовании и наличии информации – именно при невозможности ее выделения для восприятия и распространения. В связи с цифровизацией увеличиваются и возможности для распространения или тиражируемости информации, что также расширяет потенциал для ее неограниченной передачи и последующего изменения. Таким образом, возникает необходимость закрепления того объема прав, которые позволяют распространять информацию с учетом ее предназначения и возможностей для использования.

В-третьих, еще более заметны возможности не только для распространения информации, но использования – исчезает потребность в учете ее экземпляров, т.е. теряет значение экзemplярность информации. В условиях широких возможностей для использования информации ее количественная фиксация буквально теряет практическое значение. Во многом этот тренд также

обусловлен отрывом информации от материального носителя, потерей той «неразрывной» связи, которая в итоге оказалась разорванной с учетом развития информационных технологий в условиях расширения и повсеместного проникновения цифровых каналов связи.

Объемы собираемой и сохраняемой информации неминуемо увеличиваются с каждым днем, а в ситуации развития интернета-вещей данные целесообразно анализировать с учетом целей их использования. Для таких целей, безусловно, имеет смысл формирование нормативно определенных пределов. Непрерывное аккумулирование информации и появление новых методов ее обработки привели к возникновению новой категории – больших данных. Информационные технологии на основе специально разработанных алгоритмов позволяют не только выявлять запросы человека, но персонифицировать его образ с помощью неструктурированной информации, что зачастую даже не требует обращения к персональным данным. Такие возможности таят риски, и государству необходимо искать механизмы защиты частной жизни граждан в целях соблюдения и защиты базовых прав человека.

В условиях цифровизации общественной жизни меняется взгляд на информацию. Существенно расширяются механизмы использования данных, хотя остаются прежними правомочия субъектов (разрешение или ограничение, определение порядка доступа к информации, использование по своему усмотрению, защита прав установленным законами способами), обладающих информацией. Указанные закономерности тесно связаны с процессами построения цифровой экономики¹.

Оценивая важность информации для информационного общества в контексте цифровизации, необходимо отметить, что ее восприятие как объекта, вещи или явления при определении правового регулирования, не учитывает все аспекты формирующейся реальности. Все чаще речь идет о том, что информация становится цифровой. Объяснение ее особенностей и изменение

---

¹ Лопатин В.Н. Проблемы информационного права в цифровой экономике // Право и государство. 2019. № 1. С. 52.

подходов необходимо искать в типе информационных технологий, которые используются для работы со сведениями, сообщениями и данными.

В чем же заключается особенность цифровой информации? Подобная информация представлена в цифровой форме. Данная форма предполагает обработку отдельных элементов ее содержания¹. В частности, цифровой текстовый документ позволяет провести не только побуквенный анализ сведений, но также увеличить количество способов обработки сведений, которые можно получить при непосредственной работе с документом. При этом для такой информации значение имеет не внешняя форма выражения или способ восприятия, а содержательные особенности, которые вытекают из способа ее существования и связи с информационными технологиями².

Важнейшее значение цифровой информации при формировании и развитии правового регулирования цифровой среды заключается в том, что такие сведения за счет расширения возможностей их использования приобретают ценность. Популярное в средствах массовой информации и деловом обороте выражение «данные – это новая нефть» получает практическое воплощение при более широких возможностях осуществления информационной деятельности в целях удовлетворения не только информационных потребностей личности. Такой эффект цифровой информации объясним ее природой, которую можно представить в виде условной квинтэссенции духовного и материального. Информация воплощается в различных формах, а обмен цифровой информацией происходит по цифровым каналам связи при осуществлении управленческой и экономической деятельности.

Цифровая информация не возникла одновременно, она постепенно начала приобретать значение и активнее трансформироваться с развитием информационных технологий. Факт необратимости перехода сведений в цифровую форму стал очевидным с развитием информационных технологий и

---

¹ Глоссарий по информационному обществу. Под ред. Ю.Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества. 2009. С. 130.

² Кушниренко С.П. Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования // Вестник криминалистики. 2006. № 2. С. 45.

появлением такого социокультурного феномена как цифровизация, которая не имеет четких временных интервалов возникновения и этапов развития.

Цифровой формат предполагает дискретное состояние для передачи информации, т.е. ее прерывистость, конечность и дробность. Дискретность является одним из свойств материи¹, а потому вновь приобретает значение подход к пониманию информации как к определенной материи. При этом особенно важно подчеркнуть, что в соответствии с разработками комплексного научного направления «теория информации», исследующего обработку сигналов в рамках технических наук, установлено, что цифровой сигнал не является прерывистым сигналом, а существует как последовательность чисел во времени (двоичный формат).

Для цифровой информации характерно несколько ключевых особенностей, которые позволяют обособить ее в качестве самостоятельной категории для разработки системы правового регулирования:

- распространение без использования носителя (потребность в носителе заключается в обеспечении условий хранения информации);
- преобразование в необходимый формат, возможный для восприятия и использования благодаря использованию информационных технологий (возможность обеспечения универсальной совместимости информации);
- широкие возможности для передачи и распространения через цифровые каналы связи;
- получение конкретным лицом (адресат коммуникации определен);
- повышение динамики информационного обмена и развития оборота, а также влияние на возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

В современном информационном обществе цифровая информация имеет важное значение для большинства сфер человеческой деятельности. Ее основное предназначение сводится к удовлетворению информационных и иных потребностей субъектов общественных отношений. Для правовой

---

¹ Блюмин С. Л. Дискретность против непрерывности при системном моделировании во времени и/или пространстве // Системы управления и информационные технологии. 2004. № 1. С. 4.

системы такая информация имеет особое значение, поскольку она ускоряет развитие социальных процессов, связанных с информационным обменом и фактическим оборотом. Цифровая экономика – очередной этап общественного развития, в котором приоритетное значение получают цифровая информация и информационные технологии. Следовательно, может потребоваться более оперативная разработка системы правового регулирования для отношений, предметом которых является цифровая информация в отдельных сферах деятельности.

§2. Генезис права на информацию в период цифровизации

Информация является значимой для выстраивания актуальной системы правового регулирования категорией, но в ее нынешнем понимании (сквозь призму объективных и субъективных прав личности) потребность нормативного закрепления впервые обнаруживается в середине XX века. Указанный период совпадает со временем зарождения и последовательного укрепления концепции поколений прав человека¹.

Так называемые права третьего поколения², будучи результатом достижения международного понимания общности вызовов, стоящих выше национальных интересов, и необходимости реакции на динамику ускоренного укрепления и развития глобальных проблем человечества, формируют основу для целого комплекса новых отраслевых прав. До рассматриваемого периода они не имели не только нормативного закрепления, но и какого-либо определенного понимания. Среди прав данного поколения особое место занимает право на информацию и связанные с ним права, которые сегодня активно трансформируются и дают почву для новых правовых явлений в целях

---

¹ Vasal K. A 30-year struggle. The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. № 11. P.29.

² Claude R.P., Weston B.H. Human Rights in the World Community: Issues and Action. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1989. P.22.

удовлетворения разнообразных как существующих, так и возникающих информационных потребностей личности.

Комплекс прав третьего поколения нередко рассматривают в качестве совокупности коллективных прав. Последовательное нормативное закрепление международным сообществом и государствами в отдельности права на информацию рассматривается в неразрывной связи с политико-социальной повесткой конца XX века. При этом контекст развития прав, связанных с информацией, обусловлен не только политической и социальной повесткой, но и возможностями информационного и технологического развития общества в условиях повсеместного распространения цифровых каналов связи и внедрения информационных технологий в повседневный быт и профессиональную сферу информационной деятельности человека.

Предпосылки формирования комплекса прав, связанных с информацией, включая в том числе право на информацию, по нашему мнению, имеют публичный характер и связаны с социальной ценностью рассматриваемых прав. Именно общественно значимый характер права на информацию, выраженный в первую очередь в возможности доступа неограниченного круга лиц к сведениям, позволил трансформировать рассматриваемую категорию. Так, субъекты права на информацию, обладая сведениями, имеющими для них ценность, впоследствии стали их использовать в различных целях, что, например, позволило найти информации вполне определенное место в вопросах осуществления частного оборота, а также в хозяйственных отношениях коммерческого, финансового, трудового и иного плана.

Исследование фактов нормативного закрепления права на информацию в его первоначальном виде обнаруживает не системность, а случайность и ситуативность такого правового регулирования. Например, в источниках права встречается закрепление информации в контексте отдельных видов деятельности субъектов правоотношений (наиболее часто в предпринимательской деятельности на различных исторических этапах). Подобные примеры наиболее точно можно обнаружить в отдельных памятниках права,

свидетельствующих о последовательной истории развития частного оборота: как в отечественных актах (например: ст. 31, 51 Псковской судной грамоты предусматривали, что для прекращения или изменения обязательства необходимо сообщить определенную информацию)¹, так и в нормативно-правовых документах иностранных государств (например: ст. 14 Саксонского Зеркала подразумевала, что не только действия, но и слова, в том числе представителя, могут нанести ущерб)².

Рассматриваемые обстоятельства совершенно не свидетельствуют о системном целеполагании и последовательности развития регулирования, как и не имеют отмеченные примеры реальных связей с комплексностью формирования нормативной предопределенности в целях возможного легального закрепления права на информацию и множества ее вариативных проявлений в динамике развития общественных отношений.

Исследовав особенности возникновения права на информацию, включая специфику ее правового закрепления, было выделено несколько предпосылок для возникновения потребности правового регулирования информации, которые имеют в первую очередь публично-правовой характер. Во многом публичный характер подобного регулирования предопределен сферой общественных отношений – общественно значимой целью принятия нормативно-правовых актов и историческими особенностями развития правовых систем.

Во-первых, зарубежная и отечественная практики правового регулирования информации демонстрируют (в исторической ретроспективе), что первые нормативно-правовые акты в отношении информации были нацелены на получение доступа к сведениям, которые отражают динамику общего состояния дел в государстве и закрепляют особенности национальной правовой системы. Иными словами, они предоставляют доступ к нормативно-правовым актам и официальным документам, в которых содержится определенного рода

---

¹ Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Часть 1: учебное пособие / сост. И.Ю. Маньковский. Барнаул. 2014. С.81.

² Саксонское Зерцало. Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В.М. Корецкий. М. 1985. С. 85.

информация, что позволяет праву на доступ к информации способствовать удовлетворению как публичных интересов, так и личных¹.

Стоит отметить, что можно обнаружить еще более ранние «корни» права на информацию в правовых актах, что выразилось в закреплении права на выражение мнения и убеждения, которое заключалось в передаче информации, имеющей личный характер и субъективную оценку происходящих событий. Указанное право распространялось исключительно на отдельные категории лиц при исполнении ими своих должностных полномочий. Например, Билль о правах 1689 года предусматривал для членов английского парламента право на выражение мнения через прения во время слушаний². Такое право позволило фактически осуществлять передачу сведений, которые с учетом уровня мышления, убеждений личности и социальных регуляторов в обществе отражают субъективное восприятие действительности установленным и известным лицом. Подобная информация получает статус официальной, и она обязательна к учету.

Возвращаясь к вопросам последовательности отражения в нормативном поле категории «информация», можно отметить, что полноценное право на доступ к информации в национальном законодательстве впервые оформляется в Швеции в 1766 году³. Круг субъектов, имевших доступ к официальной государственной информации, в тот период был ограничен членами национального парламента, которые стремились получить сведения о деятельности правителя во внешней политике, т.е. дипломатических отношениях государства. Постепенно аналогичные нормы появляются и в некоторых других европейских государствах.

Стремительный всплеск интереса к общедоступной информации в демократических государствах происходит в 70-80-х годах XX века на фоне

---

¹ Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Право на доступ к информации как элемент конституционного права на информацию // Гражданин и право. 2012. № 8. С. 35.

² Дмитревский Н.П. Законодательство английской революции 1640-1660 гг. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1946. С. 338.

³ The World's First Freedom of Information Act. Anders Chydenius Foundation. Kokkola. 2006. P.4 // URL: https://www.access-info.org/wp-content/uploads/worlds_first_foia.pdf

«Уотергейтского скандала» в США, связанного с отставкой главы государства. Ведущую роль в этом конфликте сыграли национальные американские средства массовой информации, распространившие соответствующие сведения. Указанные обстоятельства легли в основу принятия в США в 1966 году закона «О свободе информации»¹.

Как показывает практика развития законодательства, в национальном регулировании полноценное нормативное оформление в первую очередь получает право на доступ к информации, которое уже затем трансформируется, разрастается новым содержанием и приобретает более масштабные формы выражения благодаря развитию свободы слова в средствах массовой информации. Укрепление роли средств массовой информации в обществе, возникшая со временем потребность в информировании сформировали в определенном смысле основу для восприятия права на информацию в его современном понимании.

Право на информацию шире, чем право на доступ к информации. Право на доступ предопределяет возможность знакомиться и получать информацию, тогда как право на информацию является многосоставной категорией, отражающей возможность не только получения, но и последующего использования, переработки сведений и совершения с ними иных действий, в том числе посредством применения технологий. Отличительной чертой периода цифровизации является то, что возникают основания рассматривать право на информацию еще шире – в плоскости не только фактической передачи сведений, но и осуществления с ними действий в виртуальной среде, а именно в информационных системах.

Право на доступ к информации, по нашему мнению, имеет наиболее важное значение для возникновения комплексного взгляда на право на информацию, поскольку оно наиболее очевидно выражает заинтересованность личности в получении сведений, располагая которыми она может реализовать

---

¹ The Federal Freedom of Information Act (О свободе информации: Закон США от 20 июня 1966 г.). Свод законов США. Раздел 5 /// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1020192

комплекс иных прав, в том числе субъективных. Право на доступ к информации выступило катализатором зарождения полноценной потребности личности в получении информации, позволило категории «информация» выйти на новый уровень в контексте социального восприятия и системе человеческих ценностей, а также сформировать осознание того, что фактически отсутствуют границы для распространения информации.

Законодательные акты о доступе к информации о деятельности органов публичной власти и к нормативно-правовым актам приняты более чем в 90 странах мира¹. Примечательно, что подобные акты можно считать относительно новыми для национальных правовых порядков, поскольку их принятие пришлось на рубеж XX-XXI веков. По мнению исследователей, к 2025 году более 80% государств в мире будут иметь нормативные акты в отношении свободы распространения официальной информации².

Таким образом, первоначально в национальных правовых системах нормативное закрепление информации формировалось путем регламентации права, предоставляющего некий набор возможностей для доступа к сведениям определенного содержания. В связи с этим право на информацию последовательно развивается и наполняется идеей о необходимости свободы массовой информации, получает оформление во многих зарубежных странах³, в том числе и в России.

Во-вторых, возникновение международного регулирования права на информацию обусловлено общественно-политической ситуацией второй половины XX века. Именно в этот период формы международного сотрудничества государств претерпевают значительные изменения, появляется ООН, а в соответствии с положениями Устава ООН определяются цели и задачи организации, во исполнение которых возникают иные международные организации

---

¹ Vleugels R. Overview of all FOIA laws. Center for Media Freedom and Responsibility. 2013 // URL: <https://ru.scribd.com>

² Relly J. Freedom of Information Laws and Global Diffusion Testing Rogers's Model // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2012. № 89. P. 457.

³ Косорукова Т.В. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 5. С. 44.

наднационального уровня¹. Значимость международного сотрудничества для всей человеческой цивилизации продиктована потребностью сохранить правопорядок, а также создать благоприятные условия для устойчивого развития и реализации прав человека, в том числе прав субъективного толка, имеющих имущественный и личный неимущественный характер. Как отмечал Л.С. Явич, объективное и субъективное право дополняют друг друга, обеспечивая эффективность правового опосредования общественных отношений².

Развитие международного публичного права оказало значительное влияние на процесс имплементации права на информацию в национальное законодательство России, его разветвленное регулирование в отечественных правовых отраслях. В свою очередь, это обеспечило возникновение таких подходов, благодаря которым информация воспринималась и воспринимается в отечественной науке и практике в качестве межотраслевой категории.

Нормативное закрепление на международном уровне информация получает в тексте Всеобщей декларации прав человека³. В ст. 19 Декларации закреплено, что каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение, которое включает свободу искать, получать и распространять информацию любыми средствами и независимо от государственных границ. Важно отметить, что данная норма предусматривает не право на информацию в классическом смысле, а указывает на право на убеждение, из которого вытекает свобода, т.е. возможность совершать действия, связанные с информацией⁴. Примечательно, что право на убеждение имеет публично-правой характер и политические предпосылки возникновения. Любое лицо может совершать необходимые, связанные с информацией действия, в том числе распространять сведения общественно значимого характера.

---

¹ Устав ООН. Подписан 26 июня 1945 г. // URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/>

² Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1986. С. 91.

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята 10 декабря 1948 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

⁴ Утяшев М. М. Права и свободы человека в системе общечеловеческих ценностей // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3-1. С. 1247.

Подход к закреплению права на информацию на международном уровне на протяжении длительного времени не изменялся. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах в ст. 19 предусматривает, что каждый человек имеет право на свободу выражения мнения посредством реализации свободы искать, получать и распространять всякого рода информацию¹.

Примечательно, что указанный акт вновь подчеркивает трансграничную особенность информации, для которой не существует каких-либо формальных препятствий при передаче и распространении. Подобное указание можно рассматривать в качестве юридической презумпции, поскольку для информации, будучи объектом нематериального характера в условиях информационного обмена, не существует предопределенных границ и фактических пределов для распространения. Ее распространение обусловлено действиями и волей субъектов, обладающих информацией и заинтересованных в ее передаче. Возможности для ее распространения обусловлены использованием разнообразных способов передачи. Благодаря их применению появляется возможность эксплицитно передавать содержание информации для субъекта-адресата, воспринимающего ее.

Международный пакт о гражданских и политических правах, рассматривая информацию с позиции ее публичного характера, впервые очерчивает возможности для ее ограничения в целях и интересах всего человечества. В частности, ст. 20 пакта исключает из сферы информационного обмена такую информацию, которая нацелена на пропаганду войны. Специфика подобной информации подразумевает, что субъекты ее распространения могут иметь как специальный статус (органы, организации, средства массовой информации и т.п.), так и не обладать им, что отчасти определяет законность, т.е. возможность ее распространения. Указанная норма дает возможность квалифицировать информацию в зависимости от особенностей информационного обмена и ее содержания: на информацию, распространяющуюся свободно, и

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. // URL: un.org

информацию, распространение которой запрещено либо ограничено (в данном случае содержится указание на пропаганду войны).

Сегодня содержание информации, которая запрещена для распространения, намного шире, что обусловлено не только развитием международных норм, но и наличием ограничений и запретов в национальном законодательстве. Как отмечается в отечественных исследованиях, посвященных международно-правовому регулированию информации, правовые режимы распространения информации и запреты на ее оборот существуют на универсальном, а также на региональном и на национальном уровнях¹.

Право на убеждение и мнение, вытекающая из него свобода информации, согласно международно-правовому регулированию, нередко рассматривается в комплексе в качестве составного (сложного) права на свободу слова, принадлежащего личности. Указанное право имеет длительную историю развития, начиная с конца XVII века. Исследователи отмечают, что в европейской доктрине свобода слова выступает неотъемлемым правом в соответствии с природой человека (или личной свободы человека), а в американской – в качестве основополагающей свободы².

С учетом международного регулирования в современных демократических правовых системах свобода информации рассматривается в первую очередь с позиции ее общественного значения и социальной ценности. Уже затем она получает такие формы воплощения и реализации, которые могут использоваться для достижения индивидуальных интересов. В результате открываются возможности для каждого члена общества (личности) совершать такие действия с имеющейся в его распоряжении информацией, которые не нарушают действующее правовое регулирование, а также не противоречат публичным интересам.

---

¹ Талимончик В.П. Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.10. СПб. 2013. С. 20.

² Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. В. 36. С. 138.

Особенно важно отметить, что на уровне публичного регулирования выработаны определенные изъятия или исключения в вопросах распространения информации (информация ограничена в рамках информационного обмена или запрещена под угрозой наступления ответственности). На уровне частного регулирования такие границы для распространения информации, в том числе возможности для ее опосредованной передачи, только предстоит определить с учетом развития уровня информационных технологий и их интеграции в различные сферы жизнедеятельности человека.

В-третьих, право на информацию в отечественной правовой системе имеет конституционно-правовое закрепление. Впервые в России право на информацию в рамках конституционно-правового регулирования находит отражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 года, принятой Верховным советом РСФСР¹. До этого периода право на информацию не встречается в тексте конституционных актов СССР и РСФСР, а исследователями право на информацию рассматривается лишь теоретически и в тесной связи с существующей системой политических прав граждан.

В действующей Конституции России ч.4 ст.29 прямо закрепляет и предусматривает реализацию права на информацию. Указанная статья определяет, что каждый человек имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. В этой же статье предусмотрено, что гарантируется свобода массовой информации. Таким образом, Конституция России прямо содержит в тексте упоминание права на информацию, регламентация которого находит последующее отражение в отраслях публичного и частного права.

Закрепленное в тексте Основного закона России право на информацию является многогранным. Норма носит универсальный характер, а действующее регулирование позволяет реализовать как публичный интерес, так и частные цели. Право на информацию находит свое непосредственное отражение в

---

¹ О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. 26 декабря. № 52. Ст. 1865.

общественных отношениях, складывающихся между публично-правовыми образованиями и гражданами: доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, особенности бумажного и электронного документооборота, договорные отношения, распространение массовой информации, защита информации с ограниченным доступом, осуществление библиотечного и архивного дела, регулирование рекламной деятельности, обработка персональных данных, использование информационных систем, обеспечение информационной безопасности, регулирование информационных технологий и видов информационной деятельности и т.п.

Другая важнейшая конституционная норма, преследующая цель защиты интересов общества, отражена в ст. 42 Конституции РФ. В соответствии с рассматриваемым положением каждый имеет право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Механизмы получения информации, являющейся общедоступной, в целях установления уровня загрязнения окружающей среды определены в профильной экологической (природоохранной) отрасли законодательства¹.

Содержатся в Основном законе и другие нормы, связанные с правом на информацию. Так, ст. 24 Конституции РФ устанавливает, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. Определенная информация о лице может также рассматриваться в качестве личного нематериального блага, поэтому она имеет частноправовую природу и специальные способы защиты. Кроме того, информация имеет иные аспекты регулирования, находящие отражение в публичных отраслях права в целях защиты конституционных прав граждан, связанных с использованием и распространением информации².

---

¹ Мельникова В.Г. Открытые данные в механизме реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 124.

² Сулопаров, А. В., Тарбагаев, А. Н. Ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: уголовно-правовой и административно-правовой аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2. С. 188.

Поиск направлений дальнейшего развития правового регулирования информации и связанных с ней прав продолжается в различных отраслях, в том числе и на уровне конституционно-правовых норм. Непосредственное упоминание информации можно обнаружить в тексте Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», который предусматривает в том числе изменения в ст. 71 Конституции России¹. После проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации указанные нормы вступили в силу и дополнили текст Основного закона².

В частности, изменена редакция пункта «и» ст. 71, которая вместо словосочетания «информация и связь» содержит новую формулировку «информация, информационные технологии и связь». Кроме того, пункт «м» рассматриваемой статьи дополнен положением «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных». Именно на конституционном уровне предложено закрепить достижения науки и техники, придать особое значение процессу развития информационных технологий в связи с использованием, обработкой и передачей информации. Указанные полномочия по регулированию информации и информационных технологий, в том числе собранные с их использованием данные в цифровой форме, закреплены за федеральным центром. Расширенная и уточненная компетенция с течением времени потребует разработки и принятия федеральным парламентом новых законодательных актов, которые сформируют основу для применения информационных технологий и определят условия информационного обмена и оборота в России.

---

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 16 марта. № 55.

² О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17 марта 2020 г. № 188 (в ред. от 25 марта 2020 г.) // Российская газета. 2020. 19 марта. № 59 (с изм. Российская газета. 2020. 27 марта. № 66).

Кроме того, закрепление положения об обеспечении безопасности личности при использовании информационных технологий и обороте цифровых данных в пункте, включающем вопросы обороны и безопасности граждан и государства, демонстрирует не просто важность, но и повышенное, приоритетное внимание законодателя к необходимости принятия в перспективе решений в данной сфере.

Конституционная норма, предусматривающая обеспечение информационной безопасности личности, выводит аспекты использования и распространения информации на новый уровень. В связи с этим можно отметить, что право на информацию должно получить в последующем корреспондирующую гарантию, которая позволит защитить личность от использования определенной информации при применении информационных технологий, ведь развитие информационных технологий и цифровых каналов связи позволяет активнее «вторгаться» в различные сферы жизни и получать сведения для формирования некоторого объёма данных. Как правило, лицо даже не располагает, а зачастую и не может иметь представление о том, что осуществляется сбор данных о его поведении или конкретных действиях, а также их последующий анализ. Таким образом, изменения в тексте Конституции России формируют базу для развития основ обеспечения информационной безопасности, демонстрируют необходимость детального регулирования возможностей использования информационных технологий, а также формируют новую прикладную область реализации права на информацию.

Конституционные нормы о праве на информацию обеспечивают базовую основу для развития регулирования информации в отраслях права, а последние изменения в Основном закон определяют новые направления разработки правовых механизмов и институтов, а также использования информации в самых разнообразных формах и применения информационных технологий в целях обеспечения безопасности личности и общества.

Одним из наиболее значимых документов в рассматриваемой сфере является Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213, который обновил

основы государственной политики в области международной информационной безопасности¹. Актуализована цель, заложены и оформлены задачи и направления деятельности Российской Федерации в области международной информационной безопасности. Приоритетное место в документе получили информационно-коммуникационные технологии. В качестве одного из направлений обозначено принятие Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, проект которой Российская Федерация разработала и предлагала принять неоднократно². Однако соответствующая инициатива не поддержана на международном уровне вплоть до настоящего времени. В документе предлагается ведение международного диалога государств под эгидой ООН, что позволит безопасно использовать информационно-коммуникационные технологии. Содержание указанного акта в очередной раз подчеркивает, что вопросы международного сотрудничества в информационной сфере остаются неурегулированным, а технологически развитые государства вынуждены разрабатывать и применять свои национальные подходы.

С учетом исторических аспектов развития нормативно-правового регулирования права на информацию, внимания международного сообщества к информации и фундаментальных исследований отечественных теоретиков права информационной деятельности в российской юриспруденции был накоплен значительный объем знаний, что позволило сформировать самостоятельную отрасль права – информационное право³, которая располагает своим

---

¹ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/65350> (дата обращения 13.04.21 г.).

² Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). Проект. Министерство иностранных дел Российской Федерации // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/191666 (дата обращения 21.04.21 г.).

Российская Федерация – флагман в области инициатив по поддержанию международного мира и безопасности. Например, см. также: Концепция конвенции ООН (или концепция безопасного функционирования и развития сети Интернет). Проект. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/36739/> (дата обращения 21.04.21 г.).

³ Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 21.

собственным предметом и методом¹, а также имеет статус отдельной научной специальности. О месте информационного права в системе отраслевого деления (ввиду его выделения из сферы административных правоотношений) до определенного времени велись научные дискуссии², и, по мнению некоторых исследователей, отрасль имеет публично-частный характер³. Сферу правового регулирования информационного права сегодня составляют связанные правоотношения в области информации, информационных ресурсов, информационных технологий, информационных систем, информационно-коммуникационных сетей, а также функционирования государственного управления, обеспечения информационной безопасности и наступления юридической ответственности⁴. Примечательно, что сферу информационных правоотношений можно считать неисчерпаемой при нынешних темпах развития информационного общества, и через время она вновь наполнится дополнительным содержанием.

Можно отметить, что отрасль информационного права формирует понимание сущности информации и информационных технологий, а также определяет их содержательное наполнение и категориальный аппарат. Существуют отраслевые подходы к пониманию и регулированию информации, отражающей публичный и частный характер, что проявляется как в законодательстве, так и находит осмысление в научных работах. Как отмечается в исследованиях, ввиду многообразия информационных отношений и неоднородности методов их регулирования⁵, содержания⁶, актуален вопрос об использовании межотраслевого инструментария в отношениях, предметом которых

---

¹ Информационное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / И.М. Рассолов. М.: Издательство Юрайт. 2017. С. 52.

² Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург. 2003. С. 14.

³ Никольская К.Ю. Методология правового обеспечения лицензирования и сертификации в технической защите информации // Систематизация и кодификация информационного законодательства: сб. науч. работ. М. 2015. С. 205.

⁴ Актуальные проблемы информационного права: учебник. Под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М.: Юстиция. 2016. С.18.

⁵ Копылов В. А. Информация как объект правоотношений в системах частного и публичного права // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 1997. № 9. С. 16.

⁶ Шаров В.И. Структура информационного права // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 879.

выступает информация, с опорой на информационное право, как комплексную отрасль права.

Правовые системы государств в условиях глобализации связаны со стремительной цифровизацией процессов общественного развития¹. Соответственно, различные сферы жизнедеятельности, включая право, наполняются новым содержанием. Это приводит к тому, что возникают неизвестные ранее отраслевые феномены, к примеру, LegalTech в юриспруденции². Целесообразно нормативное оформление содержания категорий «цифровая экономика» для хозяйственной деятельности³, «электронное правительство» в целях развития общественно-политической сферы и т.п.

Учитывая длительную историю развития и достаточно широкое нормативное регулирование информации, сформированное в первую очередь отраслями публичного права, право на информацию и его производные компоненты с течением времени, а именно с переходом к рыночному укладу экономики, постепенно получили достаточно глубокую интеграцию с институтами частного права.

Процесс цифровизации стирает привычные грани между публичными и частными отраслями права. Информация и разработанные в целях ее использования и обработки информационные технологии проникают в деятельность человека и получают соответствующее локальное или государственное нормативное регулирование. При этом отдельные информационные технологии оцениваются в качестве актуальных и применимых для юридической практики в ближайшей перспективе⁴.

---

¹ Hartung M., Bues M.-M., Halbleib G. Legal Tech. How Technology is Changing the Legal Word. A Practitioners Guide. München: Verlag C. H. Beck oHG. 2018. P. 3.

² Грачева А. В. От правовой информатики до Legal Tech: история развития в России и за рубежом // Закон. 2019. № 5. С. 56.

³ Brynjolfsson E., Kahin B. Understanding the Digital Economy - Data, Tools, And Research. Cambridge, Massachusetts, London: The MIT Press. 2000. P. 13.

⁴ Потапенко С.В. О применении технологии распределенного реестра (блокчейн) в юриспруденции // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2018. № 3. С. 65.

Цифровизация снижает ценность дробления системы на отрасли для правовой практики¹. Наиболее яркий пример можно привести в случае, если необходимо определить правовой режим информации в отношениях, развитие которых связано с избранием оптимального метода обработки данных и определения их принадлежности. Зачастую проблемы регулирования информации возникают тогда, когда требуется фиксация природы новых явлений, в том числе исключительно существующих в виртуальной среде и представленных в цифровой форме.

На современном этапе развития отечественного частного регулирования изначально информация имела закрепление в качестве объекта гражданских прав. Кроме того, информация активно исследовалась в диссертационных работах в качестве объекта частных правоотношений. Однако с 2006 года упоминание информации было исключено из перечня соответствующих объектов гражданских прав. Тем не менее она сохранила многократные упоминания в частном законодательстве и нашла отражение в отдельных нормах, посвященных обязательственным отношениям и вопросам регулирования результатов интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем цифровизация различных сфер жизнедеятельности показывает, что информация продолжает существовать в частноправовых отношениях в обособленном виде. С 2019 года в действующем законодательстве появилась новая разновидность имущественных прав – цифровые права, сущность которых заключается в обособлении некой неопределённой по форме информации (с определенным содержанием) в виртуальной среде, используемой в соответствующей информационной системе. Цифровые права в действующем российском законодательстве упоминаются не в качестве нового явления для правовой системы, а рассматриваются в виде разновидности объектов, по поводу которых возникают субъективные права у лиц – участников отношений в информационной системе. Указанный подход достаточно узок, он не

---

¹ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 9.

сочетается с подходами в области цифровых прав, формирующимися в зарубежной практике и доктрине. Примечательно, что подобная информация необходима в первую очередь для фиксации факта принадлежности некоего объекта и отчасти является копией, не имеющей аналога в действительности, которую можно назвать симулякром¹ (или юридическим симулякром, условно, как заключительный этап развития образа объекта, наиболее приемлемого и подходящего для использования сторонами отношений), но не фикцией (такая информация имеет не процедурное значение, а именно сущностное или содержательно-смысловое).

Другим важнейшим примером актуализации внимания законодателя к информации в частных отношениях является относительно новый для договорной сферы договор об указании услуг по предоставлению информации. Можно предположить, что указанный договор нацелен на создание правовой базы для оборота цифровой информации, т.е. феномена больших данных². Примечательно, что большие данные стали предметом отдельных сделок между юридическими лицами задолго до оформления механизма правового регулирования, выступив следствием ускорения развития информационных технологий и появляющихся на их основе принципиально новых возможностей для обмена и оборота. В нынешний период с учетом уровня развития цифровой экономики информация приобретает важнейшее значение для возникновения, изменения и прекращения частных правоотношений. Указанные примеры наглядно подтверждают ранее озвученный и развиваемый в этой работе тезис: на современном этапе развития общества информация требует не точечного, а концептуального межотраслевого (смежного) правового регулирования.

Кроме того, для сферы частных отношений процесс цифровизации имеет принципиальное значение, поскольку он демонстрирует две важнейшие

---

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум. 2015. С. 5.

² Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (big data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 66.

тенденции. Во-первых, значительно увеличивается скорость информационного обмена и частного оборота. Придание действиям статуса юридически значимых в информационной системе позволяет ускорить их исполнение. Ярким примером в практике стало активное внедрение и применение технологии smart-contract или самоисполняемых контрактов (обязательств)¹. Во-вторых, цифровизация позволяет упростить доступ к использованию разнообразных благ и способам, позволяющим определять их дальнейшую судьбу. При этом исключаются фактические действия и посреднические отношения, но обеспечивается и сохраняется с учетом требований законодательства юридически значимый характер сложившихся и складывающихся отношений.

Право на информацию долгое время зарождалось и развивалось в публичных, общественно значимых целях, однако по мере развития социума и оборота ценность обладания информацией для индивидуальных нужд возрастала. В примерно второй половине XX века она приобретает характер такого объекта, в отношении которого появляется возможность совершать действия с использованием более доступной для каждого вычислительной техники. Располагая определенной «свободной» или законной информацией, ее обладатель получает возможности для распоряжения по собственному усмотрению. Право на информацию в частноправовом аспекте как раз связано с законными условиями обладания и использования информации.

Информация, которая имеет или приобретает ценность в том случае, если существует потребность в ее получении, безусловно, важна для развития системы частного регулирования. Важно понимать, что не сама ценность информации предопределяет возможности развития оборота, а интерес субъектов и полезный для сторон эффект от ее использования. При отсутствии законных оснований для использования и передачи информации, в том числе по договору, она не может выступать предметом частного регулирования. Полагаем, что такие основания должны найти комплексное закрепление в

---

¹ Сомова Е.В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 79.

законодательстве, ведь они существуют в разрозненном виде, будучи отражены в большом количестве нормативно-правовых актов, имеющих различную отраслевую принадлежность.

Еще одной важной тенденцией настоящего периода стало то, что право на информацию, имея конституционное закрепление, выступило основой для формирования самостоятельного объекта регулирования в отдельных отраслях права. Значение подобного регулирования постепенно возрастает в условиях развития демократического устройства и по мере укрепления институтов гражданского общества. Данные нормы хоть и регулируют определенную группу общественных отношений и имеют тесную внутреннюю юридическую связь, базирующуюся на стремлении субъектов получить информацию и осуществлять информационную деятельность, но они не всегда имеют признаки самостоятельной и упорядоченной совокупности юридических норм, а потому не приобретают в полной мере институциональный характер.

Примеры, иллюстрирующие отмеченное, можно обнаружить в юридической практике, рассмотрев близкие группы правоотношений.

Субъекты общественного контроля в силу закона получают право на запрос информации у органов и организаций, осуществляющих публичные полномочия¹. Законодательно закреплена обратная реализация права, которая выражается в доступе к информации об общественном контроле. К примеру, информационный обмен и право на получение информации – основа для взаимодействия субъектов общественного контроля с избирательными комиссиями в период проведения избирательных кампаний федерального, регионального и местного уровней.

Право на информацию получает достаточно широкое понимание и толкование в вопросах обеспечения прав и гарантий лиц, имеющих особый процессуальный статус и находящихся в местах лишения свободы². Так, право на

---

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Российская газета. 2014. № 163. 23 июля.

² Саттаров В.Д. Конституционное право на информацию в пенитенциарной системе Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 3. Т. 1. С. 80.

информацию получает реализацию и судебную защиту, позволяет обеспечить для подозреваемых, обвиняемых, осужденных лиц такие важные моменты, как получение и отправка почтовой корреспонденции, ведение переговоров и переписки, доступ к средствам массовой информации и иным источникам информации, получение сведений о содержании и результатов проведения проверок и иных контрольно-надзорных действий, получение сведений о законных правах и обязанностях и т.п. Проблемы реализации права на получение информации неоднократно приводили к тому, что конкретные обстоятельства и возникающие споры в уголовно-правовой сфере становились предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. К примеру, была признана незаконной правоприменительная практика по отказу в предоставлении гражданину материалов для ознакомления, непосредственно затрагивающих его права и свободы, без наличия на то соответствующих оснований в законодательстве¹. Суд обратил внимание сторон на том, что право на получение информации, затрагивающей права и свободы гражданина, как и корреспондирующая ему обязанность органов предоставлять сведения, не могут быть полностью исключены. Таким образом, должны соблюдаться ограничения для данного права, которые находятся в зависимости от содержания информации и соответствующего режима доступа к ней, предусмотренного в отраслевом законодательстве.

Дополнительный пример можно привести из сферы налоговых правоотношений. В действующем налоговом законодательстве закреплено право на получение бесплатной информации, предоставляемой налоговыми органами по запросу налогоплательщика. Воспользовавшись указанным правом, налогоплательщик будет проинформирован о налогах и сборах, регулирующих эту сферу нормативно-правовых актах и т.п. Корреспондирует этому праву обязанность органов предоставить формы налоговых деклараций и расчетов, а

---

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П // Российская газета. 2000. № 43. 1 марта.

также разъяснения о порядке их заполнения. Для реализации указанных полномочий в компетенцию указанных органов входит специальное направление деятельности, которое предусматривает публичное и индивидуальное информирование¹.

Подобные примеры, в которых право на информацию получило развитие и приобретает правовые механизмы реализации, можно обнаружить в каждой современной отрасли права, будь то сфера публичных или частных отношений. Вместе с тем право на информацию с учетом степени развития информационных технологий постепенно изменяется и трансформируется, предопределяя основу для новых правовых категорий. Особое значение при толковании норм и понимании проистекающих процессов в сфере информационной деятельности приобретают позиции Конституционного Суда Российской Федерации².

Важное проявление и выражение права на информацию можно обнаружить в правовых нормах и практике, предусматривающих реализацию права на доступ в сеть Интернет, ставшего неотъемлемой частью привычного уклада жизни. Глобальная международная сеть передачи данных, позволяющая объединить и связать любых субъектов самых различных отношений, стала важнейшим каналом для распространения информации. Она позволяет совершать действия, многим из которых уже придан статус юридических и имеющих правовые последствия. Тем не менее в связи с использованием данной категории не в полной мере определен комплекс возникающих субъективных прав, отсутствует какая-либо их систематизация или группировка с учетом признаков и сфер реализации. При этом сложно оспорить тот факт, что сеть Интернет позволяет эффективно реализовывать право на поиск, доступ, получение, использование и распространение информации.

---

¹ Мальцев О. В. Право налогоплательщика на информацию // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1. С. 57.

² Атагимова Э.И. Значимые аспекты обеспечения права на защиту информации в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1. С. 43.

Учитывая значимость сети Интернет, исследователями высказывается предложение, согласно которому право на доступ в сеть Интернет может быть непосредственно закреплено в законодательстве¹. Вопрос о необходимости признания и нормативного оформления указанного права неоднозначен. Его можно рассматривать в некой мере в качестве результата развития права на информацию в контексте применения информационных технологий. Первоначально целевое назначение сети Интернет сводилось (и во многом остается таковым) к передаче информации. Данный процесс позволил сформировать предпосылки для развития цифровой экономики, а также заметно трансформировать трудовую деятельность человека, отчасти перенеся совершение действий в виртуальную среду.

Осознавая существенное влияние сети Интернет на жизнь человека и происходящую вместе с ней динамику общественных процессов, необходимо отметить, что технология лишь обеспечивает реализацию прав, т.е. расширяет возможности для их развития в контексте получения доступа, поиска, использования, распространения информации, но не отражает само по себе определенное право. Праву, фиксирующему определенную ценность в человеческой жизни, свойственно устойчивое восприятие и положение в системе ориентиров, тогда как сеть Интернет – технология, на смену которой со временем может прийти другая технология². Не исключено, что такая информационная технология будет иметь совершенно иную природу, но при этом позволит обеспечить доступность информации и возможность ее обмена аналогичными или более совершенными способами.

Немаловажно то, что доступность сети Интернет зависит от созданных условий, в первую очередь инфраструктурного плана. Так, доступ в сеть осуществляется с помощью технических устройств – специально разработанных физических предметов, обеспечивающих соединение с глобальной системой

---

¹ Tully S. A Human Right to Access the Internet? // Problems and Prospects, Human Rights Law Review. 2014. V. 14. I. 2. P. 175.

² Cerf V. G. Internet Access Is Not a Human Right // URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html>

посредством проводной и беспроводной связи. В данном случае имеет значение материальный фактор, который заключается в том, что в отличие от других прав для реализации указанного права требуется создание и существование технических условий. Получить доступ к глобальной сети обмена данными можно физически, но без наличия специальных технических устройств это осуществить попросту невозможно. Таким образом, доступ в сеть Интернет в широком смысле может рассматриваться в качестве интереса личности, для реализации которого может потребоваться в первую очередь создание определенных фактических условий, а уже затем – разработка юридических гарантий.

Стоит отметить, что доступ к сети Интернет не приобрел характер исключительной или жизненно необходимой потребности, в которой нуждается все человечество. В подавляющем большинстве стран мира люди активно пользуются сетью Интернет¹. С каждым годом количество пользователей сети Интернет будет продолжать расти, но она не достигнет всеобъемлющего охвата в виду того, что отдельные люди так или иначе не нуждаются в подобной технологии или сознательно стремятся отказаться от ее использования. Сеть Интернет можно рассматривать в качестве источника или канала для получения больших объемов информации, которая в том числе может не соответствовать представлениям, ожиданиям, ценностям людей и т.п. Указанный аспект не позволяет рассматривать сеть Интернет в качестве безальтернативного явления современности, которое направлено на решение многих бытовых и профессиональных задач. Потребность в получении доступа к сети Интернет отчасти можно сравнить, например, с потребностями человека в обеспечении услугами электроэнергии. Сеть Интернет, как и электроэнергия, позволяет решать задачи самого разнообразного плана. Однако вряд ли целесообразно предлагать к исследованию и рассмотрению право на получение электроэнергии либо иной энергии, а также технологии в качестве неотъемлемого,

---

¹ Серго А.Г. Интернет и Право. М.: Бестселлер. 2003. С. 16.

абсолютного и исключительно самостоятельного права вне рамок обязательственных или иных частноправовых правоотношений. При этом право на свободный и открытый доступ к сети Интернет, т.е. возможность подключения к сети и выхода в нее при наличии технических и инфраструктурных условий, важно рассматривать непосредственно и в качестве условия для гарантированности реализации права на информацию.

В исследованиях отмечается, что в национальном законодательстве отдельных государств закреплено право, которое предусматривает доступ к информации в сети Интернет (например, в Греции и Эстонии)¹. Кроме того, право на доступ к информации с помощью сети Интернет через конституционное регулирование, отраслевое нормативное закрепление или правоприменительную практику в зависимости от особенностей правовой системы уже получило признание, а также специфическое понимание и толкование в таких государствах, как Испания, Канада, Коста-Рика, Мексика, США, Финляндия, Франция.

Вместе с тем такое право можно рассматривать в качестве основы или возможности для использования информационных технологий (при наличии соответствующих условий). Иными словами, право на доступ к сети Интернет в современной трактовке – не самостоятельное право, а отражение публичной природы и воплощение особой социальной значимости услуги, что выражается в невозможности отказа от ее предоставления для лица, которое обратилось за подключением к сети Интернет к оператору или провайдеру. В национальном законодательстве обеспечивается гарантированность со стороны государства создание таких условий, при которых благодаря сети Интернет лицо имеет возможность участвовать в полноценном информационном обмене. Безусловно, указанное не исключает формирование определённых ограничений и запретов на распространение информации в сети Интернет.

---

¹ Мылтыкбаев М.Ж. Право на доступ к Интернету: проблемы международно-правового признания и защиты // Вопросы российского и международного права. 2019. № 3-1. Т. 9. С. 190.

В развитии права на доступ к сети Интернет определенное значение имеет международное сотрудничество. В 2000 году принята Окинавская хартия Глобального информационного общества, которая предусматривает необходимость создания условий для подключения и использования гражданами государств сети Интернет¹. Позднее, в 2011 году в специальном докладе ООН была отмечена потребность в повсеместном доступе к сети Интернет, а также необходимость его обеспечения в целях соблюдения и реализации прав человека². В документе подчеркивается, что недопустимо отключение территорий государств от доступа к сети Интернет, а распространение информации должно быть свободным, но не допускать нарушения прав человека.

Получение доступа к сети Интернет последовательно приводит к возникновению и развитию других явлений, которые так или иначе приобретают нормативное закрепление. Сегодня сеть Интернет способствует активному производству и обмену информацией. Такая активность обусловлена возможностями, которые появляются при получении доступа к сети Интернет, а вместе с ним и к новой информации, используемой для производства уже другой информации. В связи с этим возникают отношения, которые допускают развитие права на производство информации в сети Интернет³. Принимая во внимание возможности производства информации, объяснимо существование потребностей в ее передаче и распространении. При этом особенную актуальность приобретает детализация ограничений на создание информации, которая так или иначе могла бы сформировать риски для нарушения различных прав, имеющих как частную, так и публичную природу выражения.

Право на информацию получает разноплановое развитие вследствие активного использования информации и совершенствования механизмов практически одномоментной интеграции информационных технологий во многие

---

¹ Окинавская хартия Глобального информационного общества. Принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/3170>

² Rue F. L. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression // URL: <https://www.ohchr.org/en/issues/freedomofopinion/pages/annual.aspx>

³ Шапова А.А. Особенности правового регулирования конституционного права каждого производить информацию в сети «Интернет» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2020. В. 1. Т. 20. С. 116.

отрасли и индустрии. С одной стороны, наблюдаются процессы, которые меняют отношение к правам, формируются условия для их реализации. С другой стороны, усиливаются тенденции контроля со стороны государства за информационным обменом, происходит «фильтрация» информации, распространяемой посредством сети Интернет¹. Подобное развитие событий ожидаемо, учитывая стремление государств к упорядочению процессов и регулированию деятельности граждан.

В условиях цифровизации особенное значение приобретает дальнейшая реализация и раскрытие содержания права на информацию относительно динамики общественных отношений. Принципиальное значение имеет как обеспечение информационной безопасности личности, так и недопустимость злоупотребления процессом производства информации. Информация, которая не соответствует требованиям законодательства, в том числе создает угрозы для нарушения прав, вряд ли может рассматриваться в качестве объекта для информационного обмена.

Эффектом цифровизации, оказавшим влияние на право на информацию, стало расширение возможностей для получения, хранения, обработки, использования и передачи информации. В указанных условиях регулирование любого толка теряет такую черту, как прогнозируемость или нацеленность на перспективность – все отдельные нормативно-правовые разработки в отношении информации становятся точечными. Информационная деятельность зачастую не прогнозируема, однако она сохраняет закономерности и отражает тенденции. Они полезны при разработке регулирования по принципу «здесь и сейчас», хотя зачастую юридическая практика продолжает находиться в состоянии несвоевременности регулирования (общественные отношения, которые уже получили развитие и для которых выработка норм требовалась ранее).

---

¹ Кондрашев А.А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет: российское законодательство и практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 117.

Объясняется подобная ситуация в первую очередь тем, что если ранее можно было, условно, разделить все способы регулирования в отношении информации и информационной деятельности в зависимости от ее ручного либо автоматизированного использования и обработки, то в современных условиях непредсказуемости развития информационных технологий, их широчайших интеграционных возможностей в различных сферах общественных отношений отмеченное не представляется возможным. Можно прийти к выводу, что в виртуальной среде формируются условия для расширения возможностей, в том числе реализации прав на доступ к информации. Как следствие, в действительности обеспечивается доступ к информационным технологиям, которым не требуется по умолчанию специальное регулирование. Регулирование может выстраиваться в части определения пределов и границ реализации возникающих у граждан прав, а также связанных с этим информационных технологий.

Примечательно, что в условиях цифровизации общественные отношения, которые находятся в связи с информационным пространством, требуют баланса в соотношении публичных и частных начал с точки зрения нормативно-правового воздействия¹. Аналогичным образом и право на информацию, выступая основой для появления целого ряда новых явлений, имеет частно-публичное содержание, в котором скрыты в самом общем виде как интересы общества и государства, так и личности.

С учетом отмеченного содержание и особенности реализации права на информацию зависят от того, какие цели преследует разрабатываемое и применяемое регулирование. Тенденции последнего времени показывают, что ограничения направлены на защиту публичных интересов, которые выражаются в пресечении распространения недостоверной информации, представленной под видом достоверных сообщений; в запрете на размещение

---

¹ Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25.

информации, выражающей неуважение к обществу, государству, его символам и органам и т.п.

Примечательно, что в последние годы информационная сфера интенсивнее наполняется уголовными и административными механизмами. Так, в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) внесены изменения, которые ввели новые составы преступлений в области общественной безопасности и общественного порядка. Запреты напрямую связаны с открытым распространением информации среди неопределенного круга лиц и независимо от ее источника – могут быть использованы средства массовой информации, сеть Интернет и иные каналы публичной коммуникации. Криминализовано публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и заведомо ложной общественно значимой информации (составы введены в уголовное законодательство в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19)¹, заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (составы введены в уголовное законодательство в период проведения специальной военной операции)². Помимо этого, в уголовном законодательстве содержатся запреты на распространение информации, связанной с терроризмом, экстремизмом, целостностью государства и агрессивной войной. КоАП РФ пополнился статьей, которая запрещает призывать к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Российская газета. 2020. № 72. 3 апреля.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Российская газета. 2022. № 49. 9 марта.

юридических лиц¹. КоАП содержит более 70 статей, в которые включены составы «информационных» правонарушений.

Проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни, оборота персональных данных граждан и защиты пользовательского контента должны стать теми сферами, которые целесообразно урегулировать первоочередно для обеспечения частных интересов. В настоящее время указанная информация особенно активно используется и неконтролируемо обрабатывается за счет применения информационных технологий. Отдельные аспекты постепенно получают регулирование, например, так называемое «право на забвение», предусматривающее удаление информации о лице по его запросу из выдачи поисковых сервисов.

Тем не менее защита публичных интересов, вытекающих из права на информацию, получает защиту и продолжает развиваться, хотя отдельные моменты регулирования можно подвергнуть критике. При этом другая область – сфера частных отношений находится в ожидании конкретных мер правового воздействия, которые способны защитить права и интересы граждан в условиях стремительного развития информационных технологий в информационном обществе.

§3. Принципы правового регулирования информации в российском праве

Важнейшее значение для системы правового регулирования имеют принципы. Воплощая идеалы, представления, убеждения, складывающиеся и развивающиеся на протяжении длительного времени и с учетом уровня развития общества, они помогают сформировать обобщенные мировоззренческие позиции. Практическая важность принципов обусловлена тем, что они

---

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ // Российская газета. 2022. № 49. 9 марта.

препятствуют неверному восприятию, стереотипизации или стандартизации правовых установок¹.

Принципы могут быть как непосредственно воплощены в нормах права, так и могут быть выведены доктринально, т.е. через системное научное исследование либо толкование в процессе правоприменения или уяснения особенностей регулирования. В любом случае, принципы устойчивы тогда, когда они отражают не просто фактические обстоятельства в динамике развития общества и права, но и транслируют наиболее обобщенно правовую действительность, соответствуя ей. Такая «трансляция» отражает опыт и модели, которые могут быть использованы в качестве образца и ориентира, необходимого как в правотворчестве, так и в правоприменении.

Классическое понимание принципов заключается в том, что они являются основополагающими идеями и (или) руководящими началами. В них воплощается отправная точка для юридической деятельности. При этом принципы имеют минимальное содержательное наполнение², они лишь фиксируют общее направление, которое детализировано раскрывается в нормах или на практике.

Принцип в системе правового регулирования состоятелен только в том случае, если он не просто применим к отрасли и ее подотраслям и институтам, но и вполне успешно интегрируется в систему регулирования выделенных групп правоотношений. На практике доказывается не только объективность обобщения, но и универсальность и закономерность происходящих событий и фактов, для которых существует система регулирования. В связи с отмеченным возникает проблема осуществления непрерывного наблюдения за процессом изменения принципов или их наполнением «обновленным» содержанием в динамике. Полагаем, цифровизация оказывает влияние на понимание принципов информационного права и принципов регулирования информации.

---

¹ Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84.

² Шаханов В.В. Границы действия правовых принципов // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 360.

В науке продолжают вестись дискуссии по поводу природы принципов, а также об их признаках, объективно-субъективном восприятии, а также теоретической значимости и практической применимости¹. В вопросах исследования принципов регулирования того или иного объекта важное значение имеет непосредственное понимание принципов отрасли. Информация выступает одним из объектов, который формирует основу для выделения отрасли информационного права. Поэтому определение общих принципов отрасли и законодательства может оказать существенное значение для выделения и обособления принципов более частного плана, которые непосредственно касаются аспектов регулирования информации.

В науке информационного права проблема принципов актуальна и недостаточно исследована. Отчасти это обусловлено новизной отрасли, спорами о ее природе и месте в системе отраслевого регулирования. Сформировались различные взгляды на систему принципов отрасли, но все они так или иначе имеют близкие черты и относительно общее понимание основных начал правового регулирования. Не подвергая критическому переосмыслению предложенные авторами уникальные подходы выстраивания авторского видения принципов информационного права и регулирования информации, важно отметить следующее. Проблематика не является достаточно изученной и исследованной, она имеет значение в теоретическом смысле и призвана определить базовые направления информационно-правового регулирования, в том числе в современных условиях цифровизации информационного общества.

И.Л. Бачило выделила пять групп принципов, которые находят отражение в информационном законодательстве и имеют значение для развития информационного права (общенаучные, конституционные, общие для осуществления правового регулирования, специальные для осуществления правового регулирования в определенной отрасли, принципы правоприменения)². В

---

¹ Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 308.

² Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 91.

каждой группе имеются свои принципы, которые раскрывают точечные и более узкие направления. Такое дробление основных начал позволяет взглянуть на отрасль максимально развернуто, оценить динамику информационного законодательства. Исследователь отмечает, что в информационном праве используются разнообразные принципы, которые получают развитие в методах правового регулирования и в системе информационного законодательства, включая область различных направлений информационной деятельности.

М.А. Федотов и А.А. Тедеев обращают внимание на то, что принципы не только выражают сущность норм в данной отрасли права, но и позволяют вывести базовые направления государственной политики в области правового регулирования рассматриваемых отношений¹. Дополнительно подчеркивается общеобязательность, высшая императивность принципов по отношению к общим и специальным нормам права. Принципы разделяются на социально-правовые и специально правовые (общеправовые и отраслевые).

В качестве общеправовых выделяются: законность, гуманизм, демократизм, равенство. Отраслевые принципы определяются в зависимости от содержания ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. При этом исследователи подчеркивают, что важнейшей задачей правовой системы и информационного права является необходимость выработки таких фундаментальных конструкций, которые позволили бы обеспечить инновационность развития страны в экономическом и технологическом плане. Безусловно, система правового регулирования должна выступить опорой такого развития, и ее можно выработать не просто в нормах, а в ценностных ориентирах развития информационного законодательства (принципах информационного права).

И.М. Рассолов под принципами информационного права понимает положения и идеи, отраженные в правовых нормах, регулирующих рассматриваемые отношения, которые также определяют сущность и содержание отрасли права, придают системный характер ее нормам и институтам и позволяют

---

¹ Федотов М.А. и др. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 21.

утверждать о целостности механизма правового регулирования информационных отношений¹. Автор подчеркивает отсутствие единообразного понимания категории «принцип», а также придерживается позиции, согласно которой принципы являются кратким отражением сути правовых норм.

Дифференциация принципов осуществлена по группам: общеправовые, межотраслевые, отраслевые, внутриотраслевые. Особенный интерес вызывает выделение автором десяти принципов информационного права, содержащихся не только в информационном, но и в ином отраслевом законодательстве. Так, помимо восьми принципов, предусмотренных ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, выведены такие принципы как равенство граждан перед законом в случае совершения противоправных действий в информационной сфере и обеспечение информационной безопасности. Принцип равенства подразумевает, что никакие возможные дискриминационные основания не могут исключить наступление ответственности. В зависимости от совершения правонарушения для применения мер ответственности будет использован КоАП РФ, а при совершении преступления меры наказания определяются с учетом требований УК РФ. Принцип обеспечения информационной безопасности подразумевает, что реализуется единая целенаправленная государственная политика. При этом обеспечение информационной безопасности достигается путем защиты соответствующих интересов личности, государства и общества.

Доктринальные принципы (организационная форма информации, оборотоспособность и распространяемость информации, двуединство информации и ее носителя) не нашли отражение в законодательстве, они развиваются исследователями и регулярно упоминаются в научных трудах. Систему внутриотраслевых принципов предопределяют правовые институты внутри отрасли. Фактически отдельные принципы могут развиваться в науке и попросту не иметь нормативного выражения.

---

¹ Информационное право: учебник и практикум / И.М. Рассолов. М.: Юрайт. 2020. С. 84.

С.А. Куликова исследует принципы в контексте конституционных норм, отражающих информационные права и свободы, а также информации как объекта правоотношений¹. Автором подчеркивается воплощение в принципах объективных закономерностей развития общественных отношений в информационной сфере. Классификация принципов не представлена, выделяется девять базовых принципов информационного права. В качестве принципов рассматривается приоритетность прав личности, свобода производства и распространения информации, запрет производства и распространения информации, гласность (открытость информации), полнота обработки и оперативность предоставления информации, законность, ответственность, оборотоспособность информации, двуединство информации и ее носителя.

В исследовании выделено многообразие возможностей использования информации, точнее, ее отражение в системе правоотношений. Подобное выделение принципов позволяет взглянуть на информацию как на объект правоотношений в самых различных отраслях, что отчасти подчеркивает особое положение отрасли информационного права в системе отечественного отраслевого деления. Возникают такие закономерности, которые непосредственно вытекают из узкопрофильной практики применения норм, а значит принципы регулирования информации в действительности могут быть верифицируемы независимо от того, упоминаются ли они в законодательстве или являются результатом доктринальных изысканий.

Н.Н. Ковалева отмечает системообразующее значение принципов для отрасли информационного права, подчеркивая тем самым ее самостоятельность². Автор отмечает, что основные исходные положения возможно вывести и установить исходя из нормативно-правовой базы. Так, общеправовые принципы вытекают из смысла Конституции России, а все остальные принципы являются специальными и основаны на законодательстве. В качестве

---

¹ Информационное право России: учеб. пособие / С.А. Куликова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2010. С. 20.

² Ковалева Н.Н. Информационное право России: учебное пособие. М.: Дашков и К. 2007. С. 53.

общеправовых принципов выделяется принцип приоритетности прав, законности, ответственности.

Система специальных принципов представлена двумя уровнями. Во-первых, принципы, отражающие специфику информационного права и, отдельно, свойства информации. Группу специальных принципов информационного права составляют: свобода производства, распределения, доступа к информации и запрет производства, распространения вредной и опасной информации. Группу специальных принципов свойств информации объединяют «информационные» принципы: отношений, собственности, неотчуждаемости (от создателя, обладателя и потребителя), вещи (что выражается в двуединстве носителя и информации). Автором также выделена система принципов нормативного оформления отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, характерная для действующего регулирования. При этом стоит отдельно выделить авторскую позицию, согласно которой проведено различие между принципами информационного права и принципами информационных правоотношений (их регулирования).

В.А. Копылов пишет о том, что правовое регулирование информационных отношений основано на принципах отрасли информационного права¹. Под ними он понимает основные исходные положения, которые юридически объясняют и закрепляют объективные закономерности отношений в информационной сфере. На основе конституционных информационных норм он выделяет систему из тринадцати принципов. Помимо традиционно выделяемых в науке информационного права принципов (приоритет прав личности, свобода производства и распространения информации, запрет вредной и опасной информации, свободный доступ, полнота обработки и оперативность предоставления, законность, ответственность, отчуждение информации от ее создателя, оборотоспособности информации и информационного объекта (вещи или

---

¹ Копылов В.А. Информационное право: учебник. М.: Юристъ. 2002. С. 53.

двуединства информации), автор выделяет принципы распространяемости информации, организационной формы и экзemplярности.

Последние три принципа отражают не нормативно-правовую характеристику информации, а ее реальные свойства как явления. В частности, информации свойственна возможность бесконечного копирования. Количество экземпляров информации (копий) может быть не только неограниченным, но и распространяться среди неограниченного круга лиц. Тем не менее, для правового регулирования принципиальное значение имеет количество правомочий обладателя информации, т.е. конкретных прав, определяющих возможности законного хранения, использования, распространения данной информации. Для того, чтобы обеспечить возможности хранения, использования и распространения информации ей необходимо обладать в определенной форме. Организационная форма позволяет осуществлять имеющийся комплекс прав.

Например, информация, заключенная в содержании бумажного либо электронного документа, может быть представлена заинтересованной стороне. Сам по себе документ будет иметь ценность в силу содержащейся на нем информации. Такие документы могут быть тиражированы, т.е. их содержание может быть скопировано и разделено по экземплярам для дальнейшего использования. Такая возможность тиражирования обусловлена не только свободой распространения информации, существующими информационными потребностями, но и стремлением обеспечить определённый уровень контроля. Иными словами, в этом заключаются возможности для учета и обеспечения доступа с ознакомлением информации. Кроме того, информация, к которой получен доступ человеком, не просто остается в его памяти, но и может быть распространена им, изменив форму представления. Такое свойство информации, подразумевающее свободное изменение и трансформацию ее организационной формы, не свойственно любым другим явлениям объективной реальности. К примеру, вещь всегда имеет ту форму, которую ей придают, она может быть изменена; энергия не исчезает, а переходит в другое состояние, обеспечивая полезный эффект; информация же меняется и распространяется

любым возможным способом. За счет ее использования возможно получение не только полезного эффекта, но и возникновение принципиально иных и разнообразных объектов.

Некоторые авторы отмечают, что принципы информационного права непосредственно определены его предметом и закреплены в отраслевом законодательстве¹. Так, указанные принципы отражены в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

Самостоятельная авторская система принципов информационного права сформулирована А.В. Минбалеевым, который рассматривает принципы в качестве объективных свойств права². Он отмечает, что принципы имеют важное значение для регулирования общественных отношений. Принципы приобретают выражение и конкретизируются в содержании норм и выступают в качестве установок в процессе реализации. Закрепленные в законодательстве принципы автор предлагает использовать в качестве отраслевых принципов информационного права, ведь законодательство отражает правовое регулирование отношений в определенных сферах, которые касаются аспектов информации, информационных технологий и защиты информации. Описанные принципы не исчерпывающе регулируют информационную сферу, оставляя без внимания ту систему отношений, которая находит выражение в остальных нормативно-правовых актах, так или иначе затрагивающих информационную сферу.

Автор предлагает рассматривать многоуровневую систему принципов информационного права, которая базируется на Конституции России, международно-правовых актах, информационном и ином законодательстве. В качестве первого уровня принципов рассматриваются наиболее фундаментальные начала регулирования, имеющие конституционную основу: законность, демократизм, равенство перед законом, справедливость, гуманизм и т.п.

---

¹ Информационное право: учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. М.: Норма. 2010. С. 34.

² Минбалеев А.В. Принципы информационного права // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 1. С. 79.

Далее описываются межотраслевые принципы. Важнейшее место на этом уровне имеет принцип гласности, который свойственен не только информационным отношениям, но и иным (публичным, смешанным и частным). Отраслевые принципы включают три самостоятельные группы.

Первая группа формируется за счет принципов, отражающих природу информации и информационных правоотношений (режимность информации, установление баланса прав и законных интересов). Вторую группу составляют принципы, которые фиксируют общедоступность и открытость информации (свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, ее открытость и доступность, достоверность и своевременность предоставления). Третью группу определяют принципы, нацеленные на соблюдение конфиденциальности информации, а также на обеспечение ее защиты от негативного использования (установление ограничений доступа, неприкосновенность частной жизни, недопущение несанкционированного распространения, использование и уничтожение, обеспечение минимизации негативного информационного воздействия и связанных последствий).

Завершающий уровень системы принципов информационного права образуют принципы, которые характерны для отдельных подотраслей и институтов информационного права. Такие принципы максимально конкретны за счет обособленности отдельных информационных отношений и возникают за счет внутренних связей. Имея проявление специфические черты для одних отношений, такие базовые черты не являются применимыми в других информационных правоотношениях.

Рассмотренные авторские позиции демонстрируют научный плюрализм и многообразие подходов, которые выражают глубину исследования проблематики принципов информационного права. Настолько большое количество исследовательских взглядов по вопросу содержания, классификации и выделения принципов свидетельствует о важности данной темы. Для информационного права, являющейся относительно молодой отраслью права, важна данная дискуссия об определении системности в понимании и восприятии

принципов. Научное исследование проблемы выделения и группировки принципов отчасти отражает динамику основных начал информационного законодательства и формирует необходимость выработки самостоятельной позиции относительно разграничения или отождествления принципов информационного права и принципов правового регулирования информации, информационных технологий и защиты информации.

Проанализировав подходы исследователей по вопросу выделения системы принципов информационного права, можно выявить две тенденции, которые наиболее четко характеризуют проблематику исследования принципов информационного права в настоящий период.

Во-первых, необходимо констатировать, что представляется невозможным сформулировать исчерпывающий перечень принципов информационного права. С учетом развития общественных отношений одни принципы изменяются и исчезают, другие - постепенно трансформируются или вовсе перестают отражать в первоначально закладываемом авторами значении повседневную действительность и правовую реальность.

Например, принцип двуединства информации подразумевает неразрывность информации и ее носителя. На сегодняшний день восприятие принципа значительно трансформировалось, и он может рассматриваться уже не в качестве обязательности носителя для передачи информации. Носители выполняют задачу хранения информации, а для передачи информации возможно задействовать технологии (беспроводная связь, обеспечение доступа и т.п.). При этом вряд ли кто-то способен обосновать потребность в рассмотрении и исследовании информации в качестве вещи. Это не только не соответствует действующему законодательству, системе сложившихся субъективных прав, но и современным научным подходам в области определения природы информации и ее влияния на развитие правоотношений¹.

---

¹ Информационные правоотношения: теоретические аспекты. Коллективная монография / Под ред. И.М. Рассолова. М.: Проспект. 2017 // URL: https://books.google.ru/books?id=OZ_yDQAAQBAJ&lpg

Принципы информационного права как относительно устойчивая правовая категория, имеющая особое значение для оформления самостоятельности отрасли информационного права, наполняются новым содержанием. Нельзя не отметить, что заметно ускоряет указанный процесс цифровизация общественной жизни – наблюдается все более активное проникновение информационных технологий в повседневную жизнь человека за счет развития цифровых каналов связи.

В отличие от иных отраслей права, предмет которых составляют относительно «устойчивые» общественные отношения, общественные отношения в информационной сфере довольно подвижны и динамичны, они получают новое наполнение благодаря развитию техники и технологий.

Постепенно произошло смещение акцентов в отношении предмета информационного права – исследователи перешли от правовых режимов использования информации, которые в действительности уже сформулированы в науке и законодательстве, к изучению и определению режимов использования информационных технологий. При этом аспекты правового регулирования информационных технологий все еще остаются актуальными, ведь они не нашли полноценного переосмысления учеными и системного закрепления в нормативно-правовой сфере. При этом наполнение предмета информационного права новым содержанием признается закономерным этапом развития отрасли¹.

Информационные технологии со временем также подверглись изменениям, особенности их правового регулирования и исследования условно можно дифференцировать на несколько последовательных этапов. Изначально возникли автоматизированные информационные системы, которые были нацелены на передачу сведений, а затем и на осуществление управления отдельными процессами. С развитием автоматизации и информатизации

---

¹ Талапина Э.В. О предмете информационного права // Государство и право. 2013. № 5. С. 70.

технологий стремительно совершенствовались, внедрялись в сферы государственного и муниципального управления.

Следующим значимым этапом стало возникновение и массовое распространение технологии, обеспечивающей пакетную передачу данных – сети Интернет. Информационное право стало восприниматься как совокупность норм, регулирующих отношения, возникающие в процессе экономического и гуманитарного использования информационной среды при применении глобальных компьютерных сетей¹. Гуманитарное использование информации подразумевает неэкономические отношения. Развитие сети Интернет оказало влияние на формирование новых направлений правовых исследований. Большое внимание до сих пор приковано к интернет-праву - аспектам его развития посвящены многие работы не только отечественных ученых, но и зарубежных исследователей². От разработки механизмов правового регулирования передачи данных исследователи постепенно перешли к изучению вычислительных сетей физических предметов, которые взаимодействуют друг с другом или внешней средой³. Иными словами, такие технологии, как промышленный Интернет и интернет-вещей, – новый тренд, который только возникает и получает предпосылки для размышлений на тему правового регулирования.

Современный этап развития информационных технологий связан с цифровыми каналами передачи информации и обусловлен развитием интеллектуальных систем (нейронных связей, «умных» алгоритмов, искусственного интеллекта и т.п.). Информация тотально приобретает характер цифровой, становится универсальной для обработки и имеет ключевое значение для развития информационных технологий.

---

¹ Тедеев А.А. Предмет информационного права в условиях Интернета // Информационное право. 2006. № 3. С. 4.

² Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Duke Law & Technology Review. 2011. № 12. P.74; Synodinou T.E., Jougleux P., Markou C., Prastitou T. EU Internet Law in the Digital Era: Regulation and Enforcement. Cham: Springer Nature. 2020 // URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030255787>; Rustad M.L. Global Internet Law: In a Nutshell. St. Paul: West Academic Publishing. 2020 // URL: <https://faculty.westacademic.com/Book/Detail?id=324818>; Ficsor M. The Law of Copyright and the Internet. Oxford: OXFORD University Press. 2020 // URL: <https://global.oup.com/academic/product/the-law-of-copyright-and-the-internet-9780198299011>

³ Терещенко Л.К., Стародубова О.Е. Загадки информационного права // Журнал российского права. 2017. №.7. С. 160.

Исследователи вкладывают в понятие информационного права собственное авторское видение различных направлений его развития. Например, высказываются предложения по рассмотрению такого направления как телекоммуникационное право в качестве основания для расширения предметной сферы информационного права¹.

Если трансформируется понимание предмета информационного права, то и принципы как основные начала, определяющие юридические особенности регулирования отрасли, не могут застыть в неподвижном состоянии. Структурная сложность информационного права заключается не только в совокупности множества элементов, составляющих его, но и в необходимости обнаружения единства механизма правового регулирования и знаний о нем². В связи с отмеченным, принципы, как часть единого целого механизма, должны не только наполняться обновленным содержанием, но и при необходимости развиваться, получая новое и более совершенное воплощение. Именно поэтому принципы информационного права словно «живой» процесс – их достаточно сложно представить в рамках исчерпывающего перечня. Они могут и должны иметь доктринальную проработку, не ограничиваясь законодательными конструкциями отраслевого и межотраслевого содержания.

Во-вторых, особое значение приобретает информационная безопасность. Объекты информационной сферы, без которых невозможно представить привычный жизненный уклад, должны быть защищены от всевозможных посягательств. Соответственно, от угроз должны быть защищены: информация, объекты информационной инфраструктуры, интересы субъектов информационной сферы. При этом под информационной безопасностью понимается не только состояние защищенности (комплексно – человека, общества и

---

¹ Волков Ю.В. Проблемы информационного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 108.

² Информационное право: учебник / П.У. Кузнецов. М.: Юстиция. 2019. С. 27.

государства) в рассматриваемой сфере, но и результат данной деятельности по ее обеспечению¹.

Вопросы обеспечения безопасности в информационной сфере получают большое значение ввиду возрастающей роли технологий, их доступности и возможности использования вопреки интересам личности, общества и государства. Например, такие явления как информационные войны, киберпреступления, компьютерные атаки на инфраструктуру, распространение недостоверной информации приводят к тому, что государство вынуждено выстраивать систему защитных механизмов.

Особое внимание на информационную безопасность Правительство РФ обратило в последние годы в связи с возросшим количеством кибератак на информационную инфраструктуру России, которые могут исходить как от отдельных злоумышленников и групп лиц, так и осуществляться иностранными государствами. Разработан законопроект, который предполагает установление требований о защите информации, обладателем и оператором которой являются публично-правовые образования (Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование)². Проект закрепляет обязанность обладателей информации и операторов (специальных субъектов – публично-правовых образований) обеспечить меры по защите информации вне зависимости от того, где она хранится и обрабатывается, а также соблюдать требования к организации и управлению системой ее защиты. Требования по защите информации устанавливаются уполномоченными органами в данной области – федеральным органом исполнительной власти в сфере обеспечения безопасности, а также федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по ряду иных специализированных вопросов, в том числе в

---

¹ Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: учебник и практикум / Т. А. Полякова, А. А. Стрельцов, С. Г. Чубукова, В. А. Ниесов; под редакцией Т. А. Поляковой, А. А. Стрельцова. М.: Юрайт. 2019. С. 15.

² О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Законопроект № 84826–8. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (Дата обращения 01.04.22 г.).

сфере противодействия иностранным техническим разведкам и технической защиты информации.

Наиболее наглядными примерами такой деятельности в правовой сфере являются нормы, которые дополняют систему ответственности и ограничений (запретов) для распространения недостоверной, опасной или вредной информации. В последние годы этому уделяется особое внимание, хотя зачастую цели принятия подобных норм могут находиться в плоскости других интересов, отражающих общественно-политическую ситуацию в государстве, и демонстрировать отсутствие последовательности и комплексности регулирования. Например, появление ст. 15.1–1 в тексте Федерального закона от 27 июля 2006 года №149-ФЗ предусматривает порядок блокировки доступа к информации, которая содержит сведения, выраженные в неприличной форме, которые могут так или иначе оскорблять человеческое достоинство и общественную нравственность и выражать явное неуважение к публичным институтам¹. Другим примером является дополнение ст. 13.15 КоАП РФ новыми составами, которые предусматривают ответственность за распространение недостоверной информации под видом достоверной об обстоятельствах, которые представляют угрозу для жизни и безопасности². Впоследствии указанная статья дополнялась новыми составами правонарушений в 2021 году. В 2022 году в КоАП РФ были введены ст. 20.3.3, 20.3.4, предусматривающие ответственность за публичное распространение заведомо недостоверной информации с целью дискредитации и призывов (публичное распространение информации с целью побудить к совершению действий)³. Отмечается возникновение конкуренции норм в КоАП РФ на примере ст. 13.15 и ст. 20.3.3⁴.

---

¹ О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 30-ФЗ // Российская газета. 2019. № 60. 20 марта.

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ // Российская газета. 2020. № 72. 3 апреля.

³ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ // Российская газета. 2022. № 49. 9 марта.

⁴ Лупарев Е.Б. Проблемы административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2. С. 95.

Указанные примеры демонстрируют то, что в системе информационно-правового регулирования для целей обеспечения информационной безопасности сохраняется проблема соотношения действующих принципов и в целом их применимости к необходимости обеспечения безопасности. Одна из проблем – отсутствие связи принципов с обеспечением безопасности, которая в настоящий период имеют приоритетную важность. Обеспечение информационной безопасности зачастую выводится за рамки рассматриваемой отрасли, образуя самостоятельную сферу регулирования, что, по нашему мнению, не совсем точно отражает складывающиеся обстоятельства и необходимость разработки концептуального регулирования.

Понимание принципов как информационного права, так и правового регулирования информации в контексте обеспечения информационной безопасности имеет важнейшее значение, поскольку позволяет обеспечить целостность механизма «имплементации» системы принципов в правоприменительный процесс. Состояние защищенности общественных отношений выступает ключевой потребностью личности, общества и государства, а для системы всего регулирования – одной из флагманских задач (охранительная функция). В целом потребность в создании наиболее защищенных условий существования некогда привела к такой форме коллективного объединения, как общество и государство (обеспечение безопасности как функция государства¹). Угрозы для существующего порядка, имея внутреннюю и внешнюю форму выражения, создают условия для серьезной обеспокоенности не только в вопросах обеспечения стабильности национального правопорядка, но и представляют риски для мирового сообщества в условиях гармонизации права и глобализации процессов.

В науке выработаны принципы, связанные с осуществлением деятельности по обеспечению информационной безопасности. При этом важно

---

¹ Баранов М.П. Проблемы реализации идеологической функции государства в контексте «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4. С. 35; Желонкин А.Д. Функция обеспечения информационного развития общества и информационной безопасности в системе функций российского государства // Вестник СГЮА. 2016. № 4. С. 150.

подчеркнуть, что деятельность носит во многом процедурно-организационный характер в отличие от тех материальных норм, которые находят выражение в системе принципов информационного законодательства. А.А. Стрельцов выделяет общие и специальные принципы информационной безопасности¹. В первой группе принципов исследователь выделяет гуманизм, социальную справедливость, объективность, конкретность, эффективность, опору на поддержку и доверие граждан, гласность и тайну, законность и конституционность. К системе особенных принципов относятся: принцип глобального характера отношений, противодействие угрозам национальных интересов в информационной сфере, установление правовых норм, их применение и охрана от нарушения с использованием государственного принуждения. Дополнительно выделены принципы нормативного обеспечения информационной безопасности: законность, целенаправленность, адекватность, полнота и непротиворечивость. Правовые нормы, регулирующие аспекты информационной безопасности, должны соответствовать российскому законодательству и нормам международного права; позволять достигать преследуемых целей для обеспечения национальных интересов; обеспечивать соответствие правовым средствам воздействия; охватывать все наиболее важные отношения для обеспечения национальных интересов; быть согласованными, не иметь пробелов и противоречий.

Т.А. Полякова отмечает, что правовое обеспечение информационной безопасности формируется на основе системы принципов, которые имеют публично-правовой и частноправовой контекст, что обусловлено многообразием прав и обязанностей в информационной среде². Автор предлагает классифицировать принципы правового обеспечения или правового регулирования информационной безопасности следующим образом: общеправовые (конституционные), межотраслевые, отраслевые. Последовательно

---

¹ Стрельцов А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России: дис. ... д-ра. юрид. наук: 05.13.19. М. 2004. С. 85.

² Полякова Т.А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 22.

обосновывается, что принципы можно вывести из действующего законодательства, а их закрепление в нормативно-правовых актах является важнейшей из особенностей для выстраивания регулирования всей совокупности отношений для целей обеспечения информационной безопасности. Сфера распространения, характер, назначение, объект, закрепление, выражение – те аспекты исследований, которые наиболее важны для определения принципов правового обеспечения информационной безопасности.

Поскольку вопросы информационной безопасности имеют прикладной характер, который обусловлен необходимостью совершения конкретных действий по отношению к информации. При этом подразумевается совершение таких действий, которые обеспечивают ее защиту от неправомерного доступа. В таком случае представляется возможным взглянуть на систему принципов с точки зрения поиска практических механизмов и действий. Аспекты обеспечения информационной безопасности следует рассматривать в широком контексте, который подразумевает любые способы использования, обработки и передачи информации. Один из приоритетов – это информационные системы, т.е. виртуальная среда.

Однако отдельные – более частные моменты, например, защиты информации в рамках информационных систем, могут быть полезны для понимания особенностей функционирования всей системы в самом общем виде. В числе таких принципов выделяются: законность и обоснованность защиты, системность, комплексность, непрерывность защиты, разумная достаточность, гибкость, открытость алгоритмов и механизмов защиты, простота применения средств защиты¹. Стоит отметить, что вопросы информационной безопасности стали предметом для интенсивных научных исследований последние несколько десятилетий в связи необходимостью поиска механизмов защиты информации в рамках информационных систем. Даже с точки зрения прикладных особенностей обеспечения информационной безопасности считаем

---

¹ Основы информационной безопасности: учебное пособие / Е.В. Вострецова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2019. С. 23.

необходимым отметить, что законность и обоснованность защиты информации имеет первостепенное значение. Он заключается в том, что информация должна иметь определенное содержание, которое подразумевает необходимость ее защиты. Соответственно, только с учетом требований законодательства информация может быть защищена.

Система принципов правового регулирования информации и связанных с ней категорий получила непосредственное закрепление в законодательстве. Полагаем, что интерпретации имеющихся принципов недостаточно. В результате общетеоретических исследований было установлено, что условием признания принципа является отражение связи, а не свойства, признака или компонента явления¹. Такие связи продолжают возникать в настоящее время.

Выделив такие научные особенности изучения принципов информационного права как многообразие подходов к пониманию и невозможность исчерпывающего определения перечня принципов, а также динамику развития и необходимость обеспечения информационной безопасности, можно на основе исследования авторских подходов сформулировать интегративный подход к системе принципов в сфере информационных правоотношений, которые в равной степени актуальны как для информационного права и его институтов, так и для правового регулирования информации.

Интегративный подход подразумевает прослеживание взаимосвязей и закономерностей, которые проверяются практико-ориентированными действиями, сочетая при этом многообразие теоретических позиций, методологических установок и иных компонентных элементов, имеющих значение для определения системности принципов регулирования. Так, многообразие позиций представлено системой научных взглядов и представлений о принципах информационного права как отрасли законодательства. Примечательно, что многие из приведенных исследователями принципов находят непосредственное закрепление в действующей системе информационно-правового

---

¹ Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Том 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ. 2001. С. 70.

регулирования. Методологические установки при выделении принципов наиболее точно раскрываются через те подходы к классификации принципов, которые приводятся исследователями в обосновании выводов. Вопрос научной классификации явлений, фактов и обстоятельств представляется наиболее сложным процессом, который обусловлен необходимостью поиска общих критериев и признаков. Такую связь в юридической науке в первую очередь образует иерархическая система источников нормативно-правового регулирования. Исходя из уровня действия источников права, выводятся и выстраиваются основные начала той или иной отрасли, и информационное право не является исключением.

Особое внимание следует обратить непосредственно на критерии для выделения и обоснования принципов.

С теоретической точки зрения принципы необходимы и формулируются для формального определения некоей базовой обобщенной совокупности отношений, которые «выходят» за пределы регулирования конкретного объекта правоотношения, т.е. приобретают обобщенное значение для комплекса самых разнообразных объектов. В информационной сфере такими ключевыми объектами является информация, технологии, ресурсы и инфраструктура. Одним из критериев для выделения принципа в таком случае может выступать его взаимосвязь с объектами, но не прямое регулирование, а опосредованное и лишь в самом общем представлении. Учитывая динамику появления и развития представлений о ключевых объектах информационной среды, некоторые принципы приобретают новое значение – более узкую смысловую нагрузку. А их содержательное толкование в обновленных реалиях представляется проблематично распространить на другие сферы.

Из этого вытекает второй по смыслу критерий – наличие непосредственной связи с системой регулирования. Подход, в соответствии с которым формируется «принцип ради принципа» вряд ли можно назвать приемлемым для науки ввиду того, что жизнеспособность принципа объясняется не только возможностью его применимости, но и отсутствием изъятий и исключений.

Соответственно, для принципа, если он таковым выступает, не должно возникать таких ситуаций, при которых он толкуется ограничено и условно воспринимается (применяется с отлагательным элементом и при наличии допустимых условностей) вразрез с фактической ситуацией и действующим регулированием. Безусловно, действующее законодательство должно выстраиваться таким образом, чтобы развивать систему принципов. Однако на практике правотворческий процесс представляет совокупность очень сложных последовательных и системных процедур; зачастую к нему подходят без должной оценки системы последствий и понимания необходимости прогнозирования¹. При этом создание декларативных норм в информационно-правовой сфере принципиально, и требует максимальных знаний в области информационного законодательства, рамочное понимание технических особенностей использования информации и более детального знакомства с отраслевыми аспектами.

Третий критерий обусловлен тем, что принципы должны воплощать многоплановое отражение интересов. Исследователями в области информационного права так или иначе подчеркнута многогранность и многоаспектность принципов, почему в научных трудах и представлено их самое уникальное многообразие. Соответственно, в информационной сфере находят отражение интересы личности, общества, государства. Иными словами, частные, частно-публичные и публичные интересы должны находиться в такой взаимосвязи, при которой обеспечивался бы синергетический эффект от применения принципов.

Предлагаем авторскую систему принципов информационного права в рамках интегративного подхода к их пониманию. В предложенной системе принципы могут иметь как законодательную базу, так и научную основу.

Безусловно, на информационное право первоочередное влияние оказывает система законодательных принципов, хотя в их основе лежат научные достижения исследователей в области публичного права. В сфере

---

¹ Полякова Т.А., Химченко А.И. Юридическое прогнозирование как составляющая стратегического планирования для целей развития информационного права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 42.

информационного законодательства система основных начал выстраивается в комплексе. При таком подходе может обеспечиваться динамика развития регулирования, а также сохраняться научный плюрализм в части выделения системы принципов информационно-правового регулирования.

Законодательные принципы сформулированы в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. Указанную систему, несмотря на название статьи «принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации», исходя из содержания декларируемых принципов, можно также отнести к системе принципов правового регулирования информации. Некоторые из них в большей мере относятся к отдельным объектам информационно-правового регулирования. Тем не менее, указанная система законодательных принципов на текущий момент является базовой и представлена в виде исчерпывающего перечня.

Профильность и точечную нацеленность в регулировании отдельных отношений рассматриваемых законодательных принципов можно подвергнуть критическому анализу. В частности, часть принципов не имеет последовательного развития в отраслевом законодательстве (например, равноправие языков при создании информационных систем), некоторые выходят за пределы отрасли (например, неприкосновенность частной жизни) и т.п. Отдельные принципы существуют в отрыве от действующего федерального законодательства и не обеспечиваются в законодательстве. Например, принцип недопустимости преимуществ применения (фактического превалирования) одних информационных технологий перед другими вряд ли сочетается с Федеральным законом, в соответствии с которым с 1 июля 2020 года на территории города Москвы экспериментально применяются технологии искусственного интеллекта¹.

---

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Российская газета. 2020. № 92. 28 апреля.

Проанализировав действующее информационное законодательство и научные исследования, посвященные принципам информационного права, предлагаем следующую редакцию ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ:

«Статья 3. Основные начала правового регулирования информационных отношений.

Правовое регулирование отношений в сфере информации, информационных технологий, систем, ресурсов, инфраструктуры и их защиты основывается на следующих принципах:

- 1) Гарантируется свобода поиска, производства, хранения, использования и распространения информации и распоряжения правами на неё любыми законными способами;
- 2) Презюмируется общедоступность информации за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами;
- 3) Применение информационных технологий допускается в той мере, в которой их применение не повлечет нарушение прав и свобод, законных интересов граждан Российской Федерации;
- 4) Установление ограничений (запретов) доступа к информации возможно только по решению суда, уполномоченных государственных органов на основании требований федерального законодательства;
- 5) Обеспечение информационной безопасности осуществляется в интересах личности, общества и в целях реализации функций органами публичной власти.

Каждый из указанных принципов не только соответствует действующему информационному законодательству, но и воплощает наиболее обобщенные представления о том, в каком направлении может осуществляться регулирование.

Свобода информации и возможность распоряжения возникающими правами в отношении нее – ключевая ценность для всей системы регулирования.

Она обеспечивает возможность развития частного оборота, позволяет наиболее эффективно выстраивать информационный обмен.

Гарантированность общедоступности информации может включать такой важный критерий, как открытость (гласность) информации, что особенно актуально в деятельности органов публичной власти, для распространения массовой информации, реализации информационных прав и даже получения гражданами знаний, а также в целях развития политических, экономических, социальных, культурных и других аспектов жизнедеятельности.

Применимость информационных технологий в определенных рамках связана с необходимостью формирования конкурентноспособного рынка в информационной сфере, развития цифровой экономики и внедрения инноваций. Указанный принцип не просто актуален в условиях цифровизации общественной жизни, он важен на текущий момент при отсутствии детального регулирования, точнее, обусловлен сложностью и зачастую невозможностью прогнозирования развития правоотношений.

Определенная информация, безусловно, исходя из ее содержания и возможных последствий использования и распространения, должна быть ограничена или запрещена в обороте. Такая информация так или иначе нарушает действующее законодательство, а потому существующие меры по ограничению ее распространения важны для практики и должны обеспечиваться действенными государственными механизмами.

Важность закрепления обеспечения информационной безопасности в системе принципов уже рассматривалась в данном параграфе. Обоснование такого действия можно обнаружить не только в серьезности проблематики, но и во внимании международного и отечественного научного сообщества. Разумное и оптимальное соотношение интересов личности, общества и государства в информационной сфере достижимо при взвешенной оценке частных и публичных сфер и их разграничения в целях обеспечения защиты объектов информационной среды и психоэмоционального состояния человека.

Законодательные принципы являются частью нормативной системы, в которую можно включить принципы из иных сфер правового регулирования. Представляется, что нерационально недооценивать конституционное регулирование и размышлять о гипотетической возможности исключения из системы принципов общеправовых. Они формируют основу для всей правовой системы, а Конституция Российской Федерации с учетом поправок постепенно наполняется обновленным содержанием, в том числе отражающим важность регулирования информационно-правовой сферы.

Научная группа принципов может формироваться за счет проведенного научного анализа, основанного на различных методологических подходах. Система научных принципов может быть представлена достаточно широко и разнообразно в зависимости от взглядов на природу информационных правоотношений. Вполне очевидно, что теоретическим принципом является принцип ответственности, который подразумевает наступление ответственности в зависимости от оценки совершенного деяния. Тем не менее, он не требует законодательного закрепления, поскольку неотвратимо найдет реализацию в силу особенностей правовой системы.

Существует серьезная потребность в выработке таких научных принципов, которые позволили бы адекватно применять законодательство с учетом сложившейся фактической ситуации. Например, условия стремительной цифровизации общества подразумевают формирование такого подхода для толкования, правотворчества и правоприменения, при котором обеспечивалось бы поступательное развитие отношений, а отсутствие регулирования не создавало бы препятствий или справедливых опасений для субъектов правоотношений (под страхом наступления негативных последствий в силу реализации принципа ответственности). В частности, цифровизация открыла широкие возможности для поиска новых направлений развития, которые требуется апробировать на практике, а в особенности - в сфере информационных технологий. Как показывает практика, законодатель в последние годы справедливо отдает предпочтение экспериментальным правовым режимам ввиду отсутствия разработанных альтернатив в

отечественном и мировом опыте. Выходом из этой ситуации может быть разработка соответствующего принципа – принципа «цифровизации».

Такой принцип подразумевает возможность совершения действий субъектами информационных отношений в условиях отсутствия нормативно-правового регулирования по следующей формуле: осуществление информационной деятельности возможно при условии, что не возникнет риск или не будут допущены нарушения требований действующего законодательства. Подобный подход открывает широкие возможности для использования новых информационных технологий и совершения различных операций с информацией, которая приобрела цифровую форму и зачастую представлена в виде массива данных. Новые явления общественной жизни, имеющие экономически полезный эффект и находящиеся не в рамках позитивного регулирования, получают «зеленый свет» для развития и более быстрой апробации. При этом границы «допустимого» и дозволенных действий сохраняются ввиду наличия формальных рамок для их применения. Конкретные запреты и ограничения всегда могут быть сформулированы и законодательно закреплены при необходимости по мере развития отношений.

Таким образом, систему принципов информационного права можно представить в виде трех взаимосвязанных компонентов. Во-первых, основу формируют общеправовые принципы, которые находят отражение в тексте Основного закона Российской Федерации. Во-вторых, следующей разновидностью принципов выступают принципы, закрепленные в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. Третью разновидность принципов формируют научные представления, которые могут не иметь нормативно-правового закрепления, но они выведены в результате научных исследований, объяснены и доказаны с учетом критериев выделения принципов в области информационных отношений и базируются на теории развития правового регулирования общественных отношений либо правоприменительной практике. Соответственно, указанные принципы формируют основные начала регулирования информации и режимов ее использования, а также пронизывают систему информационной деятельности.

ГЛАВА 2

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

§1. Использование информации как фактор повышения эффективности государственного управления и развития цифровой экономики

Демократические государства стремятся поощрять развитие и внедрение информационных технологий в различные сферы деятельности, поскольку ожидаемый позитивный эффект от подобной модернизации становится заметен довольно быстро. При этом инициаторами цифровой трансформации зачастую выступают сами государства, формируя необходимую нормативно-правовую базу для складывающихся в новых условиях общественных отношений.

Повысить и качественно улучшить уровень жизни граждан можно только в условиях стабильной и поступательно развивающейся национальной экономики, интегрированной в международные (глобальные и региональные) процессы. Обращая внимание на сменяющиеся обстоятельства, связанные с переориентацией экономических процессов с глобализации на глокализацию, отечественное государственное управление сосредотачивается на поиске не только новых стимулов для экономического роста, но и на сохранении ранее достигнутого уровня и темпов развития. Для этих целей трансформируется как собственно система управления экономикой, так и происходит воздействие на все остальные объекты публичного управления.

Цифровая повестка к настоящему периоду стала одной из наиболее значимых в деятельности органов публичной власти. При этом цифровизация не возникла одномоментно, случайно или неожиданно, а сформировалась в условиях накопления цифровой информации, расширения цифровых каналов связи

и доступности применения информационных технологий в работе государственного аппарата. Если рассматривать в историческом контексте легальный «интерес» властей Российской Федерации к изменению государственного управления под влиянием технологий, то можно очертить последовательный путь от становления основ электронного правительства до постепенного перехода к подготовке нормативного «фундамента» для цифрового государства, которое сегодня только начинает определяться в отечественной общественно-политической реальности и юридической практике. При этом отечественный опыт развития управления в России признается соответствующим международным тенденциям¹.

Электронное правительство или электронное государство, зачастую рассматриваемые в науке синонимично, в контексте развития электронной демократии приобрели важное значение для многих авторских теорий управления. Теоретическая разработка данной электронной концепции функционирования современного государства преследует цели упрощения процесса осуществления административных процедур, снижения затрат на содержание государственного аппарата, обеспечение информационной открытости в деятельности органов публичной власти. Обозначенные понятия получили широкое распространение в науке в конце XX века в связи с применением преимущественно в развитых государствах Европы информационных технологий публичными институтами власти.

Электронное государство – это не статичное состояние общественного развития (случившееся событие, факт либо обстоятельство), к достижению которого стремится современное информационное общество. Данное понятие целесообразно рассматривать как процесс модернизации законодательной, исполнительной и судебной власти, а также в целом изменения государственного управления и иных отраслей в условиях замещения фактически действующих аналогичными по юридической силе действиями известных субъектов

---

¹ Матвеев В.В., Агеев А.В. Роль государства в развитии цифровой экономики: российский опыт // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 2. С. 246.

правоотношений, осуществляемых в электронной среде (иными словами, виртуально – в специально сконструированной реальности или пространстве). Близкая по смыслу позиция и взгляд на сущность электронного государства формируются в современных публично-правовых исследованиях, в которых под электронным государством понимается процесс реформирования деятельности органов публичной власти, распределения информации и предоставления внутренних и внешних услуг, сопряженный с применением информационно-коммуникационных технологий¹.

Примерно двадцать лет назад в России утверждается первый в истории программный акт, посвященный функционированию электронного государства – федеральная целевая программа «Электронная Россия» на период с 2002 года по 2010 год². Задачами программы являются создание условий для исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг в электронной форме, развитие информационной инфраструктуры для доступа не только к услугам, но и информации о деятельности органов, решение практических проблем осуществления государственного управления посредством использования элементов электронного правительства. Программа «Электронная Россия» соответствовала имеющимся представлениям у Правительства РФ о развитии концепции «e-Government» в ключевых государствах Европейского Союза того периода (Германия, Франция, Италия, а также входящей в ЕС в то время Великобритании). Идеи для оформления образа российского электронного государства, базовое ядро которого сформировали именно услуги в электронной форме, черпались из концепции открытого управления, реализуемого как в коммерческой деятельности, так и в деятельности аппарата отдельных государственных ведомств³. По завершении срока реализации мероприятий в рамках данной федеральной программы отмечаются проблемы в

---

¹ Понкин И.В. Концепт электронного государства в рамках новой системы публичного управления // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2013. № 4. С. 54.

² О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. 4 февраля. Ст. 531.

³ Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Электронные услуги как разновидность государственных услуг // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 4. С. 3.

выполнении намеченного плана, а достигнутые результаты получали оценку, как недостаточные¹.

Концепция электронного правительства предполагает повышение качества, но не интенсивности коммуникации между гражданами и государством посредством отдельных механизмов, доступных благодаря осуществлению централизованного государственного управления с использованием информационных систем. Результатом реализации электронного правительства становится как трансформация отдельных областей управленческой деятельности, так и усиление связи между гражданами и государством, фиксируемых в конкретных показателях: расширение доступа к информации о деятельности органов публичной власти, переход на единые стандарты оказания услуг и реализации функций, повышение эффективности организации деятельности, межведомственного взаимодействия, осуществления контроля и надзора в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

Электронное государство также призвано изменить бюрократический процесс принятия решений, не только исключая из него служащих или минимизируя их усмотрение, но и сужая возможности для отхода от иерархии и формальности как важнейших элементов отношений с участием субъекта, наделенного властными полномочиями. Учитывая российские реалии осуществления государственного управления, можно заметить со стороны административного аппарата определенное сопротивление тотальному проникновению элементов электронного правительства внутри организационной системы (например, в единой системе публичной власти до сих пор отсутствует электронный документооборот, организованный по единым стандартам в органах на федеральном и региональном уровнях) и его усиленное внешнее проявление, выраженное в виде сервисного направления (например, качественное изменение процесса предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме). Исключить возникновение и последующее внедрение

---

¹ Поляк Ю.Е. От безбумажной информатики – к электронному государству // Информационные ресурсы России. 2010. № 2. С. 21.

механизмов электронного правительства в демократическом государстве в условиях глобализации, интеграции в мировую экономику невозможно. Альтернатив электронному государству как направлению модернизации управления в государстве в процессе общественного развития практически нет¹.

Многие положения рассматриваемой программы получают дальнейшее развитие с принятием в 2008 году Стратегии развития информационного общества в России, которая затем, в 2017 году, утрачивает силу в связи с принятием Указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Стратегия развития информационного общества на период до 2030 года (далее по тексту – Стратегия)² теперь связывает концепцию электронного правительства непосредственно с информационной инфраструктурой, т.е. более узко в управленческой деятельности. Так, в числе потребностей назван последовательный переход к использованию инфраструктуры электронного правительства (данная инфраструктура рассматривается как часть информационной инфраструктуры Российской Федерации). Соответствующее определение инфраструктуры электронного правительства содержится в Стратегии, при этом она используется преимущественно для оказания государственных услуг. В документе также предусмотрена возможность ее использования для коммерческих и иных некоммерческих услуг, что в настоящее время не находит действительного применения на практике. Таким образом, формально-юридическое понимание концепции электронного государства можно свести к сервисному управлению, нацеленному на предоставление услуг органами публичной власти.

Одним из наиболее результативных направлений государственного управления в контексте теоретического развития концепции электронного государства и современного этапа развития информационного общества в России является предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме. В Российской Федерации услуги, оказываемые органами

---

¹ Карнаушенко Л.В. Электронное государство в России: проблемы и перспективы // Юрист-Правоведь. 2018. № 1. С. 21.

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. 15 мая. Ст. 2901.

государственной власти и местного самоуправления, традиционно разделены по компетенции и уровню, тогда как в зарубежной практике принято использовать единое понятие «публичные услуги»¹. Отечественная модель услуг отвечает принципам федеративного устройства государства и особенностям распределения полномочий (федеральные, региональные), а также уровням осуществления власти и решения вопросов различного значения (государственные, муниципальные), имеющих конституционное закрепление. При этом государственные (муниципальные) услуги призваны расширить возможности публичного управления, усилив сервисное направление деятельности публичных органов. Сервис предполагает непосредственную ориентацию на интересы заявителя как получателя услуг или, используя иную терминологию, клиента, в связи с чем в государственном управлении на нынешнем этапе активно развивается идея клиентоориентированности или клиентоцентричности.

Нормативно-правовая база, регулирующая отношения в сфере предоставления государственных (муниципальных) услуг, выступает одной из самых динамично развивающихся областей публичного права. В Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» регулярно вносятся изменения². При этом изменения последних лет носят характер цифровых, расширяющих возможности их оказания посредством использования цифровой информации в информационных системах, применения информационных технологий, в том числе в результате совершения автоматизированных действий. Так, для установления факта оплаты заявителем пошлины органом самостоятельно используется информация из Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах; определяется перечень услуг, оказываемых только в электронной форме; предусматривается возможность предоставления

---

¹ Мамай Е.А. Публичные услуги и электронное правительство в современных государствах: точки соприкосновения и направления развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 2. С. 28.

² Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Российская газета. 2010. № 168. 30 июля.

услуг в упреждающем или проактивном режиме (без необходимости обращения гражданина); применяется реестровая модель учета результатов предоставления услуг; работа с административными регламентами осуществляется непосредственно в информационных системах; используются машиночитаемые описания процедур; эксплуатируются различные способы идентификации и аутентификации, в том числе с помощью биометрических данных, и т.п. Перечислена лишь часть принятых в 2020-2021 годах изменений в законодательство о предоставлении услуг органами публичной власти, при этом подзаконное регулирование в рамках цифровой повестки развивается еще более стремительными темпами.

Услуги выступают центральным звеном сервисной модели электронного государства. В ходе осуществления государственного управления определяются такие значимые параметры услуг как нормативное оформление в виде административного регламента, использование информационных технологий как гражданами, так и органами, возможность передачи функционала коммерческим и некоммерческим организациям и их интеграция в процесс оказания услуг, методы измерения и оценка результата оказания услуг. Серьезное испытание сервисная модель электронного государства в России прошла в 2020 году в связи с началом мировой пандемии COVID-19, доказав не только свою состоятельность, но и продемонстрировав высокую эффективность и существенный потенциал для управленческой деятельности в кризисных обстоятельствах. Так, Единый портал государственных (муниципальных) услуг использовался гражданами, государственными органами, бюджетными медицинскими организациями для аккумулирования данных о вакцинации, тестировании граждан, специальных денежных выплат медицинским работникам и гражданам, подачи и рассмотрения обращений и т.п. Благодаря имеющейся информационной системе, используемой гражданами и государством, удалось решить различные управленческие задачи.

Текущий этап развития государственных (муниципальных) услуг можно связать с возникновением моносервисов и суперсервисов, получивших

нормативное закрепление в подзаконном регулировании и отражение в ненормативных актах управления. Моносервисы и суперсервисы связаны с услугами, но отличаются от них по ряду параметров. Процесс расширения перечня услуг, доступных для граждан и организаций в электронной форме, можно назвать непрерывным. С учетом этого моносервисы и суперсервисы развиваются комплексно, выходя за рамки традиционного понимания электронного государства, упрощающего осуществление коммуникации посредством разового предоставления услуг по заявлению.

Суперсервисы можно рассматривать в качестве комплекса услуг, которые предложены заявителю в виде жизненных ситуаций и предоставляются в автоматическом режиме, т.е. вместо совершения традиционных действий субъектами управления для принятия решения достаточно данных в информационных системах. Суперсервисы только становятся доступными для граждан. На Едином портале государственных (муниципальных) услуг к настоящему времени представлено более 20 суперсервисов, позволяющих заявителю обратиться в электронной форме без учета его территориального положения и использования им документов на материальном носителе. Также некие «протоварианты» суперсервисов доступны в личном кабинете налогоплательщика для физических лиц через официальный сайт Федеральной налоговой службы.

Моносервисы – государственные услуги, которые имеют наибольшую востребованность, в связи с чем их предоставление осуществляется с учетом выстроенного межведомственного взаимодействия, интеграции ведомственной системы в инфраструктуру электронного правительства. Моносервисы входят в состав суперсервисов или реализуются отдельно от них, при этом к началу 2022 года гражданам и организациям доступно более 200 моносервисов через Единый портал государственных (муниципальных) услуг.

В современном информационном обществе сбором и накоплением информации занимается не только человек, ее аккумуляция происходит с помощью различной техники, в том числе так называемых «умных» датчиков и сенсоров, иных гаджетов. Современная инфраструктура также включает

набор различных технически сложных устройств, выполняющих разнообразные функции. Применение информационных технологий позволяет обрабатывать собранную информацию, преобразуя ее в информацию с новым содержанием. Подобная информация должна отвечать критерию «качества» для целей принятия управленческих решений. Как отмечают исследователи, основным риском является не недостаток или не избыток информации, а ее представление в том виде, в котором она требуется¹. Вопрос качества информации – это вопрос ее содержания, т.е. релевантности или соответствия как области менеджмента, так и выбору соответствующего регулирования.

Информация выступает наиважнейшим компонентом государственного управления². При осуществлении государственного управления, учитывающего информацию как результат обработки данных с помощью информационных технологий, возникает проблема оптимизации информации. Темпы накопления информации настолько велики, что вопрос определения ее качества становится в зависимость не только от количества, но и применяемых методов. Для этих целей целесообразно развивать в рамках информационной деятельности публичных органов такие направления как управление информацией и информационное обеспечение, опирающиеся на достижения технических (информационных) отраслей знания.

В Российской Федерации с учетом подзаконного регулирования продолжает осуществляться модернизация информационной инфраструктуры, включающей инфраструктуру электронного правительства. При этом текущее развитие как государства, так и общества демонстрирует необходимость иного взгляда на происходящие процессы, устремленного в направлении установления цифрового государственного управления. На научно-теоретическом уровне в публично-правовых исследованиях происходит становление новой гипотезы, предлагающей такую форму организации власти в информационном

---

¹ Мамедова Н.А., Уринцов А.И. Управление информацией как фактор перехода государства от информационной экономики к цифровой экономике // Открытое образование. 2021. Т. 25. № 2. С. 21.

² Евсиков К. С. Государственно-правовые концепции использования информационных технологий в государственном управлении // Lex russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 77.

обществе, которая основана на использовании цифровой информации (данных) – цифрового государства («Digital Government»).

Понятия «цифровое государство» и «цифровое государственное управление» не разработаны в современной науке, нет критериев их теоретического выделения¹. Для юридической теории публичного права это новые области, которые лишь в последние годы приобрели четкие характеристики². Указанные обстоятельства не исключают, а стимулируют интерес исследователей к новой области научных изысканий.

Полагаем, что первоначально будет целесообразно соотнести понимание цифрового государства с его реальным образом и фактическим воплощением. Аналогию можно провести с научным видением цифровой и традиционной демократии, которые в определенном смысле неразличимы, так как в единстве выражают один источник власти – народ. Сложно не согласиться с тем, что демократия традиционная и цифровая имеют общую конституционно-правовую природу, которая находит выражение в единстве народного суверенитета³. Цифровое и традиционное государство предполагают отправление публичной власти, но в то же время имеют различные организационно-правовые механизмы ее осуществления, обусловленные технологическим развитием общества.

Цифровое и традиционное управление в государстве также отличаются спецификой способов и форм их осуществления органами власти. Традиционное государственное управление не исключает применение информационных технологий, но не формирует механизмы принятия решений на основе автоматизированной обработки массивов данных. Если о предпосылках возникновения цифрового государства можно говорить в первом приближении и общих чертах, то механизмы цифрового государственного управления,

---

¹ Мельков С.А., Сушанский А.С. Цифровое государство, цифровое государственное и муниципальное управление: проблематизация и смыслы // Вестник Евразийской науки. 2020. № 6. С. 7.

² Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А., Залоило М. В. и др. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Норма, ИНФРА-М. 2021. С. 13.

³ Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2. С. 18.

учитывающего данные для принятия управленческих решений, пока не находят широкого применения на практике, не имеют комплексного легального закрепления в конституционном, административном, информационном законодательстве России. Сложности внедрения цифрового государственного управления обусловлены тем, что цифровизация выступает как инструмент управления и как фактор, оказывающий влияние на социокультурную сторону жизни общества в современном государстве¹.

Цифровое государство часто определяют как способ организации власти или коммуникации (взаимодействия) граждан и публичных органов на основе применения информационно-коммуникационных технологий². Подобный подход лишь контурно отражает сущность цифрового государства, но не раскрывает содержание и особенности осуществления цифрового государственного управления. Полагаем, что в основе цифрового государства должно находиться цифровое государственное управление, учитывающее все многообразие технологических достижений общественного развития и их изменчивость. Комплексный подход к выделению структурно-технологической основы цифрового государства можно встретить в работах отечественных ученых, которые предлагают включать в понятие множество объектов (категорий и явлений): данные, платформы, сервисы, интернет вещей, искусственный интеллект и многое другое³.

Концепция цифрового государства применительно к государственному управлению в Российской Федерации также была разработана международной финансовой организацией «The World Bank»⁴. Согласно представленному документу, цифровое государство (правительство) – это система управления, в которой используются преимущества работы с цифровыми данными в целях

---

¹ Галеева Г.Р., Иванов А.А. Цифровизация публичных правоотношений в России // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2. С. 33.

² Дармилов А.Ф., Понявина М.Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. № 3. С. 83.

³ Китова О.В. Актуальные вопросы развития цифрового государства в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 213.

⁴ Digital Government 2020. Prospects for Russia. World Bank Group, Institute of the Information Society. 2016. // URL: <https://openknowledge.worldbank.org>.

создания, преобразования и оптимизации различных сервисов. Структурное ядро цифрового государства, как и электронного, образует широкий спектр услуг, предоставляемых в электронной форме. При этом отличие новой формы заключается в том, что данные в цифровой форме проходят непрерывный автоматизированный процесс обработки, осуществляется их последующее использование для управленческих задач, позволяя рассматривать государство в качестве сложно организованной информационной системы – платформы. Для внедрения цифровых платформенных решений в государственную систему необходимо пройти длительный путь трансформации, предусматривающий создание единой базы данных, разработку систем для предоставления услуг и формирования управленческой отчетности, формирование нормативно-правовой базы, обеспечение широкого доступа в сеть Интернет, реализацию кроссплатформенности информационных систем, развитие инфраструктуры, использование облачных технологий в ведомственных структурах и т.п.¹. Многие из указанных этапов цифровой трансформации России постепенно внедряются на практике, а также получают легальное закрепление и финансирование в рамках федеральных программ, реализуемых органами исполнительной власти.

Сформулированная авторская концепция цифрового государства предполагает, что в его основе находится цифровое государственное управление, реализуемое с учетом государства как платформы, учитывающей имеющуюся и непрерывно изменяющуюся технологическую базу для работы с цифровой информацией. При этом цифровая информация, полученная в результате автоматизированной обработки данных из информационных систем, учитывается при принятии управленческих решений.

Технологическую основу цифрового государства можно представить шире, чем процесс применения информационных технологий. Ее элементами выступают данные, инфраструктура, сервисы, технологии, находящиеся в

---

¹ Кириленко В.П., Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 51.

динамике. Если условным ядром электронного правительства выступили государственные и муниципальные услуги в электронном виде, то в цифровом государстве гражданин обращается за разрешением конкретных жизненных проблем и ситуаций. Для получения государственной услуги гражданину необходимо понимать, в какой орган обратиться и как соблюсти административный порядок. Важное значение имеет правильный выбор услуги – соотношение ее названия, содержания и ожидаемого результата. В цифровом государстве гражданин соотносит сложившуюся ситуацию и описание сервиса, которое представлено в понятной, доступной форме и без сложных юридических конструкций. Внутренняя сторона управленческих процессов в цифровом государстве более сложна, чем в электронном, и предполагает за счет технологической базы обеспечение надежной идентификации, выстраивание каналов межведомственного взаимодействия, интеграцию информационных систем и т.п.

Государство как платформа предполагает создание такой среды, в которой будут применяться единые правила (стандарты) для всех – органов власти, организаций и граждан, независимо от их стороны в отношениях. Именно поэтому в цифровом государстве получится достичь качественно нового исполнения функций органами публичной власти.

Цифровое государственное управление предполагает использование комплекса информационных технологий, среди которых на данном этапе развития общества можно выделить: искусственный интеллект, распределенные реестры, промышленный интернет, интернет вещей, роботизация, аналитика больших данных, облачные технологии. Перечни сквозных технологий, применяемых в государственном управлении и цифровой экономике, определены соответствующими федеральными программами. Если информация – это ресурс в цифровом государстве, то информационные технологии выступают в качестве инструмента государственного управления. Таким образом, в процессе взаимодополнения – использования информации и применения технологий повышается эффективность реализации функций государства. Исходим из

того, что данный процесс можно рассматривать в качестве расширения сфер и возможностей осуществления информационной деятельности органами публичной власти.

Утверждать о полноценном переходе на цифровое государственное управление преждевременно. Многие административные процессы до сих пор реализуются в ручном режиме, в деятельности органов не учитываются данные¹. Процесс цифровой трансформации не может произойти одномоментно или моментально, его определяют финансирование, развитие технологической базы и адаптация аппарата к новым реалиям, включая принятие изменений служащими и необходимость их постоянного обучения. Появление и внедрение новых информационных технологий растянет процесс цифровизации во временных рамках, оптимизируя информационную деятельность органов и формируя потребность в постоянном изменении актов. Безусловно, на смену цифровому государственному управлению придет другое явление, которое сегодня сложно представить с учетом нынешнего уровня развития общества.

Цифровизация управленческой деятельности позволяет усилить масштабы легитимации власти формально, но не содержательно. Более широкое вовлечение граждан в процесс государственного управления обеспечить легче за счет простоты и доступности совершения отдельных действий, имеющих юридическое значение. Для этих целей государству следует создать необходимые условия. Например, из самых очевидных потребностей можно назвать обеспечение широкополосного доступа в сеть Интернет (расширение цифровых каналов связи в рамках существующей и создаваемой инфраструктуры). Создание дополнительных условий для участия граждан в управлении делами государства не решает важнейшие проблемы, связанные с осуществлением государственной власти. В частности, проблема доверия к демократическим институтам в цифровом государстве не всегда решается комплексом технологических решений. Напротив, применение технологий может породить

---

¹ Грипич С.А. Правовые аспекты внедрения цифровых технологий в государственное управление // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 2. С. 49.

сомнения в справедливости, честности и прозрачности функционирующих механизмов. В цифровом государстве, основанном на гласности в деятельности органов публичной власти (в философско-политическом понимании формулы «открытого государства»), не исключается критика особенностей осуществления государственного управления. Критика является неотъемлемым инструментом поддержания общественно-политического консенсуса, баланса и стабильности политической ситуации, динамики правовой системы. Поэтому с усилением черт цифрового государства возможности для свободной критики могут лишь увеличиваться, что приведет к достижению позитивного результата в развитии управления только в по-настоящему демократическом государстве с развитым гражданским обществом. В противном случае государство рискует оказаться в ситуации информационной имитации исполнения функций органами публичной власти. Власть может компенсировать симуляцией и фикцией реальные политико-управленческие процессы¹.

Примечательно, что Стратегия информационного общества ориентирована на комплексное закрепление понятий и отношений в рамках развития экономической и управленческой деятельности. Цифровая экономика не является отдельной сферой обособленного регулирования. Напротив, фиксируется взаимодополнение государственного управления и цифровой экономики. Так, п. 11 предусматривает, что технологии стали неотъемлемой частью управленческих систем в отраслях экономики и сферах управления, обороны, безопасности, правопорядка; п. 21 в числе национальных интересов указывает на целесообразность повышения эффективности государственного управления наряду с развитием экономики и социальной сферы. Таким образом, государственное управление и цифровая экономика в нынешних условиях цифровизации находятся в тесной взаимосвязи, образуя комплексный предмет взаимодополняемого публично-правового регулирования. При этом исследователи отмечают, что в отличие от предыдущего этапа развития государственной

---

¹ Липень С.В. Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1. С. 36.

политики подходы к оказанию мер поддержки и выделению финансирования на проекты в рассматриваемой области изменились – акцент делается не на исследованиях и разработках технологий, а на их последовательном внедрении как в частные, так и публичные сферы¹.

В национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» входят сразу несколько федеральных проектов, в числе которых проект «Цифровое государственное управление»². Курирует проект Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации³. Именно Минцифры России является федеральным органом исполнительной власти, реализующим компетенцию по решению приоритетных задач в области цифровой экономики⁴. Минцифры России является не единственным органом в сфере цифровой трансформации, определенные полномочия в рамках национальной программы имеет Правительство РФ и Министерство экономического развития РФ. Таким образом, совершенствование государственного управления осуществляется сквозь призму и во взаимосвязи с происходящими экономическими процессами и реализуется наряду с другими актуальными программами в рамках цифровой повестки, в которой первоочередное значение приобретают возможности для хозяйствующих субъектов.

Рассматриваемый федеральный проект неслучайно оказался в числе проектов, включенных в программу развития цифровой экономики. Определённую связь можно провести с национальными целями, обозначенными в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474⁵. В акте не только упомянута цифровая трансформация в качестве самостоятельной национальной цели

---

¹ Матвеев В.В., Агеев А.В. Роль государства в развитии цифровой экономики: российский опыт // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 2. С. 249.

² Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол от 4 июня 2019 г. № 7 // URL: <https://digital.gov.ru>.

³ Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Протокол от 28 мая 2019 г. № 9 // URL: <https://digital.gov.ru>.

⁴ О совершенствовании государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций: Указ Президента РФ от 20 ноября 2020 г. № 719 // Российская газета. 2020. № 263. 23 ноября.

⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 2020. № 159. 22 июля.

развития государства. В числе перспективных целевых показателей в рассматриваемом акте обозначено достижение «цифровой зрелости» государственного управления и увеличение количества предоставляемых социально значимых услуг в электронной форме (не менее 95% от общего количества).

Проект предусматривает внедрение технологий и платформенных решений в государственное управление и процесс оказания государственных услуг, обеспечивая тем самым рост экономики и развитие социальной сферы. При этом положения проекта довольно точно синхронизированы с теми национальными интересами, которые отмечены в Стратегии. В связи с этим можно зафиксировать как последовательность развития положений в принятых актах, так и их содержательное взаимодополнение в сфере государственного управления в условиях развития информационного общества в Российской Федерации.

Цифровое государственное управление (как перспективная модель) обозначено в документе предельно понятно и конкретно – посредством достижения отдельных практических результатов, в числе которых реализация государственных услуг по отдельным параметрам (реестровая модель доступа, экстерриториальность, проактивность, что уже активно реализуется на практике), выстраивание обратной связи государства с физическими и юридическими лицами, приоритетность обмена информацией посредством имеющего юридическое значение электронного документооборота; наличие механизмов межведомственного информационного обмена и автоматизации отдельных действий при реализации компетенции органами публичной власти. Важно отметить, что услуги и сервисы государства, управление данными в информационных системах, эксплуатация информационной инфраструктуры, межведомственное и даже межгосударственное сотрудничество органов рассматривается в качестве элементов современной цифровой экономики. Цифровое государственное управление становится фактором, обеспечивающим прогнозирование, планирование, организацию, координацию, контроль при достижении экономических показателей.

Роль государственного аппарата в вопросах развития цифрового государственного управления и цифровой экономики крайне высока, поскольку одна из его задач заключается в выработке правил для участников отношений, т.е. в создании системы правового регулирования. Законодательные и исполнительные органы должны обеспечить непрерывное совершенствование норм в рассматриваемых сферах в связи с появлением новых разновидностей правоотношений, изменением их субъектно-объектного состава, необходимостью определения пределов осуществления действий, устранения правовой неопределенности, уточнения правоприменительной практики и т.п. Кроме того, именно государство выступает гарантом, обеспечивающим поддержку функционирования информационной инфраструктуры, обеспечивая информационный обмен и коммуникацию граждан и государства при отправлении управленческой деятельности, а в экономической сфере – граждан, организаций и государства.

Между государственным управлением и управлением экономикой, соотносимых как целое и часть, но в нынешней практике правового регулирования, исходя из утвержденных программных актов, рассматриваемых иначе (государственное цифровое управление как часть системы цифровой экономики), есть принципиальные отличия. Они обусловлены различной природой данных сфер человеческой деятельности. Управленческая деятельность предполагает использование административно-правовых механизмов и мер, основанных на отношениях власти и подчинения, императивности существующих требований, высокой степени формальной организованности структуры и необходимости информационной коммуникации иерархического характера. Экономика же предполагает диспозитивность регулирования, конкуренцию идей и предложений, систему оборота, горизонтальные связи между субъектами. Эффективное развитие данных сфер, во многом внутренне обособленных, но связанных внешне, заключается в учете тех «законов», которые сложились на протяжении длительного времени.

Однако имеется перспектива обнаружения факторов для взаимодополняемого развития двух сфер. Так, в процессе становления цифровой экономики в отдельных государствах создаются специализированные организации, наделенные публичными функциями, в том числе усеченными регуляторными полномочиями¹. Не исключена передача им от государства управленческой компетенции в пределах определенных территориальных единиц. В России постепенно распространяется практика экспериментальных правовых режимов, в рамках которых управленческие задачи реализуют федеральные органы исполнительной власти и Банк России по отдельным направлениям в качестве регулирующего и уполномоченного органов.

Цифровизация не меняет кардинально природу известных отношений, а лишь изменяет их выражение, восприятие. Отдельно подчёркивается различная степень влияния на внутренние и внешние свойства, формы, характеристики государственно-правовой реальности и неизменность природы и сущности фундаментальных понятий (человек, общество, государство, право)². Поэтому, рассматривая правовые аспекты информации в цифровой экономике, считаем необходимым уделить ключевое внимание категории «свобода информации» как фактору развития информационных отношений и информационной деятельности, в том числе осуществляемой органами публичной власти.

Осуществление государственного управления невозможно представить без наличия дискреционных полномочий у субъектов управленческой деятельности, позволяющих им принимать управленческие решения. Это оправдано невозможностью предусмотреть в законодательстве все ситуации и обстоятельства, требующие регулирования и организованного упорядочения, поэтому усмотрение субъектов управления предполагает наличие у них самостоятельности или свободы действий. Служащие и лица, осуществляющие управленческую деятельность, должны выполнять предусмотренные актами

---

¹ Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере // *Ex iure*. 2021. № 1. С. 64.

² Пожарский Д.В. Искусственный интеллект и человеческий разум в государственно-правовой реальности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1. С. 13.

обязанности, но могут реализовать и использовать права по своему усмотрению. В условиях отсутствия предписаний свобода выбора в реализации прав предполагает очередность совершения действий, учет их оптимальности, субъективность реализации, наличие пределов. При этом свобода действий в управленческой деятельности не исключает наступление ответственности. Указанные аспекты сохраняются и действуют при осуществлении государственного управления в цифровой экономике. При этом для нее свойственно иное понимание свободы. В связи с изложенным рассмотрим понимание свободы информации в условиях цифровизации экономической деятельности. Обеспечение свободы информации, на наш взгляд, является одной из перспективных задач современного государственного управления, а ее последовательное решение имеет приоритетное значение для развития государства.

Фундаментальный правовой термин «свобода информации» считается общепризнанным, он предполагает публично-правовое понимание и толкование, связанное с реализацией прав человека и их защитой (свобода слова, свобода мнений, свобода убеждений, право на информацию и т.п.), деятельностью органов публичной власти¹. Об этой стороне (характеристике) права написано значительное количество научных трудов. Мы же в рамках настоящего исследования предлагаем изучить другую сторону свободы информации, представив ее в новом ключе – в условиях цифровизации экономической деятельности (становления цифровой экономики), обозначив при этом возможности для создания нового системного правового регулирования.

Свобода является важнейшей философской категорией, при этом она имеет особое значение для сфер человеческой деятельности. Исследуя ее многогранную реализацию в качестве фундаментальной ценности для системы современного правового регулирования в демократических государствах, нельзя не отметить своеобразную специфику ее понимания на различных исторических этапах развития общества и правовой науки. Наиболее обобщенно и

---

¹ Мендел Т. Свобода информации: сравнительное правовое исследование. Франция, Париж: Юнеско. 2008. С. 14.

цельно отношение к свободе в праве сегодня характеризует следующий, установившейся в конце XX века подход: поскольку всякий закон отнимает некоторые свободы у одних, он в это же время наделяет ими других или всех¹. Правовое регулирование в определенном контексте можно расценить как некое выражение свободы, но эта свобода не самая однородная – она либо определяет пределы и границы для совершения действий, либо дает возможность осуществлять их закрепленным в нормах способом.

Споры о сущности свободы в праве и ее проявлениях не стоят перед юридической наукой в силу многообразия других вопросов – более прикладного характера, требующих принятия простых и зачастую оперативных решений. Отмеченное не исключает уникальную глубину и остроту проблематики свободы в информационном праве – отрасли, имеющей не только теоретический характер, но и практическую значимость для совершенствования регулирования самых разноплановых отношений в реальности и виртуальной среде.

Дискуссия о свободе в юридическом смысле и ее формах выражения, в том числе сквозь призму позитивного права и формируемой им совокупности субъективных прав, носит философско-правовой характер. Хотя «столкновение» мира реального и виртуального, ведущего к конкуренции прав и свобод в части их использования и реализации, особенно заметно в условиях цифровизации. Но отрицать связь права и свободы не представляется возможным по вполне очевидным причинам. Как отмечал В.С. Нерсесянц, «ценность права как раз и состоит в том, что право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту»².

Свобода в юридическом смысле предполагает (ввиду отсутствия в самом явлении свободы, в отличие от права, механизма какой-либо реализации) необходимость воздержания от совершения таких действий, которые бы могли

---

¹ Aron R. *Essai sur les libertes*. Paris: Calmann-Levy. 1976. P. 193.

² Нерсесянц В.С. *Философия права*. М.: ИНФРА-М, Норма. 1997. С. 22; Нерсесянц В. С. Выступление на Круглом столе «О понимании советского права», организованным журналом «Советское государство и право» // *Советское государство и право*. 1979. № 7. С. 70.

повлечь нарушение или создать угрозу для нарушения прав. Концепция свободы, отраженная в Декларации прав человека и гражданина 1789 года и заложившая понимание свободы в праве как возможность «делать все, что не наносит вреда другому», используется до сих пор в правотворчестве, очерчивая тем самым нормативные пределы свободы¹.

Отдельные отрасли отечественного права, напротив, впитав и пропустив сквозь себя различные подходы, демонстрируют иное, уже более широкое понимание свободы в современных условиях. В этом смысле к ним приближается и информационное право, в систему которого входят такие важнейшие правовые институты как организация деятельности средств массовой информации, свободный доступ к информационным ресурсам и т.д. Подобное проявление свободы в нормативно урегулированной деятельности субъектов не обусловлено внешними и какими-либо иными факторами, оно связано с наличием воли, возможностью совершать поступки и использовать имеющиеся ресурсы. Отсутствие воздействия извне и наличие внутреннего целеполагания в деятельности предполагает то, что свобода выступает в качестве катализатора развития тех или иных социальных процессов, в том числе общественных отношений, их оформления в виде реальных правоотношений в виртуальной среде.

Основу для понимания свободы как явления, стимулирующего развитие общественных отношений, заложил Основной закон Российской Федерации. В тексте Конституции России встречается множество свобод, которые принадлежат каждому человеку и гражданину (например, ст. 8 предусматривает свободу экономической деятельности, ст. 29 – свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом). При этом в законодательстве довольно четко прослеживается такое отношение к свободе человеческой деятельности, которое должно

---

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята 10 декабря 1948 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

стимулировать и способствовать развитию разнообразных общественных отношений, в особенности в экономической сфере.

Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 29 предусматривает такой подход к пониманию свободы, который основан на нормативном определении ее границ, поскольку все действия с информацией должны совершаться свободно, хотя и определенными законом способами. Указание на законные способы действий предполагает их дальнейшее раскрытие в отраслевом, информационном законодательстве.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ также упоминает свободу информации. Акт повторяет конституционную норму в качестве принципа правового регулирования отношений, которые возникают в информационной сфере. Соответственно, именно Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ определяет законные способы совершения каких-либо действий с информацией. Таким образом, можно сделать предположение о том, что вся свобода информации, ориентируясь на буквальное толкование рассматриваемого принципа, содержится в очерченных законодателем границах.

Однако такой подход к закреплению свободы информации не повлиял на формирование принципиально нового направления в правовом регулировании, сферой которого выступают информационные технологии, цифровые каналы связи и, конечно же, информация. Формирующееся информационно-правовое и иное отраслевое регулирование выступает нормативной основой для развития отрасли цифровой экономики в Российской Федерации.

Массив нормативно-правовых актов, определяющих экономические отношения в цифровой среде, интенсивно растет. Основополагающими актами в данной сфере являются: Указы Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»; «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ

по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 4 июня 2019 г. № 7), Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; иные нормативно-правовые акты.

Нормативное регулирование отношений в рамках цифровой экономики осуществляется последовательно, однако в этом процессе можно наблюдать системные риски для отраслевого права. Нормативно-правовые акты принимаются в рамках федерального проекта по созданию нормативного регулирования цифровой среды, который отражает процесс снятия барьеров и препятствий для развития отношений в области использования информации и применения информационных технологий. При этом регулирование осуществляется точно, восполняя пробелы и буквально «догоняя» нормативным инструментарием существующие явления и оформившиеся отношения. Таким образом удастся добиться конкретного результата с точки зрения правотворчества и даже обеспечить сквозное регулирование отдельных смежных вопросов в рамках правовых институтов информационного права. Например, в области электронного документооборота, использования персональных данных, доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Тенденцией нынешнего периода нормативно-правового оформления отношений в виртуальной среде и в области цифровой экономики является параллельное развитие законодательного и подзаконного регулирования. Процесс регулирования не всегда взаимосвязан на разных уровнях, им занимаются профильные ведомства. Законодательное оформление отношений занимает значительно больше времени, чем создание системного подзаконного регулирования. Законодательные акты принимаются точно, а более цельное понимание отношений в области цифровой экономики формируют Указы Президента РФ и акты Правительства РФ. Складывающаяся ситуация имеет вполне очевидные недостатки: невозможно в полной мере охватить регулированием совокупность ключевых общественных отношений, четко определить

правовой статус субъектов и обеспечить единообразие подходов в подзаконном правотворчестве. Законодательство не дает ответ: что такое цифровая экономика? Понимание цифровой экономики как цельного и самостоятельного феномена настоящего времени вырабатывается доктринально. Юристы вынуждены посредством индуктивных умозаключений двигаться по пути установления частного, чтобы прийти к общему пониманию.

К 2022 году на законодательном уровне урегулированы вопросы самоисполняемых обязательств, в оборот введена категория цифровых прав в контексте частноправового регулирования; приняты отдельные межотраслевые законодательные акты в целях применения экспериментальных правовых режимов и использования краудфандинговых платформ; в налоговом законодательстве определены механизмы предоставления налоговых льгот для IT-сектора. Кроме того, законодательством предусмотрена возможность совершения регистрационных действий с использованием информационных систем, в том числе гражданами посредством Единого портала государственных услуг и функций, обеспечена возможность использования «облачной» электронной подписи и реестровой модели предоставления отдельных государственных и муниципальных услуг.

Одним из ключевых аспектов цифровой экономики являются данные. Их можно рассматривать как определённую, так и неустановленную по содержанию и объёму информацию. При этом информация выступает не просто первостепенной или базовой категорией при инновационном экономическом укладе, но и фактором формирования условий для возникновения новых благ, и услуг, имеющих непосредственное значение для функционирования экономических отношений. Экономикой информационного общества выступает именно цифровая экономика. Информация является ее первичным экономическим содержанием¹. Насколько предопределено место информации в

---

¹ Андреева Г.Н., Бадалянц С.В., Богатырева Т.Г. и др. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография. Нижний Новгород: Профессиональная наука. 2018. С. 83.

информационном обществе, настолько же она приоритетна и для цифровой экономики. Исследование цифровой формы информации имеет важное значение, поскольку оно направлено на установление ее практической ценности, а также заключается в необходимости теоретического изучения закономерностей установления и развития новых экономических условий жизни.

Нормативное определение цифровой экономики закреплено в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы, под ней понимается хозяйственная деятельность¹. Ее основным фактором производства являются данные, представленные в цифровой форме. Обработка данных в существенных объемах и последующее использование полученных результатов анализа этих данных ожидаемо оказывает заметное влияние на повышение эффективности различных видов деятельности, в том числе управленческой и аналитической. В числе принципов в тексте Стратегии закрепляется свобода выбора средств получения знаний, необходимых при работе с информацией.

Рассматривая свободу информации в ином контексте – не в качестве определенной совокупности действий и очерченных пределов, границ в нормативном поле, а как реальную возможность совершения тех или иных действий с информацией, позволяющих добиться большей эффективности в хозяйственной деятельности, принципиально меняется подход к пониманию новых условий развития экономики и связанного с ним правового регулирования.

Возникновение предпосылок для установления цифровой экономики теснейшим образом связано с процессами, проистекающими из свободы действий субъектов в виртуальной среде. Для этих процессов изначально не существовало какое-либо регулирование, не были установлены ограничения или запреты. Однако субъекты отношений в виртуальной среде самостоятельно вырабатывали правила поведения и добровольно принимали обязательства по

---

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. 15 мая. Ст. 2901.

их соблюдению. Установился процесс саморегулирования. С течением времени и появлением интереса со стороны государства возникает определённый нормативный массив, который призван заменить саморегуляцию на легальный процесс, который санкционирован со стороны публичных институтов и направлен на системное восприятие и упорядочение новых отношений.

В связи с отмеченным полагаем, что законодательство наиболее целесообразно развивать в ином направлении – не по пути очерчивания границ дозволенного поведения субъектов информационной деятельности. Создавая стимулы для применения новых механизмов в управлении, возможно достижение принципиально новой эффективности в реализации функций органов публичной власти и хозяйствующих субъектов.

Важнейшее значение имеет не то, каким образом информация «доставляется» до конечного субъекта (от атома к биту¹), а то, как происходит изменение способов, методов, приёмов и форм работы с информацией. Недостатки физического воплощения и фактические сложности использования объекта могут быть нивелированы развитием возможностей виртуальной среды. Цифровая трансформация – это лишь дополнительный фактор развития правовых и экономических условий жизни. Она не является всеобъемлющей или исключительной, потому что на современном этапе не может привести к полному отказу от физического воплощения объектов и материального удовлетворения потребностей.

Свободу информации целесообразно рассматривать не только в контексте формирования новых стимулов для трансформации информационной деятельности. Возможности свободной работы с информацией предопределили открытость и доступность коммуникации и управления посредством дистанционного формата, выразили информационный компонент в процессе реализации прав и свобод, усилили виртуализацию общественных процессов.

---

¹ Negroponte N. Being Digital. London: Hodder and Stoughton. 1995. P. 11.

Одним из множества разнообразных вариантов проявления свободы информационного обмена, заключающегося в возможностях коммуницировать и действовать более эффективным образом, стало возникновение уникальных правовых конструкций и режимов, в том числе ранее не предусматривающих отступление от действующей системы нормативного регулирования. В частности, речь идет об экспериментальных правовых режимах, потребность в которых возникала именно на текущем этапе развития общества с учетом поиска новых и конкурентных в условиях глобализации направлений информационной деятельности.

Возвращаясь к вопросу о составляющих цифровой экономики, необходимо отметить, что ее определение через перечисление совокупности таких факторов, как информация, вычислительная техника и коммуникация между субъектами, было разработано и предложено в мировой науке в конце XX века¹. Экономистами еще в тот период было установлено, что именно указанные факторы способствуют возникновению стимулов экономического роста и социального благосостояния общества.

Спустя два десятка лет фундаментальное значение этих факторов стало более очевидным, хотя правовая наука как в России, так и в зарубежных государствах сосредоточила свое внимание на аспектах цифровой экономики лишь в последние несколько лет. Феномен цифровой трансформации общества в определенный момент стало невозможно игнорировать. В качестве причин такого широкого интереса научного сообщества к факторам экономического роста можно назвать ситуацию истощающихся природных ресурсов, возрастающую остроту глобальных проблем человечества, риск возникновения экономических кризисов, насущную необходимость обеспечения информационной безопасности в частных и публичных сферах, в том числе во внутринациональных и межгосударственных отношениях. Кроме того, стоит обратить внимание на другие более специфические причины: климатическую изменчивость,

---

¹ Lane N. Advancing the digital economy into the 21st century // Information Systems Frontiers. 1999. № 1. P. 317.

мировую пандемию, угрозу социальной стратификации, демографические кризисы и миграционные потоки, которые усиливаются проблемами в области дискриминации людей не только по различным признакам, но и в связи с иными обстоятельствами. При этом дискриминационные проблемы в свободной виртуальной среде не только укрепляются, но и эффективно культивируются – возникает информационная травля и устанавливается локальный запрет на доступ к информационному обмену, а, следовательно, у субъектов минимизируются или исключаются возможности интеграции в новые экономические процессы.

Стремительное развитие сети Интернет в начале XXI века, повсеместное проникновение каналов цифровой связи в развитых и развивающихся странах позволило обороту перейти в новую плоскость – в сферу электронной коммерции. С практической точки зрения чаще всего под цифровой экономикой понимаются отношения, которые непосредственно связаны с использованием информационных и иных технологий для осуществления продаж. Однако цифровую экономику формируют и другие факторы, которые могут не иметь коммерческой направленности до определенного времени – пока не появится соответствующая информационная технология, нацеленная на обработку информации. Например, никто не мог представить и не рассматривал самостоятельно размещаемые пользовательские данные как объект, обладающий коммерческой ценностью. Большие данные, под которыми рассматривается процесс обработки структурированной и неструктурированной информации, являются одним из наиболее перспективных явлений в цифровой экономике. Данные имеют определяющее значение для развития цифровой экономики, а конечной целью информационной деятельности в ее рамках является повышение благосостояния и качества жизни. Таким образом, фундаментальной основой цифровой экономики является цифровая информация, которая имеет определенную форму, легально объективированную под конкретные задачи информационной деятельности: большие данные, пользовательский контент и т.п.

Как когда-то компьютеры создали условия для внедрения и использования сети Интернет, так и она в свою очередь привела к возникновению электронной коммерции и множества иных связанных с этим явлений, которые сегодня призваны удовлетворять материальные и духовные потребности человека. Сеть Интернет как совокупность информационно-коммуникационных технологий, оказала существенное влияние на восприятие информации в качестве связующего звена для множества существующих и складывающихся виртуальных и материальных отношений, при этом самых разнообразных по своей сути¹. В свою очередь, поступательное развитие информационного обмена и возникновение феномена цифровизации отчасти обусловлены свободой действия субъектов, которые выстраивали взаимоотношения в открытой сети Интернет на базе имеющейся инфраструктуры. Примечательно, что развитие подобных отношений на первоначальном этапе не имело какого-либо внешнего или внутреннего регулирования. Проблемы регулирования информационных отношений в виртуальной среде продолжают вызывать множество споров и стимулируют научную дискуссию, а ориентиром в упорядочении принципиально новых моментов выступают локальные правила в рамках информационных систем и формирующаяся практика правоприменительных органов. Действующее законодательное регулирование можно назвать точечным, оно нацелено на решение практических вопросов. К нормативно неурегулированным отношениям, возникающим в сети Интернет, применяется регулирование по правилам аналогии права². Указанные обстоятельства все еще отчасти допускают свободу усмотрения и совершения действий субъектами, но и в это же время несут риски и укрепляют правовую неопределенность.

Более концептуальное понимание цифровой экономики базируется не на особенностях вычислительной техники и возможностях использования информационно-телекоммуникационных сетей, а на системном значении

---

¹ Babbitt T.G., Brynjolfsson E., Kahin B. Understanding the Digital Economy: Data Tools, and Research // Academy of Management Review. 2001. № 3. V. 26.

² Даниленков А.В. Принципы Интернет-права // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 2. С. 152.

данных и механизмах их обработки, т.е. непосредственно на применении информационных технологий. Вычислительная техника выступает как средство достижения практических целей по использованию информации. Примечательно, что с возникновением, развитием и интеграцией новых видов информационных технологий в повседневную жизнь изменяется их восприятие. При этом укрепляется аналогичный взгляд на сущность технологий, который выражается в их использовании в качестве средства достижения результатов в повседневной и профессиональной деятельности.

Информационные технологии традиционно отождествлялись и пока еще продолжают отождествляться с понятием компьютерного кода¹. Такой код имеет алгоритмический характер. Алгоритм предполагает такую последовательность совершения операций, которая приводит к достижению ожидаемого результата или решению заданной задачи. Код фактически является набором, совокупностью условных обозначений, которые предполагают их определенную последовательность размещения. Соответственно, если компьютерный код по своей сути является формализованной «организацией» информации, то алгоритм отражает процесс.

Алгоритм не предполагает свободу усмотрения и действий. Свобода важна для экономической деятельности, тогда как для системы правового регулирования она может выступить в качестве принципа, предполагающего создание норм, которые позволили бы ее обеспечить и сохранить в непосредственной деятельности субъектов. Безусловно, свобода действий не должна вступать в противоречия с этическими нормами, допускать злоупотребления и фактические нарушения правопорядка.

Для использования информации и применения информационных технологий в информационной системе необходима инфраструктура, а важным условием развития цифровой экономики является ее технологическая основа. С учетом отмеченного можно сделать вывод о том, что не только информация

---

¹ Амелин Р.В. Эволюция представлений о формах (источниках) права в условиях развития цифровых технологий // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 7.

и методы ее обработки имеют принципиальное значение для возникновения новых экономических стимулов и реперных точек общественного развития. При наличии инфраструктуры информация в условиях цифровизации приобретает двойственное значение: она является неким сырьем, а также непосредственным результатом, формирующим условия для развития новых сфер. При этом не происходит качественная трансформация информации – она все также сохраняет цифровую форму.

Рассматриваемое содержание и выражение цифровой экономики имеет практические задачи, поскольку более удачно подходит для развития системы правового регулирования. Рассматриваемый подход к выстраиванию регулирования наиболее близок, по сути, к цифровой экономике и отражает ее сущность, что позволяет сфокусировать внимание на закономерностях процессов:

определенность – понимание содержания и объема данных;

массовость – возможность применения технологий к данным;

результативность – достижение целей использования информации.

Соответственно, указанные свойства должны получить правовое регулирование в рамках процессов, которые направлены на внедрение инструментов цифровой экономики. Хотя алгоритмический принцип не имеет точно математического выражения, но по своей сути он довольно близок к праву, которое также предполагает установление правил и порядок их реализации. При обращении к праву всегда должен быть достигнут результат, например, установление справедливости путем восстановления прав. Аналогичным образом применяются алгоритмы, которые предполагают достижение таких результатов, которые позволяют считать цель достигнутой. Для выработки слаженной системы алгоритмов регулирования на первоначальном этапе необходима концептуализация.

Легальная трактовка цифровой экономики, которую можно сформулировать и вывести из системы действующего правового регулирования, скорее воплощает ее собирательный образ. Благодаря размежеванию отраслевого регулирования исследователям предстоит формировать общую картину

самостоятельно и с приложением больших интеллектуальных усилий, ведь отдельная отрасль не способна включить и отразить всю глубину направления. Зачастую без внимания остается социальный фактор цифровой трансформации информационного общества, к которому ведет институциональное изменение экономического уклада.

На международном форуме G20 в 2016 году, который был посвящен развитию цифровой экономики, была поддержана «Инициатива развития и сотрудничества в области цифровой экономики», которая подчеркнула значимость вопросов глобального управления сетью Интернет и регулирования цифровой экономики¹. Цифровая экономика в указанном документе рассматривается как проявление широкого круга видов экономической деятельности, в которых цифровая информация и знания рассматриваются как факторы производства². Информационные технологии и информационно-коммуникационные сети выступают «движущей силой» развития экономики. Совокупность указанных обстоятельств приводит к гибкости и эффективности экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Более сложный взгляд на цифровую экономику, под которой можно понимать не только предпринимательскую деятельность – производство благ с целью извлечения прибыли и удовлетворение запросов, но и социокультурные явления, не находит комплексного изучения в современных исследованиях. Отмечая значимость предпринимательства и свободы ее осуществления, не стоит забывать о том, что возможность открытого и беспрепятственного распространения знаний является важным фактором цивилизационной развития человечества. Свободное распространение знаний, т.е. информации, позволяет достигать значимых результатов в любой деятельности и является важнейшим условием обеспечения динамики развития общества.

---

¹ Ланьшина Т.А., Шуюн Г., Вэйхан Д. Роль «Группы двадцати» в глобальном управлении цифровой экономикой // Вестник международных организаций. 2017. № 4. Т. 12. С. 169.

² Инициатива «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики. Подписана 5 сентября 2016 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5111>

Основу для понимания цифровой экономики как сферы, имеющей более широкое значение и смысловое наполнение, заложил автор книги «Цифровая экономика» Дон Тапскотт¹. В цифровой экономике в производстве информации задействован человек, который производит информацию посредством использования информационных технологий и благодаря имеющейся в его распоряжении техники, которая функционирует и позволяет обмениваться данными ввиду развитой инфраструктурной системы. Подобные обстоятельства позволяют объединить имеющиеся знания, интеллект и творческий потенциал для того, чтобы осуществить действия с уже имеющейся информацией и произвести новую информацию, которая позволит ускорить процессы экономического характера и привести к удовлетворению существующих потребностей оптимальным способом. В результате такой деятельности возникает информация, которая не всегда будет обладать коммерческой ценностью, но она не теряет значение в качестве драйвера или катализатора для процессов экономического характера. Например, собираемые датчиками и иными устройствами «умного» дома технические данные без определенного интереса не будут иметь сами по себе коммерческой ценности, однако смогут ее приобрести при необходимости и наличии заинтересованности со стороны третьих лиц.

Информационный компонент цифровой экономики представляется возможным вывести через понятия «информационной деятельности» или «специализированной информационной деятельности», которые получили довольно подробное исследование в науке отечественного информационного права². Расширение информационной деятельности приводит к возникновению новых профессий и различных специализаций³. Соответственно, возможность работы с информацией позволяет получить позитивный экономический эффект как в традиционных видах деятельности, так и в новых. При этом подобная

---

¹ Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill. 1996.

² Ващекин Н.П., Абрамов Ю.Ф. Информационная деятельность и мировоззрение / под ред. А.Д. Урсула. Иркутск: Иркутский государственный университет. 1990. 291 с.; Уханов В.А. Информационная деятельность человека (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург. 1997. 292 с.; Рассолов И.М. Информационное право: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт. 2020. С. 23.

³ Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 62.

информационная деятельность, как правило, соответствует социокультурному уровню развития общества. Наглядным примером такой работы стало возникновение новой профессии в сфере «social media marketing», связанной с непрерывной деятельностью в информационных сетях, являющихся социальными сетями.

Для выстраивания системы правового регулирования отношений в сфере цифровой экономики, которая, по нашему мнению, на сегодняшний день основана на способах свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации – первостепенного фактора производства, важное значение имеет разграничение конкретных сфер в целях недопущения конкуренции законодательства. Учитывая традиционно сильное отраслевое деление права в российской правовой системе и научном сообществе, появляется возможность определить области регулирования в зависимости от предмета правовых отраслей.

Возможность совершения действий, которые направлены на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, обусловлена проявлением воли субъектов. Они принимают решения о целесообразности совершения действий с информацией исходя из своих убеждений и знаний, т.е. располагая определёнными начальными сведениями. Более сложным представляется вопрос урегулирования деятельности (а также легализации ее результатов без творческого начала и человеческого участия) программного обеспечения, в том числе «умных» устройств и роботов. Алгоритмы и роботизированные устройства уже сейчас способны осуществлять такую деятельность, которая не под силу человеку и выходит за пределы его возможностей. Однако за технологиями и гаджетами, какими бы они не были уникальными по своей сущности с технической точки зрения, всегда стоит конкретное лицо – физическое или юридическое лицо, которое принимало участие в его разработке, создании или запуске. В свою очередь, информационная деятельность всегда имеет волевой аспект, но выражен он может быть по-разному: как непосредственно, так и в результате деятельности определенного лица. Целью

написания алгоритмов и создания роботов является достижение результатов, а их самих можно представить в виде определенной объективированной информационной технологии более высокого уровня и сложной формы организации.

Фактически возможность свободного совершения действий связана наличием запретов и ограничений, которые содержит действующее нормативно-правовое или локальное регулирование. Во всех остальных случаях целесообразно исходить из презумпции, имеющей конституционное и законодательное отражение – обеспечение свободы поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, что является базовым отраслевым принципом в информационном законодательстве и праве¹.

Законодатель ориентируется на подход, при котором свобода работы с информацией допускается в тех границах, которые определяет субъект информационной деятельности с учетом нормативных предписаний. Зачастую свобода в условиях отсутствия регулирования может расцениваться как риск для системы и повлечь наступление ответственности. Правовая неопределенность и потенциальная возможность привлечения к ответственности за те действия, которые прямо не нарушают действующее регулирование и не противоречат основам правопорядка, но в определенном смысле затрагивают неурегулированную сферу, является следствием неготовности права выработать подходы, которые одновременно не допустили бы ущемления прав и свобод одних лиц и позволили бы с более высокой эффективностью вести информационную деятельность другим субъектам.

Отраслевой принцип информационного права, предусматривающий свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, целесообразно связать с оформлением правового регулирования цифровой экономики. Указанный подход видится более эффективным, чем система запретов. Ограничения всегда имеют характер точечного регулирования, не

---

¹ Федотов М.А. и др. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 22.

исключая и не решая проблему возникновения пробелов и противоречий. Аналогию можно провести с эффективностью развития тех отношений, которые находятся в условиях диспозитивности, т.е. выбора действий сторонами. Сравнивая методы дозволения, предписаний и запретов, для информационных отношений более перспективным в условиях свободной рыночной экономики видится именно первый.

Развивая тезис о свободе информационной деятельности в рамках цифровой экономики, важно подчеркнуть необходимость защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе в виртуальной среде. Противопоставления прав личности и экономического результата можно избежать, разделив систему регулирования на отдельные сферы интереса. Особая роль в данном случае может принадлежать информационному праву, в рамках которого постепенно возникают и формируются новые направления развития регулирования, и что особенно важно – правовые институциональные образования.

Действующую систему правового регулирования цифровой экономики составляют акты, как отмечалось ранее, имеющие различную юридическую силу в системе федерального и регионального правотворчества. Помимо законодательного уровня действует массив подзаконного регулирования, который очерчивает более детально правоотношения. Вместе с тем оценка стройности и логичности, системности и целостности такого регулирования не является задачей проводимого исследования в связи с тем, что процесс формирования нормативного массива системно стартовал только к началу 2019 году. Однако актуальность приобретает вопрос выстраивания возникающих правоотношений в сфере цифровой экономики с учетом отраслевой особенности российской правовой системы и определения места и роли в указанном процессе информационного права.

Правоотношения в рамках цифровой экономики, во многом пока еще основанные на свободе информационной деятельности, можно представить и определить через классическую систему – сферу частных и публичных

интересов. При этом такое разделение не ведет к конкуренции регулирования¹. Напротив, частная и публичная сферы эффективнее в единстве, тем самым обеспечивая регулирование отношений в комплексе².

Проблема установления баланса в правоотношениях частного и публичного характера не исключает, но неминуемо приводит к поиску способа универсального соотношения применяемых законодателем механизмов, установления единого правового инструментария и понятийного аппарата отраслей. Терминология для отношений в области цифровой экономики должна быть согласована и последовательно выстроена в системе действующего правового регулирования, не допуская равнозначное толкование и понимание одних и тех же категорий и явлений. Легальные усилия в этом направлении уже предприняты в рамках информационного законодательства, которое в указанных отношениях (исходя из того, что в основе цифровой экономики лежит информация в цифровой форме как фактор производства) выработало свои собственные, оригинальные подходы и понятия. Новые категории, содержащие информационный компонент, зачастую впервые возникают и оформляются посредством частнопроводного регулирования, а уже затем переносятся в систему информационного законодательства, которое выступает для рассматриваемой сферы отношений базовой и образующей.

Указанное обусловлено тем, что отрасль гражданского законодательства является более подвижной сферой частного интереса, тогда как информационное законодательство в первую очередь отражает особенности публично-правовой отрасли, хотя именно в нем в полной мере раскрывается рассматриваемый дуализм права³. Основания для квалификации отношений по принадлежности к различным сферам заметно усложняются в связи с существенным

---

¹ Лазарев В.В. Становление российского частного права: проблемы и перспективы // Правоведение. 1995. № 6. С. 114.

² Алексеев С.С. Частное право. М.: Статут. 1999. С. 33.

³ Бачило И.Л. Развитие законодательства в условиях модернизации государственного управления на основе информационных технологий // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 1. С. 73; Талапина Э.В. Публичные и частные правовые регуляторы информационных отношений // Информационные ресурсы России. 2006. № 3. С. 18.

прогрессом в области информационных технологий¹. Цифровизация заметнее, чем просто гармонизация и унификация права, ускоряет процесс «стирания» отраслевых границ.

К примеру, в 2013 году часть четвертая ГК РФ была дополнена ст. 1253.1, регулирующей особенности ответственности информационного посредника². В Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ ст. 10.4, регламентирующая особенности распространения информации информационным (новостным) агрегатором, была включена спустя три года – лишь в 2016 году³. Вполне очевидно, что ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие распространение информации, не только не были согласованы между собой по времени, но и до сих пор не располагают единой правовой терминологией.

Проблемы правотворчества и последующего правоприменения можно минимизировать, выстроив четкие и понятные критерии регулирования информационных отношений. В целях исключения конкуренции и противоречий между системой публичного и частного законодательства предлагается найти общий принцип, объединяющий процесс нормативного регулирования цифровой экономики, отразив свободу информационной деятельности в отраслевом праве.

Правоотношения в сфере цифровой экономики, затрагивающие коммерческую деятельность, целесообразно отнести к сегменту частноправового регулирования. Следовательно, подобное регулирование может быть выстроено в системе гражданского законодательства, а также нормативно-правовыми актами в области организации и осуществления предпринимательской деятельности.

---

¹ Gasser U. Recoding privacy law: Reflections on the future relationship among law, technology, and privacy // Harvard law review forum. 2016. V. 130. P. 61.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. №187-ФЗ // Российская газета. 2013. № 148. 10 июля.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ // Российская газета. 2016. № 139 28 июня.

Наибольшие сложности возникают при определении отраслевого регулирования для информации, которая приобретает характер полноценных и самостоятельных нематериальных объектов, используемых в виртуальной среде. Личные нематериальные блага, принадлежащие личности от рождения и будучи неотделимы от нее, входят в предмет частного права, и по своей сути не являются отношениями экономического характера. Применить стоимостное выражение или оценку к ним по формальным основаниям не представляется возможным. Хотя вопрос экономического потенциала нематериальных объектов в целом остается дискуссионным вплоть до настоящего времени¹. Все возникающие в такой связи объекты и находящиеся в том числе в виртуальной среде сохраняют частноправовую природу и соответствующий правовой режим, а и их регулирование нормами информационного права вряд ли принесет системность и логичность в систему правового регулирования.

Кроме того, отдельные правоотношения являются объектом гражданского регулятивно-охранительного порядка. К их числу можно отнести отношения по обеспечению и защите прав на честь, достоинство, деловую репутацию, которые по действующему законодательству признаются категорией личных неимущественных благ². Честь, достоинство, деловая репутация связаны с коммуникационным процессом, предполагающим сохранение смысла и содержания информации, передача которой осуществляется на основании имеющихся и изменяющихся представлений – они раскрывают и выражают определенное отношение. На практике также широкое применение получает такой вариант защиты рассматриваемых нематериальных благ как опровержение³. При этом под опровержением С.В. Потапенко понимает специальный способ защиты прав, представляющий обоснованное отрицание порочащих

---

¹ Лебедев Д.В. Формирование ценности нематериальных благ в информационной экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Сатаров. 2011. 22 с.

² Потапенко С.В., Даниелян А.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет. 2021. С. 74.

³ Потапенко С.В. Опровержение как способ защиты от диффамации в СМИ // Юрист. 2002. № 2. С. 12.

сведений¹. Природа данных отношений информационная (информация в виде сведений), однако они имеют специальное правовое, очевидно выраженное отраслевое регулирование. Активно развивается арбитражная судебная практика в данной сфере, стороной таких отношений нередко выступают организации, осуществляющие предпринимательскую деятельность². В нынешних условиях интенсивного развития современных технологий порочащие сведения все чаще распространяются не в средствах массовой информации, а в сети Интернет. Как массовые коммуникации, так и информационно-телекоммуникационные сети связаны с осуществлением информационных отношений, имеющих в зависимости от обстоятельств необходимую охранительную или регулятивную отраслевую регламентацию.

Цифровая экономика развивается не только посредством привычного использования традиционных материальных благ, созданных с учетом интеграции информационных технологий в производственные процессы, но и в связи с возрастающими объемами оборота в виртуальной среде. Виртуальный формат взаимодействия ускорил динамику и изменил условия, обстоятельства и сами отношения, которые приобрели принципиально иной характер. В частности, новое значение приобретают совершаемые в виртуальной среде действия, которые по своей природе не могут быть отнесены исключительно к частноправовым. Такие отношения также сосредоточены вокруг публичных интересов общества и государства, они должны обеспечивать возможности личности защищать свои права в цифровой среде.

Научная дискуссия о разграничении частного и публичного в праве только усиливается, а исследователи предлагают свои взгляды на проблематику и критерии разграничения³. В условиях цифровой трансформации такая задача заметно усложняется ввиду неочевидности выделения относительных

---

¹ Потапенко С.В. Судебная защита от диффамации в СМИ: монография. Краснодар: Пресс. 2002. С. 203.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2022 г. № 09АП-14549/22 по делу № А40-264796/2020 // СПС «Гарант»

³ Бекбаев. Е. З. Частные и публичные правоотношения // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 269.

и абсолютных правоотношений. Возможность применения авторских подходов к правовому регулированию цифровой экономики с теоретической точки зрения существует. Предлагая авторский подход к отраслевому регулированию цифровой экономики, необходимо установить природу отношений.

Публичное выражение свободы информации следует рассматривать не только в контексте обеспечения государственных или общественных интересов, но и в связи с ее открытостью или доступностью. Судебная практика, сложившаяся до периода активной цифровизации правовой системы, демонстрирует, что достичь баланса частно-публичных интересов вполне возможно на практике. При этом частная сфера заимствует публично-правовой инструментарий, который оказывается вполне эффективно применим к отношениям в сфере предпринимательской деятельности. К примеру, акционерные общества обеспечивают получение информации о хозяйственной деятельности не только в установленном учредительными документами порядке, но и предусмотренными законами способами с учетом обеспечения прав и свобод участников отношений¹. Информационная открытость акционерного общества корреспондирует порядку доступа к информации, не исключая пределы свободного доступа к ней в зависимости от определенных условий². Укрепляющийся в общественных процессах феномен цифровизации только способствует повышению доступности информации и ее открытому распространению по каналам связи, создавая новые возможности для свободного получения.

Система частного регулирования прочно связана с перераспределением, т.е. формальным и фактическим оборотом благ, в данном случае основанного на информации и применении информационных технологий, использовании инфраструктуры и техники. В рыночных условиях обмен предполагает коммерческую заинтересованность субъектов, а значит и необходимость

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симакова Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах»: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 263-О // СПС «Гарант».

² По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах»: Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 8-О-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 8. 21 февраля. Ст. 1202.

определения объектов или прав в обороте и установления наиболее понятных и прозрачных для всех сторон договорных конструкций в виртуальной среде (т.е. возможность использования в информационной системе). Кроме того, возникают и иные отношения, которые появляются вследствие свободной информационной деятельности. Такие отношения напрямую не связаны с цифровой экономикой, но так или иначе могут приобрести экономический эффект благодаря применению информационных технологий.

Наиболее очевидный пример возникновения таких отношений связан с реальной проблемой практического плана, возникшей в последние годы – определением правовой природы и установлением системы правового регулирования для пользовательского контента или пользовательских данных. Отрасль информационного права с развитием информационного законодательства может пополниться новым правовым институтом, определяющим особенности правовой регламентации для информационных отношений в области обработки пользовательского контента.

Необходимость определения правовой природы пользовательских данных обусловлена как раз теми факторами, о которых было указано в первой части данного исследования, посвященного роли цифровизации на текущем этапе общественного развития. Широкий доступ людей к способам производства и распространения информации привел к тому, что новая информация в цифровой форме в начале XXI века начала возникать в небывалых ранее темпах. Соответственно, перед участниками отношений в виртуальной среде, а также перед регуляторами и правоприменителями, встала существенная проблема обеспечения охраны таких сведений и данных, которые впоследствии (благодаря использованию информационных технологий) приобрели коммерческую ценность.

Постепенное развитие информационных технологий и увеличение доступности сети Интернет, используемой в качестве средства коммуникации и связи, позволили оставлять пользователям в информационных системах явные и хорошо заметные для участников отношений «следы» в виде информации,

которую можно назвать пользовательским контентом. Кроме того, такие сведения и данные могут позволить установить личность и даже идентифицировать ее без опоры на персональные данные в составе такого контента. Существуют основания полагать, что подобный цифровой «след» можно рассматривать как индивидуальный. Не исключено, что со временем появятся такие технологии искусственного интеллекта и нейронных сетей, которые научатся устанавливать отдельные черты пользователей, группировать их по общим признакам и даже выделять конкретное лицо из неопределённого круга лиц на основе глубокого анализа информации. По крайней мере, основательные предпосылки для этого уже существуют, поскольку практике известны случаи, когда по действиям и данным, доступным в сети Интернет, устанавливались как обобщенные представления о группах лиц, так и определялись реальные личности пользователей¹.

Содержание пользовательского контента в широком смысле составляет информация в цифровой форме, которая может быть выражена как в виде символов и букв, так и в виде графических и иных элементов, предлагаемых самой информационной системой. При этом пользовательский контент может быть представлен в виде аудиозаписей, видеороликов, изображений и иных файлов. В этой массе пользовательского контента могут присутствовать и охраняемые законом объекты, на которые третьим лицам принадлежат исключительные права. Для данной части контента, являющейся интеллектуальной собственностью, уже выработаны легальные правила и механизмы защиты. Остальное содержание пользовательского контента изначально, при его создании и размещении в системе, не получает охрану со стороны законодательства об интеллектуальной собственности, и не может к нему относиться как ввиду отсутствия указания на то в законодательстве, так и с учетом неопределенности

---

¹ Kosinski M., Stillwell D. Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. № 15. V. 110. P. 5802; Adali S., Golbeck J. Predicting Personality with Social Behavior // IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining. 2012. P. 302; Поймали в Сети: куда ведет «цифровой след». Вычислить анонимного пользователя становится всё проще // URL: <https://iz.ru/976205/aleksandr-lesnykh/poimali-v-seti-kuda-vedet-tcifrovoy-sled>; Розыск по электронно-цифровому следу // URL: <https://www.securitylab.ru/blog/company/CABIS/348923.php>

содержания размещаемой информации. Поэтому основной объем пользовательского контента остается вне сферы регулирования отраслей отечественного права.

Проблемы установления регулирования в отношении «пользовательских данных» в открытых информационных системах существуют не только в России. В условиях развития трансграничных отношений и фактической невозможности государствам удерживать информационный оборот в рамках национальных юрисдикций благодаря практически повсеместному распространению сети Интернет для такого контента требуется выработка особых правил.

Под пользовательским контентом можно понимать информацию, которая самостоятельно создается и размещается пользователями в информационных системах в ходе осуществления информационного обмена. Для создания контента применяются как информационные технологии, так и используется специальная техника, позволяющая обрабатывать и хранить информацию. Особенности распространения и условия доступа определяются информационной системой, в которой пользовательский контент размещается.

В условиях отсутствия детального регулирования пользовательского контента на законодательном уровне был сформирован подход, в соответствии с которым операторы информационных систем разрабатывают специальные правила, которые выражены в виде отдельных соглашений. Пользователь автоматически присоединяется к ним, размещая информацию в системе. Такие соглашения, как правило, имеют следующие названия: «Политика пользовательского контента» или «Правила использования контента, созданного пользователями». В зарубежных юрисдикциях наиболее распространенное название для подобных соглашений – «User-Generated Content». В соответствии с текстом соглашений пользователи передают операторам права в виде лицензии на использование любых размещённых данных (независимо от того, являются ли они интеллектуальной собственностью). Действие лицензионного соглашения, как правило, прекращается в момент удаления информации из системы. Подобные лицензии предоставляются фактически автоматически (в

определенном смысле без осознанного согласия пользователя), безвозмездно и не предполагают какую-либо отчетность перед обладателем информации¹.

В отечественных исследованиях высказывается мнение о том, что слишком рано формулировать отдельный правовой режим для контента, генерируемого непосредственно пользователями². Однако практика показывает, что пользовательские данные становятся предметом спора в судебных инстанциях³. В условиях возрастающей социальной роли и влияния корпораций в IT-индустрии пользователи остаются в наименее защищенном положении при отсутствии регулирования.

В последние несколько лет обострилась проблема, связанная с возможностью свободного размещения пользователями общедоступной информации. Противоречия возникают при оценке информации на предмет ее соответствия законодательству и правилам информационных систем. Операторы сайтов и социальных сетей предпринимают попытки самостоятельного удаления аккаунтов и профилей пользователей, включая размещенные ими данные. Для контроля за распространением запрещенной и иной информации, размещение которой не должно быть осуществлено, требуется модерация. В противном случае, оператор или владелец ресурса наряду с пользователем при его установлении могут быть привлечены к ответственности, а на их деятельность наложены санкции, которые повлекут ограничения в деятельности. Действующим законодательством не урегулированы вопросы процесса модерации – проверки информации на ее соответствие чему-либо, а также ее изменения или удаления как с участием, так и без участия пользователя⁴. Нет системного регулирования, которое могло бы повлиять на определение содержания правил

---

¹ Ермакова А. Р., Сухарева А. Е. Возможные подходы к определению правового режима пользовательского контента // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 53.

² Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут. 2017. 216 с.

³ Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52; Алимов Э.В., Алимова Д.Р., Гаджиев Х.И. и др. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике. Отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ. 2020. 176 с.

⁴ Галушкин А.А. К вопросу о перспективах правового регулирования деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 372.

информационных систем. Отмеченное не исключает для пользователя возможность обратиться в административном или судебном порядке в государственные инстанции. Отдельные указанные аспекты в отношении социальных сетей получили нормативное закрепление в начале 2021 года в связи с принятием изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ¹.

Наибольшую сложность вызывает определение принадлежности пользовательских данных. С одной стороны, такой контент является результатом информационной деятельности конкретного человека. С другой стороны, возможности для создания и генерации пользовательского контента обеспечивают информационные системы. Размещение пользовательских данных в информационных системах несет определенные риски для информационной безопасности². При этом организация деятельности и минимизация таких угроз требует соблюдения существующих правил и технических требований, наличия инфраструктуры и иных материальных ресурсов. Без участия обеих сторон невозможно формирование массива пользовательских данных. Однако принадлежность пользовательских данных может быть определена только в пользу одной из сторон данных правоотношений.

Полагаем, что пользовательские данные принадлежат именно пользователям и у них возникает определенный объем прав, позволяющий определять дальнейшую судьбу контента. Следовательно, именно пользователи должны нести ответственность за размещение информации, которая нарушает требования действующего законодательства. При размещении пользователем информации, несоответствующей правилам информационной системы, следует предпринимать соответствующие меры, однако предшествовать этому должен понятный и прозрачный механизм рассмотрения информационного спора.

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ // Российская газета. 2021. № 1. 11 января.

² Брумштейн Ю., Бондарев А. Сайты Рунета: варианты политики разграничения доступа к информации и ее размещения пользователями // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 5. С. 49.

В свою очередь, информационные системы должны иметь возможность использовать пользовательский контент в целях, которые будут полезны для улучшения работы сервиса и не приведут к нарушению прав пользователей. Возможность для оператора распоряжения пользовательскими данными целесообразно предусмотреть по принципу наличия согласия, получаемого от пользователя осознанно и на согласованный период времени. Однако отсутствие подтвержденного пользователем согласия не должно приводить к какой-либо форме дискриминации в системе, ограничению возможностей по использованию платформы. Предложенный подход можно считать компромиссным, однако он позволяет реализовывать права и обеспечить защиту всем участникам информационных отношений, предметом которых являются пользовательские данные.

На наш взгляд, пользовательский контент – это новое институциональное образование в структуре отрасли информационного права. Пользовательский контент уникален тем, что он может подпадать под сразу несколько сфер регулирования отношений, находясь на различных этапах использования – существовать в области влияния отдельных правовых отраслей. Так, используемая пользователями интеллектуальная собственность находится в сфере регулирования и защиты частного права, размещаемые пользователями сведения о себе входят в непосредственную область отношений по использованию и обороту персональных данных. Иные данные, не являющиеся интеллектуальной собственностью и персональными данными, также могут составлять пользовательский контент. Они имеют специфическую форму выражения и установленное содержание, отражая информационную деятельность пользователя в сети Интернет.

Поскольку пользовательский контент является информацией, которая без определенного интереса сама по себе не имеет коммерческой ценности, она попадает в сферу действия исключительно отрасли информационного права. Однако не ограничивается им, впрочем, как и любая другая информация может становиться, например, объектом сделок. Важной особенностью

пользовательского контента являются возможности его формального перехода из сферы одного отраслевого регулирования в другое. Например, после размещения пользователем информации у него в дальнейшем могут возникнуть исключительные права на произведение. Массив данных может быть отчужден при наличии коммерческой цели у заказчика при заключении договора об оказании услуг по предоставлению информации.

Для пользовательского контента можно сформулировать следующие признаки: информацию создает непосредственно пользователь, основываясь на своих интеллектуальных и творческих способностях; в результате информационной деятельности пользователь формирует информационную ценность, которая может быть трансформирована в коммерческую или иную; условия для создания пользовательского контента обеспечиваются в рамках информационной системы. Указанные признаки частично охватываются сферой действия информационного законодательства, в котором уже выработаны базовые категории. Установление и совершенствование регулирования в части определения принадлежности информации, правил доступа к ней и использования позволят сформировать условия для развития масштабного блока общественных отношений. При дальнейшей цифровой трансформации общества недостатки регулирования в сфере свободного размещения и использования пользовательских данных будут становиться все более ощутимыми.

В связи с вышеизложенным предлагается закрепить норму, призванную урегулировать отношения в области пользовательских данных, дополнив ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

«Статья 10.6. Особенности распространения информации в социальных сетях

3.1. Пользователь социальной сети имеет право размещать информацию и обязан не нарушать правила использования социальной сети и требования законодательства Российской Федерации. Размещаемая пользователем социальной сети информация является общедоступной, если иное не предусмотрено правилами использования информационной системы. Пользователь

социальной сети при необходимости должен иметь возможность удалить размещенную им информацию или ограничить доступ к ней. Удаление информации или ограничение доступа к ней исключает автоматизированную обработку информации, в том числе в целях ее повторного использования оператором информационной системы либо другим лицом.».

Отсутствие регулирования не есть свобода, а цифровая экономика не способна изменить устоявшиеся взгляды на свободу в праве. Однако при отсутствии норм в условиях цифровизации усиливаются риски для злоупотребления свободой и нарушения прав, что обусловлено сложностью отношений – изменением их субъектного состава и возникновением принципиально новых явлений. По нашему мнению, свободу стоит рассматривать в аспекте возможностей действовать таким образом, чтобы не допустить нарушения законных прав и интересов личности. Но эти права, безусловно, должны быть определенными и зафиксированными нормативно.

Свобода информационной деятельности в процессе цифровизации привела к возникновению и таких обстоятельств, которые наряду с пользовательским контентом требуют установления новых правовых режимов. В создании информации сегодня задействован не только человек. Ее сбор, передачу, хранение, обработку и обеспечение доступа возможно осуществлять посредством использования информационных технологий. Участие человека в таком процессе может быть сведено лишь к созданию технологий и обеспечению условий для их использования.

Одними из перспективных направлений развития информационных технологий являются «интернет вещей» или «промышленный интернет»¹. Технологии позволяют генерировать данные без участия человека, т.е. посредством использования «умных» датчиков и техники. При этом возникает новая информация в цифровой форме, которая создается в автоматическом режиме. Для ее передачи и хранения используются алгоритмы (технологии), которые

---

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов // URL: <http://www.economy.gov.ru>

заложены непосредственно разработчиками. Актуальным остается вопрос определения объема и содержания передаваемых данных, условий их использования сторонами, обеспечения конфиденциальности в случае, если они являются охраняемой законом тайной или персональными данными, а также проблема анонимности и обезличенности данных.

Одни и те же данные при отличных целях использования можно рассматривать и оценивать по-разному. Например, собираемые данные устройствами «умного» дома могут содержать информацию об образе жизни и привычках жильцов, выявлять их особенные и индивидуальные черты – относиться к данным персонального характера, а могут быть использованы в технических целях: для определения условий окружающей среды, обеспечения безопасности и т.п. Аналогичные параллели можно провести и в связи с использованием других устройств, которые позволяют собирать и анализировать данные о человеке: смартфонов, «умных» часов и фитнес-браслетов, навигационных и геолокационных комплексов в автомобилях, систем «умного» города и т.п. Вне нормативного регулирования остаются права пользователей и разработчиков информационных технологий и определения того, кто же является обладателем информации в подобных отношениях. Именно поэтому формулирование целей использования данных является важнейшей задачей, которая должна получать законодательное оформление в цифровой экономике.

Сложность формирования нормативного массива в области цифровой экономики связана с изменяющимся интересом субъектов информационной деятельности. При возникновении коммерческих потребностей первостепенное значение приобретает частноправовое регулирование, в иных случаях возникают публичные правоотношения. Ограничения регулирования, по нашему мнению, должны быть продиктованы необходимостью защиты прав и свобод граждан. Характер информационных правоотношений постоянно изменяется. Их динамика изменений сегодня обусловлена свободой поиска, получения, передачи, производства и распространения информации в цифровой форме любыми законными способами. Полагаем, целесообразно таким образом

заложить основу построения системы отраслевого правового регулирования новых информационных отношений, связанных с экономической деятельностью.

§2. Публично-правовая модель цифровых прав и проблемы предоставления информации

Стремительное совершенствование информационных технологий приводит к возникновению ряда новых прав, которые постепенно получают теоретическое обоснование и легальную форму закрепления. С течением времени в научном дискурсе формируются предложения о целесообразности надления целого комплекса таких прав новой терминологией, призванной подчеркнуть их уникальные юридические характеристики¹. Исследователи имеют свой собственный взгляд на проблему цифровых прав и представляют авторские идеи по развитию регулирования в данном направлении. Достаточно интересной представляется авторский подход, предложенный Э.В. Талапиной, по выделению двоичных (бинарных) прав².

Укрепляются идеи и разрабатываются теории, направленные на фиксацию и теоретическое обоснование факта возникновения новой категории прав или даже поколения прав человека³. Подобные исследовательские подходы и научные взгляды характерны для ученых эпохи информационного общества, в котором человек при помощи технологий определяет свои возможности, самостоятельно формирует цели и придает значение фактам, явлениям и событиям в виртуальной среде, а юридическим инструментарием закрепляет их общеобязательный характер и подчеркивает необходимость единообразного

---

¹ Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // *Peace Human Rights Governance*. 2017. V. 1. I. 2. P. 226.

² Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14. № 3. С. 134.

³ Велиева Д.С. Цифровые права в системе конституционных прав и свобод с позиции правовой определенности // *Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография* / Под ред. И.В. Воронцовой. Казань: Отечество. 2020. С. 16.

понимания и реализации. Нынешний этап развития общества отличается от предыдущего тем, что человек самостоятельно формирует смыслы и создает основу для правотворчества, а не только фиксирует с помощью норм субъективно обобщенные наблюдения за динамикой изменения общественных отношений и их внешнего выражения. Насущной проблемой информационного общества становится доступность различных действий со знанием и информацией с учетом требований действующего законодательства и имеющихся у лиц прав¹.

Информационные технологии вполне очевидно оказывают непосредственное влияние на развитие всего института прав человека, включая как являющиеся естественными по своей природе права, так и права, получившие обеспечение со стороны публично-правовых институтов. При этом технологии существенно расширяют возможности для совершения юридических действий, создавая одновременно как условия для реализации прав, так и риски их нарушения (например, особенно остро стоит проблема реализации права на неприкосновенность частной жизни с учетом появления множества средств фиксации информации, право на недискриминацию в информационных системах при использовании сети Интернет и т.п.).

Исследователи активно анализируют феномен цифровизации общества и очерчивают концептуальный контур для новой категории прав – цифровых прав человека. В значительном количестве современных трудов подчеркивается, что такие права имеют глобальный характер². Их возникновение обусловлено возможностями свободного распространения информации и условиями широкого проникновения информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека.

Проблемой является определение содержательного наполнения и выражения цифровых прав. Изучая их, невозможно упускать из внимания саму

---

¹ Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 9.

² Бурьянов М. С. Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 2. С. 63; Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4. С. 33.

сущность категории, на основе которой должна выстраиваться правовая регламентация. К цифровым правам можно наиболее очевидно отнести права, которые, как правило, возникают у пользователей информационных систем при использовании информационно-коммуникационных сетей. Иными словами, такие права могут возникнуть у субъектов, пользующихся определенными информационными системами (в структуре сайтов, приложений и сервисов) в сети Интернет. Наиболее справедливый пример, отражающий сущность цифрового права – это так называемое «право на забвение» (или «право быть забытым»¹ – одно из немногих, получившее детальное регулирование в России²). В числе иных прав с «цифровой» природой можно назвать право на доступ к данным в информационной системе, право на распоряжение пользовательским контентом, а также множество других прав, которые возникают в силу двух обстоятельств (для возникновения права достаточно одного из них).

Первое обстоятельство возникновения рассматриваемой категории прав – это требование законодательства, т.е. прямое закрепление в тексте правового акта правоустанавливающей нормы. Цифровое право может быть санкционировано со стороны государства и предусматривать свободу усмотрений и действий в виртуальной среде (в рамках информационной системы).

Второе обстоятельство возникновения цифровых прав можно связать с правилами информационной системы, которые устанавливает ее владелец или оператор.

В определенном смысле цифровые права возникают как в условиях императивных предписаний, исходящих со стороны государства, так и в результате вариативности действий того субъекта, который устанавливает права и обязанности для пользователей соответствующих информационных систем. Особая значимость установления института цифровых прав в контексте их

---

¹ Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 290.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Федерация Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Российская газета. 2015. № 154. 16 июля.

публично-правового регулирования и определения общественной ценности связана с тем, что на практике с развитием информационных технологий и изменением этических взглядов в обществе все чаще будут возникать такие спорные ситуации, при которых потребуются уточнение пределов и установление границ для субъектов, определяющих правила в рамках информационных систем, а также определение круга лиц в данных отношениях.

Исследователи приводят аргументы, что цифровые права по своей сути являются производными от информационных прав, однако полностью к ним не относятся и не включаются в соответствующую систему¹. Кроме того, при наличии «цифровой» интерпретации у существующих прав, не представляется возможным сформировать их исчерпывающий перечень². Однако полагаем, что информационные и цифровые права могут быть разграничены по принципу определения сферы их осуществления и реализации. Информационные права реализуются в фактической действительности, зачастую при использовании носителей информации, при этом информационные технологии являются лишь дополнительным фактором. Цифровые права получают возможность реализации в специализированных информационных системах, т.е. в виртуальной среде. Отмеченное позволяет выделить сущностную характеристику цифровых прав как прав нового порядка.

Цифровые права устанавливаются и обеспечиваются системой национального правового регулирования. Существует реальная потребность в их признании на международном уровне, однако к настоящему времени какой-либо системный или цельный подход к выделению и обособлению цифровых прав на межгосударственном уровне не сформулирован. Отдельные предположения, потенциально указывающие на их особый формирующийся статус, можно сделать на основе опубликованных международными организациями

---

¹ Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4. С. 57.

² Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 64.

докладов¹. Цифровые права можно встретить в международных документах рекомендательного характера, которые не содержат какой-либо конкретизации относительно понятия².

Цифровые права предполагают предоставление доступа к общественным благам, которые в различной степени связаны с виртуальной средой. Одна из ключевых целей межгосударственного сотрудничества, активно поддерживаемая и декларируемая ООН и иными организациями на международном уровне – это устойчивое развитие мира. Ее важнейшими компонентами выступают информационная безопасность личности и государства, равный доступ к технологиям в целях гуманитарного и цивилизационного развития, создание универсальных систем управления. Однако отсутствие единого понимания характера цифровой сферы, связанной с распространением информации и применением информационных технологий, не позволяет достичь каких-либо действенных успехов на международном уровне ни в вопросах сотрудничества государств, ни в аспектах нормативного декларирования цифровых прав. Данная задача является перспективной, а практические проблемы ее реализации связаны со множеством факторов, зависящих от уровня экономического, политического, социального, культурного развития отдельных государств.

Анализируя фактическое проявление и сущность цифровых прав в контексте особенностей отечественной правовой системы на текущий период, представляется целесообразным их представить в виде комплекса прав, которые принадлежат личности в силу указания на то в законодательстве. Так, основополагающей особенностью цифровых прав выступает возможность получения доступа к информации, независимо от формы ее представления, посредством использования цифровых каналов связи и информационных технологий. Безусловно, важным условием реализации цифровых прав является техника, которая обеспечивает возможность использования информации. Однако,

---

¹ Доклад о цифровой экономике 2019. Обзор ЮНКТАД. Конференция ООН по торговле и развитию // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf

² Digital rights in the COVID-19 era // URL: https://www.ohchr.org/Documents/Events/COVID-19/Op-Ed_OHCHR_EUROCITIES_UCLG_UN_Habitat_XT.pdf

проведя аналогию с традиционной формой реализации субъективных прав, которые, например, также зачастую связаны с бумажным носителем, потребность в технике вряд ли целесообразно рассматривать в качестве обязательного компонента, необходимого для формального обособления цифрового права. Полагаем, что технику, технологии и цифровые каналы связи необходимо рассматривать лишь как средства или условия для реализации права.

Определяя правовую природу и юридические свойства цифровых прав, логично подчеркнуть, что их основой является информация. При этом содержание такой информации не имеет принципиального значения, поскольку ее использование обусловлено возможностью применения технических средств. Подобная информация должна быть представлена в цифровой форме. Субъектом реализации цифрового права выступает конкретное лицо (физическое или юридическое), которое имеет доступ к техническим средствам и которому обеспечены условия для реализации такого права.

Целесообразно провести разграничение между такими понятиями как цифровое право и цифровая форма реализации права. Право, которое может быть реализовано как в электронной форме (например, получение государственной услуги через официальный сайт органа), так и посредством фактических действий (например, получение государственной услуги в помещении органа), не является цифровым по своей сути. Цифровое право реализуется исключительно в виртуальной среде, поэтому имеет специальную форму выражения. Цифровое право в информационной системе можно представить в виде конкретной информации, которая не имеет реально существующего материального воплощения, объективированного в какой-либо форме, или связи с физическим объектом. Право на информацию как базовое и более широкое право, имеющее многогранную интерпретацию и реализацию, в современных условиях включает в себя возможность использования информационных технологий, каналов цифровой связи, а также техники для использования и обработки информации в цифровой форме. В более широком, обобщенном смысле цифровые права являются производными от права на информацию, которое в

нынешних условиях цифровизации общественной жизни приобретает дальнейшее истолкование и новое прочтение.

Разработка института цифровых прав связана с тем, что реализуемые физическими и юридическими лицами права должны получить действенные механизмы защиты, что минимизировало бы риски для злоупотреблений и нарушений для всей системы прав человека со стороны органов публичной власти. Цифровые права по своей сути являются межотраслевым образованием. Наиболее наглядно информационный аспект цифровых прав может быть раскрыт через информационное и иное отраслевое законодательство.

Немаловажное значение для понимания цифровых прав в субъективном смысле имеют отдельные положения Окинавской хартии Глобального информационного общества¹. Декларируемые в ст. 3, 5 и 7 Хартии права имеют прямую связь с цифровой средой. Вопрос осуществления их первоначальной систематизации в условиях становления регулирования является дискуссионным, поскольку рассматриваемая сфера довольно динамична – она постоянно обогащается новыми явлениями, которые не всегда последовательно получают правовое закрепление в рамках национальных правовых систем.

В научных исследованиях предпринимаются попытки рассматривать цифровые права в различном контексте – как особую форму реализации права, формирующиеся общественные отношения, межотраслевой правовой институт, гарантию реализации прав или новое комплексное юридическое направление². Полагаем, что формируемый нами авторский подход к рассмотрению цифровых прав, выступающих комплексом разнообразных прав нового порядка, отраженных в информационном и отраслевом законодательстве, на текущий момент является наиболее перспективным и отвечающим традициям развития отечественного правового регулирования.

---

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята на о. Окинава (Япония) 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51.

² Зырянов И.А. Цифровые права человека как проблема социально-юридического механизма обеспечения естественных прав и свобод // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 82.

Пристальное внимание общественности и научного сообщества к категории цифровых прав можно сравнить с той дискуссией, которая велась и продолжает вестись относительно важности и ценности права на доступ в сеть Интернет и иных прав, тесно связанных с использованием открытых информационно-коммуникационных сетей. Вместе с тем, признавая сеть Интернет особым благом и его принципиальную значимость для человека в информационном обществе, важно понимать, что это совершенно не формирует наличие у нее специфической юридической природы¹. Аналогичным образом особую юридическую природу невозможно выделить и у виртуальной среды, в которой как раз могут быть реализованы цифровые права. Фактически виртуальная среда является одним из множества вариантов для осуществления деятельности человека, значение которой увеличивается в результате цивилизационного развития. Безусловно, такое обстоятельство совершенно не исключает необходимость ее правового регулирования – создания единых правил поведения для всех участников отношений.

Внимательного осмысления заслуживает позиция Н.В. Варламовой, которая утверждает о том, что цифровизация не приводит к появлению новых прав человека принципиально иной юридической природы, но формирует потребность в адекватных правовых решениях, соответствующих условиям технологического развития². Публично-правовое теоретическое исследование природы цифровых прав имеет смысл в контексте того, чтобы сформулировать цельное и системное представление об особенностях ведения деятельности человека в различных средах: исключительно фактической (реальной); фактической и виртуальной; исключительно виртуальной. Представляется возможным выделить в виртуальной среде свойства возникающих прав, именуемых цифровыми.

---

¹ Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 39.

² Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 162.

Реальная юридическая проблема вытекает из других наблюдений, которые связаны с тенденциями отечественного законодательства. Существует ли необходимость установления правового регулирования для технологических достижений в современных условиях, требующих сохранения свободы информационной деятельности? Свобода информации не только выступает важнейшей ценностью в информационном обществе, но стимулирует появление позитивных результатов при использовании информационных технологий.

С увеличением массива нормативно-правового регулирования происходит фиксация закономерностей, структурное обособление норм по признакам и появляется возможность их выделения в самостоятельное образование. В теоретическом смысле цифровые права на текущий момент времени представляется возможным рассматривать как институциональное образование в составе теории информационного права, которое может получать дополнительное развитие в областях иных отраслей публичного и частного права.

В зарубежной юридической литературе цифровые права зачастую рассматриваются упрощенно, но трактуются широко – в качестве новых прав человека в виртуальной среде¹. При этом цифровые права так и остаются обобщенной теоретической разработкой, которая получает позитивное воплощение в праве лишь в контексте конкретных юридических механизмов и гарантий личности.

Отечественная модель регулирования цифровых прав иная. На данный момент времени она связана с частноправовыми нормами. В легальном перечне объектов гражданских прав содержатся цифровые права, так как они получили нормативное закрепление в 2019 году². Под цифровыми правами в законодательстве понимаются обязательственные и иные права. Содержание и условия осуществления таких прав определяются в соответствии с правилами

---

¹ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 88; Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

² О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Российская газета. 2019. № 60. 20 марта.

информационной системы. Подобная информационная система, в которой возможно распоряжение новой категорией прав, должна отвечать установленным в законе признакам. Таким образом, цифровыми правами в частноправовом контексте могут являться только такие права, которые прямо предусмотрены специальным законодательством.

Частноправовая характеристика цифровых прав в российском законодательстве не исключает возможность использования категории в иных отраслях публичного права и направлениях исследований в рамках юридической науки. Однако стоит признать, что дублирование одной категории и использование правовых омонимов при условии их понимания в разных лексических и смысловых значениях не является оптимальным подходом ни для правотворчества, ни для исследовательской деятельности.

Частноправовое регулирование цифровых прав подчеркивает их имущественную принадлежность и коммерческое предназначение. Такие права удостоверяют принадлежность иных объектов гражданских правоотношений, которые имеют непосредственную связь с материальным миром. Цифровые права, имея правовую форму, в отличие от информации, находятся в частном обороте, предоставляя обладателям таких прав возможность полноценного участия в гражданско-правовых правоотношениях.

Оборот, в котором используются цифровые права, существует в рамках отдельных информационных систем. В связи с развитием нормативно-правового регулирования цифровой экономики был принят Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ, который закрепил первый в России легальный вид цифровых прав – утилитарные цифровые права¹. Только с принятием указанного законодательного акта стало понятно, какие юридические признаки должна иметь информационная система, в которой могут быть использованы цифровые права. Информационной системой для оборота цифровых прав

---

¹ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2019. № 172. 7 августа.

может быть признана не любая информационная система в соответствии с определением и признаками, закрепленными в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, а только та система, к которой применяются дополнительные требования, обозначенные непосредственно в специальном законодательстве.

Дискуссия по поводу существования видов цифровых прав, которые могли бы найти закрепление в законодательстве, продолжается. В частности, предлагаются способы их классификации, в том числе в зависимости от правовой природы цифровых объектов и особенностей правоотношений, возникающих в связи с применением информационных технологий¹.

Только формирующееся регулирование не позволяет подробно исследовать правовой статус цифровых прав в частноправовом аспекте (цифровые права сегодня можно изучить лишь через их конкретную разновидность – утилитарные цифровые права). Утилитарное цифровое право признается таковым в том случае, если оно изначально возникло на основании договора о его приобретении, заключенного на инвестиционной платформе, т.е. в электронной форме и в информационной системе. Содержательное выражение утилитарные цифровые права получают через право требования передачи вещи, исключительных прав или выполнения работ, оказания услуг. Таким образом, под утилитарным цифровым правом понимается право требования в процессе инвестирования с использованием платформ (сайтов либо программного обеспечения в сети Интернет). Исследователями отмечается, что подобное инвестирование (краудфандинг или краудинвестинг) не является инвестиционной деятельностью в классическом смысле². Факт принадлежности утилитарного цифрового права удостоверяет специальное цифровое свидетельство, не имеющее бумажной формы воплощения (если подходить формально, то речь идет о записи в электронном реестре).

---

¹ Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 44.

² Арямов А.А., Руева Е.О., Чигак А.А. Цифровые права – новые горизонты или юридический тупик // Правосудие. Т. 2. № 1. 2020. С. 141.

При этом исключительной частноправовой спецификой цифровых прав является то, что по смыслу ст. 141.1 ГК РФ, будучи имущественными правами, они связаны с имуществом, обладающим ценностью, которое находится или будет находиться в коммерческом обороте. Определение цифровых прав, закрепленное в ГК РФ, является специальным – актуальным для частноправовых отношений. По своей сути подобная трактовка цифрового права выступает способом фиксации субъективного права. Так, в официальном отзыве Правительства РФ от 8 июня 2018 г. отмечено, что данные права в подобной интерпретации выступают способом оформления имущественных прав различной природы, в том числе способами их фиксации и перехода¹.

Законодательное закрепление цифровых прав было призвано не только урегулировать новые общественные отношения, но и создать стимулы для ускорения коммерческого оборота в условиях становления цифровой экономики. Заметна последовательная тенденция усиления значимости оборота прав наряду с оборотом вещей², что в нынешних условиях более успешно сочетается с задачами по трансформации экономических процессов. Рассматривая цифровые права в таком контексте, можно констатировать, что в результате не формируется новый вид объектов гражданских прав, а лишь уточняется форма использования прав – виртуальная.

Вопрос о содержательном наполнении категории цифровых прав будет решаться постепенно³. Отмеченное выше не исключает возможности использования категории цифровых прав лишь в контексте и значении частноправового регулирования. Важнейшей особенностью цифровых прав по сути является их информационный компонент, который имеет две формы выражения. Во-первых, цифровые права не существуют вне информационной системы.

---

¹ Официальный отзыв Правительства на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений // URL: <http://government.ru/activities/selection/303/32876/>

² Жаботинский М.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: понятие и возникновение правового регулирования // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2019. № 1. С. 41.

³ Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 332.

Регулирование информационных систем напрямую связано с областью информационного права. Во-вторых, цифровые права имеют внутреннюю форму организации (содержание) в рамках информационной системы, которая по своей сути выступает информацией. Благодаря использованию данной информации появляется реальная возможность распоряжаться правом, которое включено в оборот в электронной среде.

Примечательно то, что, введя в частноправовой оборот понятие цифровых прав, законодатель использовал категориальный аппарат отрасли информационного права. Так, определение информационной системы содержится в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Информационная система понимается как совокупность содержащейся в базах данных информации, обработка которой обеспечивается с применением информационных технологий и технических средств. В информационной системе формулируются правила для субъектов, включая обладателей информации, а также определяются возможности осуществления поиска, сбора, хранения, обработки, представления, распространения информации и иные связанные с этим действия. Соответственно, типы информационных систем можно выделить в силу наличия у них признаков, которые к ним предъявляет действующее регулирование (например, как отмечалось ранее, информационные системы, являющиеся инвестиционными платформами). Законодательное определение информационной системы подразумевает ее довольно широкую и свободную интерпретацию, в том числе отождествление с ней множества других объектов.

Путем использования логических приемов можно вывести виды информационных систем, однако в условиях формирования цифровой экономики особое значение приобретают информационные системы открытого типа, доступ к которым обеспечивается посредством использования сети Интернет. Возможности использования и предоставления информации в рамках таких систем открываются для максимально широкого круга лиц. Поскольку свобода информации является драйвером развития цифровой экономики, то

именно такие системы представляют наибольший интерес для совершенствования системы правового регулирования в отношении цифровых прав.

Цифровые права представляется возможным обозначить не только в силу указания на то в законе, но и фактически, учитывая природу отношений. Полагаем, что цифровые права определяет виртуальная среда, в которой их можно реализовать, а также осуществлять иные действия с информацией. Будь то числовое значение или программный код, такое право подразумевает наличие определенных сведений. В одних случаях такая информация может обеспечивать доступ к конкретному благу, являясь неким аналогом ключа доступа или записью в реестре для определения принадлежности, в другом – иметь содержательное и смысловое значение для участников конкретных отношений.

Цифровое право в зависимости от цели его использования может приобретать как коммерческое значение (например, обеспечивать принадлежность, представлять виртуальное имущество – следовательно, регулироваться нормами частного права), так и отражать ценностный момент (например, право на аккаунт либо профиль в социальной сети – следовательно, регулироваться нормами информационного права или отраслями публичного права). При этом информационно-правовая природа любого цифрового права неотъемлема – она обязательно представлена возможностями использования такого права в рамках информационной системы.

Полагаем, что для цифрового права в публично-правовом контексте не должно существовать аналога или связующего объекта в реальности. Однако становление регулирования на нынешнем этапе происходит и по другому пути. Предложенный подход является интегративным, он сочетает практику и нормы, разграничивая сферы отраслевого влияния в условиях конкуренции норм законодательства.

Авторская публично-правовая модель цифровых прав позволяет их рассматривать в качестве особой разновидности прав, реализуемых в рамках информационной системы посредством доступа к информации, представленной и выраженной в определенной форме. Такая информация является цифровой,

но выражена в форме, необходимой для ее доступного восприятия субъектами данных отношений. При этом операторами такой информационной системы могут быть органы государственной власти и местного самоуправления. Для доступа к цифровой информации должны быть использованы соответствующие технические устройства, а также, как правило, обеспечены условия для эксплуатации информационно-телекоммуникационных сетей. В публично-правовой модели возможности распоряжения цифровым правом сужены, предполагается их реализация для получения конкретного результата.

Цифровые права в плоскости публичных правоотношений имеют тесную связь с лицом, который такое право получает, т.е. приобретает в информационной системе. Соответственно, их невозможно отчуждать. Однако в перспективе могут возникнуть ситуации, при которых такая возможность может потребоваться. Например, право быть забытым, предусматривающее возможность удаления информации из результатов выдачи поисковой системы в сети Интернет, в соответствии с действующим российским законодательством и с учетом зарубежного правового регулирования может реализовать только лицо, о котором размещена соответствующая информация, которая была проиндексирована поисковой системой. После запроса данного лица (заявителя) информация может быть исключена из процесса обработки информационной системой. Возможностью удаления недостоверной и неактуальной информации о лице после его смерти могли бы воспользоваться близкие родственники, если бы такая возможность была законодательно предусмотрена. Оператор информационной системы вправе отказать в упрощенном порядке рассмотрения запроса на удаление информации в связи с тем, что законодательство не содержит указание на иных субъектов данных правоотношений, кроме лица, в отношении которого такая информация размещена. В подобной ситуации единственной возможностью остается обращение в суд, что заметно усложнит и удлинит во времени процесс прекращения выдачи информации поисковой системой, а также возможности ссылаться на действующее законодательство.

Публично-правовая модель цифровых прав предполагает их отличие от электронной формы реализации прав. Ошибочным будет предположение о том, что цифровое право есть право, которое реализуется в информационной системе при наличии альтернативного способа его реализации, в том числе потенциального. Например, право на обращение в орган публичной власти через официальный сайт соответствующего органа не будет являться цифровым правом. Сложно отнести к цифровым правам и право на получение государственных услуг в электронной форме. Несмотря на то, что сегодня наблюдается очевидная тенденция увеличения количества государственных услуг, оказываемых в электронной форме, в том числе исключительно в ней, указанный процесс не обеспечивает возникновение новых прав. Оказание государственной услуги – это публичная деятельность, в результате которой у наделенных полномочиями субъектов возникают соответствующие права и обязанности, т.е. права не первичны по отношению к процессу в связи с их последующим возникновением у граждан или организаций. Право на обращение в орган – это право, имеющее конституционное закрепление и предусмотренный порядок реализации.

Институт цифровых прав динамично формируется в связи с развитием информационных технологий. При этом цифровые права следует понимать в качестве расширяющегося правового массива, стремящегося охватить различные сферы информационной деятельности – от использования коммерческих сервисов до эксплуатации государственных информационных систем в целях коммуникации. Другим примером цифрового права может быть право, которое позволяет гражданину принять участие в решении вопросов местного значения – при выборе прилегающих территорий для благоустройства в границах соответствующего муниципального образования. Для такого права нет реальной альтернативы реализации, кроме использования возможностей сети Интернет, поскольку учет мнения населения по данному вопросу производить в ином формате может быть нецелесообразно из-за высоких финансовых затрат и сложности организационных мероприятий. Реализация такого права может

быть предусмотрена актом органа местного самоуправления. При этом право принять участие в выборах посредством дистанционного электронного голосования не будет являться цифровым правом, так как оно корреспондирует избирательным правам, которые образуют иную сферу публично-правового регулирования.

Пристальное внимание ученых также получают цифровые правоотношения. Зачастую исследователи с ними связывают оборот цифровых финансовых активов¹. Безусловно, применение информационных технологий позволило также сформировать целый комплекс новых объектов, которые ранее не были известны практике. Такие объекты изначально получили в науке обобщенную формулировку, позволяющую их идентифицировать и квалифицировать как «цифровые активы». Новые объекты виртуальной среды могут быть как уникальными, существующими только в электронной среде, так и иметь некие аналоги, которые существуют в реальности. Подобными объектами в виртуальной среде принципиально проще распоряжаться, эффективно извлекая из их опосредованного оборота фактическую выгоду. Кроме того, цифровые активы возникают в результате апробации различных методов и способов работы с информацией, которые зачастую получают выражение в виде определенного цифрового кода².

К настоящему времени цифровые активы получили легальное закрепление в законодательстве в качестве финансовых активов. Так, под цифровыми финансовыми активами понимаются специальные цифровые права³. Такие права включают денежные требования, осуществление прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале юридического лица в форме непубличного акционерного общества, специально предусмотренные права требования передачи эмиссионных ценных бумаг. Цифровые права реализуются в

---

¹ Терехов М.Г. Цифровое право // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 3. С. 69.

² Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3. С. 106.

³ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. 6 августа.

информационной системе, при этом законодателем специально подчеркнуты возможности использования для этих целей информационных систем, построенных на технологии распределенного реестра. Цифровые финансовые активы как цифровые права получают комплексное регулирование, заключающееся в применении на практике норм информационного, финансового и гражданского законодательства. В соответствующем законодательном акте содержатся отсылки к Федеральным законам от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ¹, от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ² и от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ³. Очевидно, что цифровые права выступают межотраслевым правовым образованием, находящимся в сфере интереса отраслей частного и публичного права.

Цифровые права и цифровые правоотношения, на наш взгляд, разные понятия, которые при этом могут иметь как частноправовую характеристику, так и публично-правовое обособление. Публичные цифровые правоотношения – это отношения, которые возникают при коммуникации граждан, организаций и государства в рамках концепции цифрового государства. Рассматриваемая публично-правовая модель цифровых прав подразумевает, что такие права уже появляются как в практике информационной деятельности, так и имеют нормативное закрепление. Возможно, целесообразно было бы использование другой терминологии – публичных цифровых прав, однако новизна объекта и предмета правового регулирования, тематики исследования и только формирующаяся теоретическая разработка прав свидетельствует лишь об их контурном выделении, а не о полноценном формировании института в публичном праве. С развитием правового регулирования цифровой среды такие права будут проявляться отчетливее, приобретать общие черты и закономерности в регулировании, что позволит уверенно утверждать о наличии у них

---

¹ О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Российская газета. 1996. № 79. 25 апреля.

² О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Российская газета. 2011. № 139. 30 июня.

³ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Российская газета. 2001. № 151-152. 9 августа.

юридических признаков и особой характеристики, а также выработать обоснованные предложения по совершенствованию законодательства.

Категория цифровых прав и проблемы их имплементации в действующее законодательство неизбежно приводит к мысли о существующих сложностях в вопросах предоставления информации. Их можно связать не только со свободой распространения информации, но и с ее открытостью. В условиях цифровизации общественных процессов открытость информации способствует возникновению новых условий ее использования, обработки и распространения.

Проблема открытости информации затрагивает так или иначе все сферы деятельности человека. Как правило, предоставление сведений осуществляется в определенном объеме. Наиболее часто проблемы предоставления информации в первую очередь связаны с возможностями определения количества и качества запрашиваемых и требуемых сведений. Нормативная детализация особенностей определения объема и содержания предоставляемой информации призвана решить подобную проблему.

Процесс предоставления информации участниками правоотношений зачастую понимается по-разному, и он не всегда рассматривается в отраслевом контексте, который закреплен в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. В законе предоставление информации определяется как набор действий, которые направлены на получение или передачу информации. В таком случае предоставленной информацией будет считаться такая информация, которая имеет известного адресата – определенного лица или круга лиц. Фактическая разница между процессом получения и передачи информации также заметна. Она связана с характером осуществляемых действий и участвующими в процессе сторонами. Так, для получения информации необходимо совершить действия условному адресату, а для передачи – адресанту. При этом по смыслу нормы соответствующие действия предпринимает именно адресант. Факт предоставления информации будет установлен в зависимости от конкретных действий другой стороны, которая должна обеспечить как передачу

информации, так и действия, позволяющие получить эту информацию. Способ распространения информации, не предусматривающий наличие известного адресанта и допускающий потенциального, связан с совершением действий, которые, как правило, можно расценить как размещение информации.

Различное толкование, казалось бы, относительно простого юридического действия по предоставлению информации, закрепленного в законодательстве с помощью довольно сложной для понимания и применения «формулы», можно обнаружить в правоприменительной практике. Так, антимонопольный орган в одном из решений обратил внимание, что действия, направленные на получение информации адресатами, не являются тождественными действиям по фактической передаче информации адресантом¹. Соответственно, если передача информации – это доведение сведений до адресата, то факт получения информации определенным кругом лиц зависит от их непосредственных действий. Процесс передачи информации в таком случае может быть связан с ее публикацией (при наличии доказательств, свидетельствующих о ее получении заинтересованными лицами), направлением документов, имеющих уведомительный характер, и иными формами, позволяющими подтвердить факт получения информации.

В рассматриваемом деле юридическое лицо нарушило требования о предоставлении собственникам помещений в многоквартирных домах, а также ответственным за содержание многоквартирных домов лицам, предложений по оснащению приборами учета энергетических ресурсов. Поскольку в рассматриваемом деле законодательством предусмотрено обязательное предоставление информации, то организация, не выполнившая данное требование, была привлечена к административной ответственности.

В судебной практике можно обнаружить примеры, в которых посредством предоставления информации участники различных правоотношений стремятся получить доступ к той информации, которая имеет для них

---

¹ Постановление Архангельского УФАС России от 21 мая 2011 г. по делу № 25-11а // URL: <http://arhangelsk.fas.gov.ru>

значение. Например, в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А53-990/2013 конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании незаконными действий по непредоставлению сведений о семейном статусе (браке) должника. Ответчиком по делу выступило региональное Управление записи актов гражданского состояния. В мотивировочной части решения суд обратил внимание на тот факт, что ограничение доступа к конкретной информации, порядок ее передачи установлены федеральным законодательством. В данном случае условия предоставления информации ограниченного доступа, к которым относится информация о браке, законодательно определены. Указание истца на необходимость предоставления информации Управлением в целях осуществления конкурсным управляющим предусмотренных законодательством процедур при банкротстве (в части определения совместной собственности) является неверным. Нормы законодательных актов, содержащие указания о предоставлении неопределенной информации органам или лицам и адресованные неопределенному кругу лиц, не распространяются¹. Соответственно, не представляется возможным предоставлять информации ограниченного доступа без специального указания в законодательстве. При этом особенно важно обратить внимание на тот факт, что для предоставления информации логично исходить из того, что в специальном законодательстве круг лиц (адресат и адресаты) должен быть известен, т.е. быть очевидным для установленных адресантов. Такой подход полностью согласуется со смыслом нормы, закрепляющей понятие предоставления информации.

В другом деле судебная инстанция установила, что действия, направленные на отправку электронных сообщений, можно квалифицировать как передачу информации, а с учетом налогового законодательства дополнительно расценила такие действия как оказание услуг по обработке информации².

---

¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2013 г. № 15АП-6948/2013 по делу № А53-990/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 марта 2016 г. № Ф05-1440/2016 по делу № А40-94972/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, факт передачи информации может подразумевать оказание услуги, связанной с предоставлением доступа к информации. Такая информация считается переданной с учетом использования технологий, позволяющих обработать сведения и доставить их адресату (преобразование сообщений в цифровой формат в целях последующей передачи адресатам). В решении суд подчеркнул, что общество уплачивало вознаграждение не за событие или факт (прием или отправку сообщений), что выражается в количественном показателе, а за доступ к обработанной информации.

Передача информации может рассматриваться как длящееся действие, которое обеспечивает доступ к информации в течение предусмотренного договором времени. Иными словами, передача подразумевает не только действие и измерение процесса количественными величинами, но и его качественную составляющую, выражающуюся в возможности получения доступа к таким сведениям для их последующего использования. Подобный подход в данном судебном решении продиктован необходимостью решения вопроса о налогообложении деятельности общества, являющегося ответчиком по делу. При этом суд исходил при толковании норм и обстоятельств из того, что доступом является возможность получения и использования информации. В свою очередь, получение информации определенным кругом лиц связано с фактом ее предоставления другой стороной. Такой подход соответствует смыслу, отраженному в информационном законодательстве, но не дает четкого представления о разграничении рассматриваемых понятий. В результате формируется такое последовательное толкование категорий, при котором одно действие переходит в другое и рассматривается в ином значении.

В литературе отмечается, что предоставление информации связано с распространением информации и может рассматриваться в качестве одного права или правомочия¹. Смысловое содержание категорий «распространение информации» и «предоставление информации» раскрывается в ст. 10

---

¹ Хохлов Е. Комментарий к новому Закону об информации // Корпоративный юрист. 2007. № 1. С. 5.

Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. Предоставление информации осуществляется в порядке, который установлен соглашением сторон. Стороны (установленные лица) должны участвовать в обороте и состоять в обмене информацией друг с другом. Таким образом достигается определенность сторон, которая подразумевается в рассматриваемой норме.

Изменения в частноправовом законодательстве, добавившие в оборот цифровые права, также расширили правовое регулирование в части предоставления информации. Информация может быть предоставлена на возмездных условиях другому лицу через конструкцию обязательства – в виде услуги. Появилось соответствующее регулирование для специального договора (терминология гражданского законодательства) или соглашения (терминология информационного законодательства) об оказании услуг по предоставлению информации. Указанный договор, непоименованный в тексте ГК РФ до рассматриваемых обстоятельств, на протяжении длительного времени активно использовался в деловой практике. Законодательный пробел, связанный с отсутствием в частноправовом регулировании договора по предоставлению информации, был устранен (стоит отметить, что в этом смысле использовалась договорная конструкция информационных услуг, хотя она имела проявление в более широком значении, ведь под услугами с информационными продуктами можно представить различную деятельность).

Договор об оказании услуг по предоставлению информации – это договор, в силу которого исполнитель совершает действия, направленные на предоставление определенной информации заказчику. В качестве действий по предоставлению информации можно рассматривать такие действия, которые направлены на фактическую передачу информации. Особенно важно отметить, что норма предусматривает передачу определенной сторонами информации, т.е. подразумевается передача такой информации, которая будет необходима заказчику для реализации конкретных целей. Понимание характера передаваемой информации – важное условие для выявления состоятельности применяемой конструкции. Информация сама по себе (ввиду неизвестности ее

содержания) не всегда способна удовлетворить конечные потребности и интересы заказчика, хотя и должна соответствовать преследуемым целям.

Особенностью данной договорной конструкции является то, что в качестве условия может быть предусмотрен запрет на раскрытие содержания переданной информации. При этом факт сделки может не является тайной постольку, поскольку это не определяют стороны в соглашении. Время, на протяжении которого информация не может быть раскрыта, определяется сторонами. Не совсем ясно, для каких целей законодатель дополнил норму диспозитивным условием о возможности сохранения конфиденциальности информации. Определенный статус информации, как и в любых других частных отношениях, стороны определяют самостоятельно, если законом не предусмотрено иное. Российским законодательством в сфере обязательственных отношений не предусмотрены случаи, при которых информация, касающаяся коммерческого оборота и затрагивающая интересы обеих сторон, должна быть раскрыта. Конфиденциальность информации в частных отношениях – важнейшая гарантия для сторон, которая подразумевает требование не передавать информацию (заказчиком) кому-либо, включая третьих лиц, без согласия лица, от которого она получена (исполнителя). Кроме того, при наличии соответствующего условия в соглашении информация не сможет предоставляться в последующем и тем лицом, которое ее передало. Конфиденциальна информация как раз в силу того, что она известна только сторонам сделки – является для них определенной после ее передачи и получения.

Законотворческая экономия, в результате которой сделки по передаче информации регулируются и реализуются в частном обороте через конструкцию договора возмездного оказания услуг, обусловлена тем, что информация хоть и является предметом гражданских отношений (в контексте информационного законодательства), однако формально не является объектом гражданских прав (в контексте частного законодательства). Формальное или нормативное выведение информации из оборота не означает то, что она реально из

него исключена, напротив, она находится в обороте для коммерческих целей посредством использования правовых конструкций.

Подобный законодательный подход привел к возникновению насущной проблемы или правовой коллизии – необходимости разграничения договоров об оказании информационных услуг и услуг по предоставлению информации. В обоих случаях информация передается, она определена, а заключение сделки подразумевает ее получение адресантом (заказчиком). В обоих договорах явно преследуется коммерческая цель, подразумевающая указание в договорах таких существенных условий, как предмет (содержание и объем информации), сроки и цена. Судебную практику по договорам информационных услуг можно назвать обширной и сформированной, тогда как практика по договору коммерческого предоставления информации только начинает появляться¹. В целом, проблема остается открытой, а учеными высказываются различные предположения о том, что услуги по предоставлению информации можно рассматривать, например, в качестве разновидности интернет-услуг².

Договор об оказании услуг по предоставлению информации представляется возможным адаптировать для его использования участниками отношений в рамках информационных систем. Такое направление развития практики будет более результативным, поскольку стороны, заключающие сделки в электронной форме, передают информацию для ее дальнейшего использования. При этом не исключена возможность использования технических средств, направленных на сбор и обработку информации, а также привлечение посредников.

Разработчиками регулирования и исследователями отмечалось, что новая договорная конструкция призвана добавить правовой определенности в

---

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 14 января 2020 г. № 33-92/2020 // СПС «Гарант»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2020 г. № 15АП-16392/2020 по делу № А53-38335/2019 // СПС «Гарант».

² Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового регулирования договора об оказании услуг по предоставлению информации в Российской Федерации // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3. С. 21.

вопросах формирования и обработки больших данных¹. Тем не менее, высказывается позиция о том, что норма не способна решить проблему легализации оборота больших данных². С этим трудно спорить, однако в нынешних условиях данная конструкция вполне может использоваться для передачи массива больших данных, которые могут быть структурированными, полуструктурированными либо мультиструктурированными (в зависимости от порядка организации). Хотя многообразие возможностей и особенностей передачи информации в коммерческих целях вряд ли можно емко уместить в формате услуг³, отечественный законодатель избрал именно такой путь частноправового регулирования информации.

В иных случаях информация, как правило, не предоставляется, а распространяется. По общему правилу информация распространяется свободно. Действующим законодательством предусмотрены ограничения для распространения определенных видов информации. Информация свободно предоставляться не может - для ее предоставления требуется понимать, какое содержание у нее должно быть.

Поскольку предоставление и распространение информации имеет важное значение в рамках рассматриваемой проблематики, представляется необходимым провести условную разграничительную черту между данными категориями. Один из наиболее очевидных теоретических критериев для разграничения понятий основан на определении круга лиц, которые участвуют в правоотношениях. В случае предоставления информации круг лиц, как указывает закон, всегда установлен. При распространении информации предполагается

---

¹ Рузакова О.А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 2; Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3. С. 7.

² Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 1. С. 60; Савельев А.И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. 2019. № 4. С. 174.

³ Мефодьева К.А., Щербак С.С. Признание имущественного права на данные в коммерческом обороте: отечественный и зарубежный опыт // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 4. С. 44.

ее получение неопределенным кругом лиц¹. Данный круг лиц не известен и не установлен адресантом.

Однако не всегда прослеживается последовательность в логике развития и изложения законодательства. Так, ч. 8 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 года №149-ФЗ содержит норму, согласно которой фактом предоставления информации государственным органом или органом местного самоуправления является размещение информации о его деятельности в сети Интернет. Фактически указанная деятельность публичных органов является примером именно распространения информации. При этом более свободное использование категорий и отсутствие какого-либо смыслового разграничения понятий можно обнаружить в Федеральном законе от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»². В данном акте законодатель активно использует слово «предоставление», тогда как слово «распространение» применяется лишь для определения особенностей действия акта и регулируемых отношений, а также для декларирования принципа свободы распространения информации. Правоприменительная практика также ориентируется на нормы и использует их терминологию, делая смысловое различие между предоставлением и распространением информации³.

Разнообразное понимание предоставления и распространения информации, невозможность проведения между ними нормативной черты в отдельных случаях приводит к использованию расширительного толкования в судебной практике. Тем самым подтверждается тезис о некой неопределённости круга лиц, получающих информацию путем ее распространения. Так, в качестве распространения среди неопределенного круга лиц информации рассматривается деятельность, связанная с предоставлением технической возможности доступа

---

¹ Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут. 2015. 320 с.

² Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Российская газета. 2009. № 25. 13 февраля.

³ Определение Верховного Суда РФ от 4 июля 2012 г. № 88-АПГ12-2 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 73-АПГ14-3 // СПС «КонсультантПлюс».

к запрещенной законом информации, что выработано устоявшейся судебной практикой¹.

Вместе с тем в судебной практике можно встретить отход от конструкции, определенной в информационном законодательстве. Под распространением порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц сведений понимаются действия, которые в той или иной форме адресуют сведения и сообщения хотя бы одному лицу². Соответственно, такая строгая формулировка по смыслу связана не с распространением сведений, а скорее с их предоставлением³.

В условиях цифровизации общественных отношений особую значимость приобретает эксплуатация государственных информационных систем, в том числе тех, доступ к которым обеспечивается посредством использования сети Интернет. Доступ к таким системам может получить как установленный круг лиц, так и лица, установление которых не имеет значения, поскольку обеспечивается доступ к общедоступной информации, находящейся в информационных системах. В подобных обстоятельствах важно установить то, каким образом информация предоставляется и распространяется.

Информация, размещение которой осуществляется в информационной системе в обязательном порядке, определяется федеральными законами или подзаконными актами. Общедоступность информации, содержащейся в информационных системах, устанавливает в том числе Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ. Такая информация размещается в сети Интернет в форме открытых данных, доступных для неопределенного и неограниченного

---

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2011 г. № 58-Впр11-2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 12; Определение Московского городского суда от 22 декабря 2011 г. по делу № 33-40271 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 марта 2014 г. № 33-3515/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июля 2015 г. по делу № 33-25154/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 октября 2016 г. № 19АП-6082/2016 по делу № А14-9773/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 3 мая 2017 г. № 07АП-2472/2017 по делу № А67-9653/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

³ Горохов О.А. Дискредитация хозяйствующего субъекта как акт недобросовестной конкуренции // Конкурентное право. 2018. № 2. С. 10 - 13.

круга лица. Орган (Правительство РФ или иной государственный орган¹), устанавливающий условия ее предоставления, в том числе оператором, определяет такой важный аспект как возможность или невозможность автоматизированной обработки общедоступной информации с помощью программного обеспечения, т.е. информационных технологий. Указанное относится к любой информации, находящейся в информационной системе, а не только к сведениям и данным, включая общедоступные, которые могут быть самостоятельно и непосредственно получены пользователями такой системы².

Внесение изменений в ч. 4 и дополнение ч. 4.1 ст. 14 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ привело к неоднозначному толкованию понятия «предоставление информации»³. В изначальной редакции рассматриваемой нормы регулировался процесс предоставления информации посредством ее размещения в государственной информационной системе. Толкование данной нормы в действующей редакции приводит к неоднозначному пониманию и уяснения ее смысла. Тенденции развития регулирования связаны с тем, что для государственных информационных систем в каждом отдельном случае нормативно устанавливаются как особенности размещения и распространения информации, так и определяется порядок предоставления и получения информации из них. Унификация подходов в вопросах функционирования государственных и муниципальных информационных систем на законодательном уровне отсутствует.

Таким образом, условия предоставления информации из информационных систем могут быть самыми разнообразными. На практике подзаконного регулирования происходит еще более заметное размытие подходов,

---

¹ Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных: Постановление Правительства РФ от 10 июля 2013 г. № 583 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30. Ч II. 29 июля. Ст. 4107.

² Амелин Р.В. Правовой режим государственных информационных систем: монография / под ред. С.Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа. 2016. 338 с.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»: Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 112-ФЗ // Российская газета. 2013. № 124. 11 июня.

содержащихся в законодательстве. К совокупности действий, направленных на предоставление информации из информационных систем (которые к тому же нормативно не классифицированы), невозможность выработать единый подход. Исследователи акцентируют внимание на невозможности установления обобщённого регулирования процесса предоставления информации из различных систем, поскольку это противоречит общим принципам законодательства о доступе к информации¹.

Представляется возможным закрепить в законодательстве гарантии и механизмы, которые позволят более эффективно получать сведения и данные. Кроме того, требуется выработка позиций, которые создадут условия недопустимости препятствий при использовании информационных технологий, направленных на анализ и обработку общедоступной информации.

Учитывая официальный статус информации, содержащейся в государственных информационных системах, уполномоченные на управление соответствующей системой органы, организации, учреждения или юридические лица (операторы), предпринимают действия, направленные на поддержание достоверности и актуальности информации. Сегодня перед операторами возникла реальная проблема, которая связана с выработкой оптимальных мер по обеспечению защиты информации. К информации может быть получен неправомерный доступ, который приведет к ее полному или частичному уничтожению, копированию, распространению и т.п. Однако защиты требует и та информация, которая размещена в форме открытых данных. При этом возможно возникновение фактических противоречий между механизмами защиты информации и свободой ее использования при применении информационных технологий.

К примеру, в 2020 году возник прецедент, который потребовал принятия мер по защите общедоступной информации в государственной информационной системе. На официальном сайте ЦИК России данные электоральной

---

¹ Амелин Р.В. Правовой режим государственных информационных систем: монография / под ред. С.Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа, 2016. 338 с.

статистики (информация в открытом доступе, размещаемая в отдельном публичном разделе портала ГАС «Выборы») были доступны только при прохождении автоматизированного теста Тьюринга для различения пользователей – людей и программного обеспечения (так называемая «САРТСНА»)¹. Доступ к данным не был остановлен или прекращен, однако возникли препятствия, которые усложнили не только работу с информацией в ручном режиме, но и сузили возможности применения информационных технологий. Свободный и непрерывный доступ пользователей (физических лиц) к информации на официальном сайте ЦИК России гарантирован и нормативно закреплён². Для обеспечения информационной безопасности системы могут быть использованы механизмы, позволяющие регулировать процесс автоматизированной работы с данными.

Необходима защита общедоступной информации, содержащейся в государственных информационных системах и доступной в сети Интернет, например, от копирования, а также распространения и предоставления в изменённом и искажённом виде. Государственная информационная система по своей сути является источником официальной информации, которая предназначена для использования лицами, имеющими к ней доступ. Соответственно, приобретает важное значение установление законодательных границ, определяющих возможности уполномоченных органов по управлению системами и установлению режимов использования информации в форме открытых данных, а также условия применения информационных технологий. Невозможность установления ограничений в отношении автоматизированной обработки общедоступной информации в части ее предоставления и распространения может выступить важной гарантией развития идеи о свободе информации в сети Интернет.

---

¹ Элла Памфилова подвела итоги встречи с политологами: возобновление работы Экспертного совета и модернизация сайта ЦИК России // URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/47794>

² Об утверждении Требований к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальным сайтом Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и официальными сайтами избирательных комиссий субъектов Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 25 декабря 2019 г. № 236/1760-7 // Вестник ЦИК России. 2020. № 1.

Проблемы предоставления информации носят практический характер. Они связаны с самыми разнообразными сферами деятельности, в которых предусмотрено не только самостоятельное получение одной из сторон сведений и данных, но подразумевается получение информации в объективированных и установленных законом формах, например, в виде документов.

Новеллы законодательства, связанные с цифровыми правами и новыми условиями предоставления информации, являются первым результатом нормативного регулирования цифровой экономики в России на уровне федерального законодательства. Не исключено, что нормы потребуют дальнейших изменений в связи с динамикой развития отношений в регулируемой сфере. Несмотря на частноправовой характер регулирования, смысловое наполнение данных норм и их правильное толкование невозможно обеспечить без понимания особенностей информационного законодательства и публичного права. В очередной раз можно подчеркнуть то особое значение, которое приобретает информационное право как комплексная отрасль в нынешних условиях цифровизации.

§3. Концепция публично-правового регулирования информации в условиях цифровизации

Разработка концепций развития отдельных отраслей, подотраслей и институтов российского права является вполне традиционным для отечественного научного сообщества и нормотворческой практики юридическим подходом, нацеленным на прогнозирование направлений развития общественных отношений, требующих комплексного взгляда в силу их значимости. Концепция позволяет определить цели, задачи и содержание регулирования для конкретных сфер, имеющих недостаточное, рамочное либо устаревающее, теряющее соответствие реальному положению дел регулирование. Преимущество концептуального подхода при разработке регулирования заключается в систематизации идей и гармонизаций теории, более глубоком и проработанном

уровне обобщения предложений в целях поступательного развития тех общественных отношений, которые требуют регулирования в настоящее время либо в определенной временной перспективе. Концепции развития законодательства находят отражение не только в сфере частноправового регулирования¹, они также используются в системе публичного права².

Рассматривая научную концепцию как фундаментальную теоретическую схему³, отражающую исходные принципы и основные категории исследуемых отношений, можно обозначить ее полноценное формирование как до практического воплощения и реализации в деятельности правотворческих органов, так и до полной разработки научной теории. Следовательно, самодостаточная концепция, выстроенная вокруг единого предмета исследования, имеет как теоретическую ценность, так и практическую значимость.

Публично-правовое регулирование информации, информационных технологий, информационных систем, а также информационной деятельности формирует основной массив норм в области информационного законодательства. Изменения действующего законодательства, направленные на развитие цифровой среды, не всегда позволяют однозначно определить базовую идею правотворческого процесса. Отмеченное обстоятельство оказывает негативное влияние на последовательность развития законодательства в рассматриваемой области, приводя к отставанию регулирования и сохранению правовых пробелов. Полагаем, причиной данной проблемы является отсутствие цельной и самодостаточной концепции, которая позволила бы более эффективно сосредоточить усилия научного сообщества и практиков в области разработки

---

¹ О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 // Российская газета. 2008. № 155. 23 июля; О Концепции развития страхования в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2002 г. № 1361-р // Российская газета. 2002. № 186. 2 октября; Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. 1 сентября. Ст. 4811.

² О Концепции правовой информатизации России: Указ Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966 // Российские вести. 1993. № 132. 13 июля; Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 49. 7 декабря. Ст. 7055; Концепция создания цифровой аналитической платформы: Распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2019 г. № 3074-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52. Ч. II. 30 декабря. Ст. 8054.

³ Мокий М.С., Никифоров А. Л., Мокий В. С. Методология научных исследований / Под ред. Мокия М.С. М: Юрайт. 2022. С. 42.

механизмов регулирования цифровой информации с учетом складывающихся реалий и формирующихся трендов в современном информационном обществе.

Как отмечается в научных исследованиях, конструктивной основой концепции служат дефиниции¹. Определения выводятся благодаря использованию приемов формальной логики, а правила юридической техники формируют базу для единообразного понимания новых категорий и непосредственного толкования норм. Соответственно, разработка концепции предполагает формулирование дефиниций в ключевых предметных областях.

Если понятие информации как предметной области науки информационного права не только широко доктринально разработано, но и законодательно сформулировано, то дефиниции для возникающих явлений и фактов, имеющих характер связующего звена и отражающих тенденции развития правоотношений, требуют дополнительной теоретической проработки и интерпретации в рамках научных исследований. К такой категории сложно отнести феномен цифровизации и ее производные. Подобные категории, как правило, абстрактны и потому не требуют нормативного закрепления по вполне объяснимым причинам. Во-первых, цифровизация фиксирует в сознании и воплощает в себе лишь собирательный образ всех происходящих в данный период времени общественных процессов, обусловленных уровнем развития цифровых каналов связи и проникновением в бытовую сферу и юридическую практику информационных технологий. Во-вторых, можно предположить, что цифровизацию с течением времени сменит другой феномен, в котором преобладающую приобретет иной объект (к примеру, робот) или предметная область (к примеру, квантовые технологии).

Основные препятствия на пути выведения и толкования дефиниций, связанных с информацией и информационными технологиями в условиях цифровизации, заключаются в отсутствии единообразной нормативной

---

¹ Дрещинский В.А. Методология научных исследований. М: Юрайт. 2020. С. 91.

конкретизации. Как правило, законодатель стремится апеллировать к уже существующим конструкциям, экономя правовой инструментарий. При этом национальное регулирование в России демонстрирует частичное отсутствие понятийного аппарата как на уровне законодательных актов, так и в сфере подзаконного регулирования. Отсутствие понятий и определений для новых категорий приводит к сложностям практического плана в процессе осуществления юридической деятельности¹.

Аналогичная проблема существует на международном уровне. Если доктринальное многообразие подходов и терминологических разработок в последние годы в рассматриваемой области только увеличивается ввиду возрастающего научного интереса исследователей и осознания значимости информационного пространства для развития государства и обеспечения прав человека, то на международном уровне регулирования продолжает сохраняться определенный вакуум. Национальное регулирование разрозненно, оно зачастую не всегда ориентировано на имеющийся иностранный опыт или просто не учитывает зарубежную практику. Информационная сфера глобальна², а минимальная унификация подходов в вопросах нормативного определения базовых категорий приобретает особую значимость для поступательного развития всего человечества.

На примере иностранного законодательства, регулирующего обеспечение конфиденциальности личных сведений (персональных данных) и их защиту, можно отчетливо заметить различия национального регулирования, понимания категорий и применяемых подходов. При этом новые методы и способы работы с данными получают повсеместное распространение, что позволяет формировать основу для многих процессов в глобальном информационном обществе. Практика и результаты развития цифровизации теснейшим

---

¹ Палехова Е.А. Понятие информации и цифровой экономики: правовые аспекты // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 2. С. 46 - 49.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Российская газета. 2018. № 46. 2 марта.

образом связаны с теми границами информационной деятельности, которые очерчены нормами права.

Например, в Швейцарии под персональными данными понимается информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому человеку, ее составляют религиозные, идеологические, политические, профессиональные взгляды, род деятельности, состояние здоровья, личная жизнь и расовая принадлежность, получаемые меры социальной поддержки, факты привлечения к административной и уголовной ответственности¹. Объем защищаемых законом конфиденциальных личных данных в Малайзии может быть расширен благодаря подзаконному регулированию, однако их ядро формирует информация о физическом и психическом здоровье и состоянии человека, политические взгляды и религиозные убеждения, факты привлечения лица к ответственности². Японское национальное регулирование не детализирует содержание личной информации, отмечая то, что эти сведения должны относиться к живому человеку, который может быть идентифицирован благодаря им (имя, дата рождения и иная информация о лице, позволяющая его установить)³. В Новой Зеландии определение персональных данных нормативно не закреплено, однако в зависимости от способов их использования и обработки представляется возможным выделить их объем и содержание⁴.

Различное регулирование в национальных юрисдикциях приводит к появлению отличающихся результатов на практике. Пример с конфиденциальной информацией помогает установить, какой объем сведений остается защищенным, и в какой степени данные могут обрабатываться с использованием информационных технологий в конкретной национальной юрисдикции. Формирование единых и всеобщих правил в информационном пространстве не

---

¹ Federal Act on Data Protection. The Swiss Confederation // https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en

² Personal Data Protection Act 2010. Malaysia // <https://www.kkmm.gov.my/pdf/Personal%20Data%20Protection%20Act%202010.pdf>

³ Act on the Protection of Personal Information Act No. 57 of 2003. Japan // <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/APPI.pdf>

⁴ Privacy Act 1993. New Zealand // <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0028/latest/DLM296639.html>

всегда возможно, что обусловлено не только правовыми причинами, но и политическими, экономическими, социальными, культурными и иными факторами.

Плюрализм мнений в науке не только стимулирует эффективное развитие разнообразных теорий и поддерживает конкуренцию идей, но и позволяет ученым предлагать концепции развития целых отраслей законодательства. В частности, коллектив ведущих исследователей в области информационного права разработал и представил Концепцию Информационного Кодекса Российской Федерации¹. В представленном труде обоснован подход к разработке кодифицированного акта, а также проведен анализ причин снижения эффективности действующего информационного законодательства. Вместе с тем нельзя не отметить не только значимость документа для научного сообщества, глубину проработки актуальных проблем информационного законодательства и масштабность проведенной работы по формулированию предложений для законодательного регулирования, но и четкое формирование и выведение центральной идеи концепции проекта – установление регулирования для отношений в информационном обществе.

Идея развития и установления информационного общества в России – это ключевой аспект для подавляющего большинства работ теоретического и практического плана в области информационного права на протяжении последних тридцати лет. В этот период оформляется не только отечественное информационно-правовое регулирование, но и консолидируется международное сообщество вокруг идеи защиты и реализации прав личности в условиях становления и развития информационного общества. Стоит отметить, что на концептуальном уровне созданию, функционированию и сохранению условий для развития информационного общества уделяется большое внимание в подзаконном регулировании Российской Федерации вплоть до настоящего

---

¹ Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И.Л. Бачило. М: ИГП РАН, изд-во «Канон + РООИ «Реабилитация». 2014. 192 с.

времени¹. Сегодня в рамках исследований информационного общества существенное внимание уделяется цифровому государству, цифровому управлению и цифровой экономике.

Вектор развития общественных отношений постепенно смещается в ту сторону, которая требует решения прикладных вопросов, навязанных проблемами практического характера. С подобными проблемами человек сталкивается постоянно, в том числе наиболее часто посредством использования сети Интернет. Ведь информация и информационные технологии являются неотъемлемой частью повседневной жизни, а их применение и использование зачастую не зависит от воли человека и от степени его интеграции в общественную жизнь.

Подготовка Концепции Информационного кодекса Российской Федерации является более серьезной научной задачей теоретического и практического плана по сравнению с формулированием публично-правовой концепции регулирования информации в условиях цифровизации. Кодифицированный акт является наиболее сложной разработкой и более высокой формой организации юридической деятельности, тогда как концептуальная модель регулирования предметной области – цифровой информации – в данном случае раскрывает лишь отдельные стороны современного этапа развития общества, который, без сомнений, является частью установившегося информационного общества и, возможно, отражает его переход к другому, более совершенному и организованному этапу, который только предстоит распознать, нормативно очертить в будущем и дать ему название.

Трудно не согласиться с утверждением, что формирующееся информационно-цифровое пространство становится новой сферой правового влияния². Соответственно, возникают такие правовые коллизии и дефекты, которые

---

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. 15 мая. Ст. 2901; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18. Ч. II. 5 мая. Ст. 2159.

² Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25.

затрагивают базовые ценности и принципы, права и свободы, а также приводят к пересмотру системы соотношения публичных и частных начал в регулировании. Отмеченное не может не учитываться в вопросах формирования концептуального подхода, который основан не только на анализе системы правового регулирования за определенные периоды¹, но и фиксирует в теоретическом смысле наиболее точные закономерности развития отдельной отрасли права². В целях разработки публично-правовых механизмов регулирования информации в цифровой форме особенно важно выделить те тенденции в условиях цифровизации, которые связаны между собой и наиболее заметно проявляются в процессе развития информационно-правового регулирования.

Во-первых, правоотношения, в которых приоритетное значение имеет информация, приобретают характер смежных, находящихся на стыке регулирования нескольких правовых отраслей. Процесс определения и установления правового регулирования по отношению к информации представляется по своей сути и содержанию весьма сложным³.

На нынешнем этапе развития правовой системы сформировалось такое представление и регулирование информации, которое не предполагает ее использование в качестве способного иметь различное выражение нематериального блага, необходимого для развития личности и удовлетворения ее потребностей. Существующие правовые конструкции предполагают неисчерпаемый набор информационных прав, а также предусматривают механизмы и гарантии защиты от информации, являющейся недостоверной либо имеющей негативное содержание в зависимости от обстоятельств. При этом проблема комплексного обобщения, систематизации и выделения подобных прав представляется неразрешимой, поскольку развитие технологий и техники предполагает

---

¹ Бачило И.Л. О направлениях развития информационного права // Административное и информационное право (состояние и перспективы развития): сб. ст. / под ред. Н.Ю. Хаманевой, И.Л. Бачило. М. 2003. С. 211 - 222; Бачило И.Л., Антопольский А.А., Белов Г.В. и др. Концепция развития информационного законодательства в Российской Федерации // Государство и право. 2005. № 7. С. 47 - 61.

² Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80 - 92.

³ Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А. К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. В. 38. С. 430 - 445.

возникновение новых форм использования информации, как следствие, установления соответствующего объема прав и возникновение их модификаций. В то же время движение к информационному обществу привело к изменению роли информации в экономике, управлении, развитии демократических институтов¹. Указанные и многие другие сферы общественной жизни, в которых трансформируется подход к восприятию информации и определению ее ценности, регулируются различными отраслями российского права. Подобную динамику наиболее наглядно можно наблюдать в условиях цифровизации гражданского оборота, государственной гражданской службы, трудовой деятельности, финансового сектора, производственной индустрии и т.д.

Во-вторых, изменяется область публично-правового регулирования. Она наполняется обновленным содержанием, приобретает первостепенное значение и комплексный характер информация, информационные технологии, информационные системы и т.п. Правовые отрасли интенсивнее обращаются к понятийно-категориальному аппарату информационного законодательства.

Традиционный подход определения предметной области отрасли информационного права сводится к указанию на общественные отношения, которые затрагивают самые различные аспекты информации, информационных технологий, информационных ресурсов, мер по обеспечению информационной безопасности, средств коммуникации и т.п. в зависимости от авторской интерпретации. Полагаем, что в этой связи важно указать и на информационную деятельность, которая включает использование электронной среды. Оригинальность предмета и своеобразие средств правового регулирования позволяют обосновать самостоятельность информационного права как отрасли права², имеющей преимущественно публично-правовой характер.

Относительно новой сферой теоретического и прикладного интереса для информационного права становятся вопросы регулирования цифровой

---

¹ Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М: ИЗиСП, ИНФРА-М. 2013. 227 с.

² Стрельцов А.А. О предмете и методе информационного права // Информационное право. 2019. № 4. С. 4 - 11.

экономики. Поместить столь обширную категорию в рамки одной отрасли права не представляется возможным. Для формирования новой самостоятельной отрасли, в том числе в виде отрасли цифрового права – оснований нет. Однако в этих новых отношениях можно найти устойчивую «реперную точку» для дальнейшего развития информационного законодательства. Основой для цифровой экономики выступает оцифрованная информация в различном виде и представлении¹. Соответственно, в зависимости от того, каким образом информация используется в цифровой экономике, целесообразно и выстраивать систему ее регулирования. Коммерческие особенности использования информации и оборота прав на нее, безусловно, находятся в области влияния частноправового регулирования. Информация в государственном управлении и в контексте прав человека попадает в сферу публичного регулирования. Таким образом, можно определить сферы информационно-правового регулирования цифровой информации в рамках публичного права.

Очевидно, что обеспечение информационной безопасности, защита прав и законных интересов личности и государства от новых угроз в условиях цифровизации попадают в предметную область информационного законодательства и публично-правового регулирования. Особая значимость информационной безопасности на этапе развития и становления цифровой экономики дополнительно подчеркивается в действующем подзаконном регулировании². Так, появляются новые сферы регулирования. К примеру, установление, изменение и прекращение требований идентификации и осуществления иных проверочных процедур для пользователей информационных систем, осуществляющих информационную деятельность, в том числе в сети Интернет, отвечает данному аспекту. Идентификация личности и аутентификация цифрового профиля являются действиями, которые предусматривают не только осуществление технических работ, но и наличие соответствующего регулирования. Оно

---

¹ Угринович Е.В. Система научной и технической информации в инфраструктуре цифровой экономики // Информационное право. 2018. № 3. С. 14 - 17.

² Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2019 г. № 1797-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 33. 19 августа. Ст. 4850.

может содержаться в текстах нормативно-правовых актов, осуществляться в рамках локального и технического регулирования.

Встречается в науке более широкий взгляд на проблему предметного наполнения области информационного законодательства в связи с развитием цифровой экономики и государственного управления. Так, информационное право становится интегрирующим или связующим фактором воздействия системы права на информационные отношения¹, что можно обосновать использованием цифровой формы информации в различных сферах деятельности. В связи с расширением состава субъектов информационных правоотношений и объектов информационной деятельности существует реальная потребность в установлении универсального правового инструментария, которое комплексно способно выработать публичное право.

В практическом смысле имеет значение то, в какой степени и каким образом цифровая информация может регулироваться отраслью информационного права. Следует определиться, целесообразно ли признавать цифровую информацию в качестве отдельного и самостоятельного объекта правового регулирования данной отрасли. При этом дробление и выделение отдельного направления в рамках существующей структуры отрасли неминуемо приведет к расширению предмета ее регулирования. В некотором смысле это может способствовать более эффективному развитию правотворческой деятельности и сформирует условия для максимально комфортного заимствования правового инструментария другими отраслями.

Классическую систему отрасли информационного права как научное направление, учебную дисциплину либо нормативный массив структурно можно рассматривать по-разному, в зависимости от выбранной научной концепции. Исследовательские позиции по вопросу определения структуры отрасли информационного права сегодня настолько широко представлены и разработаны, что подобным плюрализмом взглядов и мнений вряд ли может

---

¹ Кузнецов П.У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 154 - 161.

выделиться и обратить на себя внимание какое-либо иное отраслевое направление в системе отечественного публичного права.

Правовые институты в информационном праве представлены в следующем виде: право на информацию, правовые режимы информационных ресурсов, документирования и представления информации (документооборот и сетевое обращение информации), права собственности и исключительных прав субъектов в информационной сфере, свободный и ограниченный доступ к информационным ресурсам, режим информационных технологий, коммуникационных сетей, информационных систем и т.п.¹. Иная авторская модель предполагает выделение специальной части – цифрового права, пока еще формирующейся части информационного права, но наряду с общей и особенной такой же цельной, в которую учеными включается право киберпространства, интернет-право и т.п.². В данном случае, содержательное наполнение специальной части или цифрового права в рамках отрасли информационного представляется довольно обширным, чтобы ее можно было охватить простым перечислением сфер. Однако можно отметить, что институт правового режима цифровой информации, как и институт правового регулирования цифровой экономики находит логичное и последовательное отражение, он может быть выведен практически и нормативно очерчен. В данный период массив «цифровых» норм законодательного уровня не сопоставим по объему с другими, перечисленными институтами, которые можно охарактеризовать как общепризнаваемые в науке информационного права. Эти нормы надежно вплетены в федеральные законы. Основной объем регулирования цифровизации сосредоточен на подзаконном уровне, в том числе в ведомственных нормативно-правовых актах.

Современный этап развития правотворчества в России можно охарактеризовать в целом как этап, направленный на развитие правового массива для

---

¹ Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 100.

² Федотов М.А. и др. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. С. 24.

функционирования цифровой экономики, что неоднократно отмечалось на официальном государственном уровне¹. В ее структуре заметное место занимают вопросы модернизации государственного управления.

Цифровизация многоаспектна. Ее наиболее заметными сторонами являются управленческая деятельность и экономический потенциал, поэтому в их взаимосвязи существует реальная заинтересованность бизнеса и государства². События мировой пандемии, связанной с распространением коронавирусной инфекции в 2020 году, продемонстрировали то, что экономический уклон цифровизации не является полностью самодостаточным, исчерпывающим или исключительным. Цифровая информация позволяет не только выстраивать по-новому экономические процессы, она может создавать условия для реализации духовных потребностей личности, которые имеют социальные, культурные и иные нематериальные проявления. Экономический тренд цифровизации выступает лишь одной стороной происходящих процессов, хотя и наиболее существенной, имеющей непосредственное значение для эффективного развития государственных институтов. В этом проявляется многоаспектность цифровой информации и ее важное значение для поступательного развития общества, подчеркивается не только ее роль, но и вариативность в формулировании целей и задач при осуществлении поиска, получения, передачи, производства и распространения способами, удовлетворяющими требованиям информационного и иного законодательства.

Существенное нормативное наполнение для сферы цифровой экономики в публично-правовом регулировании обеспечили федеральные законы, принятые в течение 2019–2022 годов.

К числу наиболее значимых и массивных по объему нормативного регулирования актов можно отнести Федеральный закон от 31 июля 2020 года №

---

¹ Бычков А.И. Правовое регулирование экономики совместного потребления. М.: Инфотропик Медиа. 2019. 136 с.; Боброва Н.А. Цифровизация: плюсы и минусы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 23 - 25.

² Niebel T. ICT and economic growth – Comparing developing, emerging and developed countries // World Development. 2018. V. 104. P. 197.

258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹. Указанный акт обеспечивает регулирование для так называемых «регулятивных песочниц». Ранее Банк России проводил практически аналогичный по целям и задачам эксперимент, который позволял устанавливать специальное (ограниченное) регулирование².

Субъект экспериментального правового режима, разрабатывающий или внедряющий цифровые инновации, получает возможность осуществить их практическое применение в рамках программы экспериментального правового режима и разработанного для этих целей специального регулирования. При этом под цифровыми инновациями понимаются новые или существенно улучшенные продукт или процесс, метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введённые в употребление, созданные или используемые по направлениям, определенным федеральным законом, с применением технологий. Соответственно, результатом цифровых инноваций может выступать не только товар, работа, услуга либо охраняемый результат интеллектуальной деятельности, но и иной информационный объект – определенный объем сведений, которые будут иметь значение для соответствующего вида деятельности. Федеральный закон содержит перечень целей для создания и установления экспериментальных правовых режимов. В первую очередь в их числе выделяется формирование новых видов, форм, способов осуществления экономической деятельности.

Особое внимание в рассматриваемом законодательном акте уделено информационному обеспечению экспериментального правового режима. Определяется объем информации, который находится в свободном доступе посредством ее размещения в сети Интернет и публикации в средствах массовой информации. Кроме того, при совершении юридически значимых действий

---

¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. 6 августа.

² Регулятивная «песочница». Центральный банк Российской Федерации // URL: http://old.cbr.ru/fintech/regulatory_platform; Основные направления развития финансовых технологий на период 2018 – 2020 годов. Центральный банк Российской Федерации // URL: http://old.cbr.ru/Content/Document/File/84030/ON_FinTex_2017.pdf

деятельность в рамках экспериментального правового режима должна иметь комплексное информационное сопровождение: уведомление участников отношений и иных лиц об использовании специального регулирования, указание информации на товарах и иных объектах и т.п. Особенности информационного сопровождения деятельности в рамках данного режима определяются его программой с учетом требований федерального закона. По результатам мониторинга и оценки эффективности экспериментального правового режима уполномоченный орган может принять решение или выступить с инициативой изменения общего нормативного правового регулирования путем придания специальному регулированию свойств общего регулирования.

Примером развития данного направления в части реализации экспериментальных правовых режимов является установление специального регулирования в г. Москве в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологии искусственного интеллекта (на территории отдельного субъекта Российской Федерации)¹. Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ можно в полной мере отнести к системе информационного законодательства, поскольку он разработан с учетом Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ, имеет прямые отсылки к его тексту и содержит положение о том, что используемые понятия применяются и понимаются в аналогичном значении. В федеральном законе содержится определение искусственного интеллекта. При этом комплекс технологических решений подразумевает использование информационно-коммуникационной инфраструктуры, включая средства обработки информации, а также программное обеспечение, процессы и сервисы. Исследователями подчеркивается перспективность технологий

---

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Российская газета. 2020. № 92. 28 апреля.

искусственного интеллекта, возможности изменения повседневной жизни человека неизвестными ранее способами и методами¹.

Другой пример, хотя и не в части экспериментального правового режима, связан с проведением эксперимента по использованию электронных документов при оформлении взаимоотношений между работодателями и работниками². Предполагается использование электронных документов вместо бумажных носителей и без их дублирования, с помощью которых традиционно оформляются соответствующие трудовые взаимоотношения и кадровые вопросы. В результате принятия Федерального закона от 24 апреля 2020 года № 122-ФЗ обеспечивается нормативное регулирование процессов заключения, изменения, расторжения и хранения договоров, в том числе расширяется поле для внедрения документооборота в электронном виде. Электронный документооборот в рамках эксперимента затрагивает иные кадровые вопросы. Основной целью проведения эксперимента является определение и создание условий для использования электронных документов, а также обмен информацией в форме электронных документов по кадровым вопросам. Соответственно, законодатель рассматривает электронные документы в качестве разновидности информации, доступ к которой обеспечивается посредством специальной информационной системы. В результате проведения эксперимента будут созданы и апробированы механизмы внедрения электронных документов в сфере трудовых отношений.

Можно привести другой пример смежного регулирования, с заметным объемом публично-правовых отношений в финансовой сфере. Так, получили в России правовое регулирование отношения, которые касаются вопросов использования цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ определяет правовое регулирование

---

¹ Шахназаров Б.А. Применение технологий искусственного интеллекта при создании вакцин и иных объектов интеллектуальной собственности (правовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т.15. №7. С. 76; Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди. 2017. 258 с.

² О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ // Российская газета. 2020. № 92. 28 апреля.

цифровых прав, которые зафиксированы в информационной системе¹. При этом законодатель делает особый акцент на информационных системах на основе распределенного реестра, но не исключая использование других технологических решений для создания информационных систем. Под цифровой валютой понимается совокупность сведений, которые используются для осуществления платежей в рамках соответствующей информационной системы. Законодательно очерчивается лишь контурный образ цифровых финансовых активов и цифровой валюты, что позволяет их более четко выделить для точной и правильной квалификации указанных отношений в информационных системах. Регулирование значительной части отношений в рассматриваемой сфере опирается на правила информационной системы, на что сделаны множественные указания в тексте федерального закона. Аналогичный тренд, позволяющий усмотреть превалирующую в подобных отношениях роль оператора, администратора или владельца информационной системы в части устанавливаемых ими правил системы, наблюдается в частноправовом регулировании (в части цифровых прав). Таким образом, пользователь лишь формально присоединяется к правилам (уместна аналогия с договором присоединения) и дает свое согласие на осуществление действий с информацией.

Указанный акт содержит прямые отсылки к тексту Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ в части уяснения смысла определений «информационная система» и «оператор информационной системы». Примечательно, что на законодательном уровне введено новое понятие – объекты российской информационной инфраструктуры. Указанное понятие закреплено в законодательстве для установления более тесной привязки запретов и ограничений, связанных с новыми объектами, к территории Российской Федерации. Использование географических границ для определения юрисдикции применяется для объяснения условных пределов информационного пространства

---

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. 6 августа.

государства. К объектам российской информационной инфраструктуры отнесены доменные имена и сетевые адреса, зарегистрированные в российской национальной доменной зоне (.ru, .рф, .su и доменные имена верхнего (первого) уровня, находящиеся под управлением зарегистрированного в России юридического лица¹), а также непосредственно информационные системы и комплексы программных и аппаратных средств, размещенные в территориальных границах государства.

Можно отметить, что с принятием данного федерального закона регулирование видов информационных систем постепенно расширяется. В частности, на уровне федерального законодательства появляется нормативная база для информационных систем на основе распределенного реестра (совокупность баз данных, в которых соответствие и сохранность содержащейся информации обеспечивается за счет специальных алгоритмов). Алгоритмы – методы работы с информацией. Цифровая информация определенного содержания, для которой выделяются специальные признаки, получает регулирование в ходе использования информационных систем. При этом рассматриваемый закон содержит нормы, которые нельзя отнести к исключительной предметной области информационного права. Цифровые права по тексту и смыслу закона являются сферой влияния и действия частноправового регулирования, но их ядро – информацию и методы работы с ней, – определяют правила информационной системы и информационное законодательство. В этом смысле проявляется сложный смежный характер регулирования, а также правовое «наслоение» регулирования для новых информационных объектов.

Еще одним значимым актом, попадающим в предметную сферу рассматриваемых информационных отношений, является Федеральный закон от 17 декабря 2019 г. № 476-ФЗ². В законодательстве появляется институт

---

¹ Об определении перечня групп доменных имен, составляющих российскую национальную доменную зону: Приказ Роскомнадзора от 29 июля 2019 г. № 216 // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

доверенной третьей стороны в вопросах использования и установления подлинности электронной подписи. Юридическое лицо осуществляет деятельность по проверке такой подписи в электронных документах, а проверка осуществляется в конкретный момент времени. Данный институт введен в законодательство в целях обеспечения доверия при обмене данными и электронными документами. Появляется новый субъект отношений, который выполняет посредническую функцию, но не является посредником в классическом смысле, который вытекает из смысла установившегося в последние годы частноправового и информационного регулирования. Деятельность доверенной третьей стороны осуществляется в рамках информационных систем, которые должны входить в информационно-технологическую и информационно-коммуникационную инфраструктуру.

Рассматриваемый законодательный акт также вводит новое понятие – метка доверенного времени, под которой понимается достоверная информация в электронной форме о дате и времени подписания электронной подписью, отвечающая ряду установленных законом условий. Кроме того, данный акт также содержит прямые отсылки к соответствующим нормам Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. Например, сведения из единой системы идентификации и аутентификации, единой биометрической системы используются в порядке, который определен законодателем.

Также можно выделить ряд законодательных актов, которые предусматривают возможность изготовления нотариальных документов в электронной форме и внесения изменений в информационную систему нотариусов¹, первоочередность электронной регистрации результатов работ или услуг в сфере метрологической деятельности², регулярное использование и обращение к

---

¹ О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении единства измерений»: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 496-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

реестрам при лицензировании деятельности¹ и т.д. Постепенно расширяется подзаконное регулирование. В частности, помимо национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»², которая состоит из отдельных масштабных проектов, утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года³. Очевидно, что с течением времени массив регулирования цифровой повестки будет только увеличиваться.

Анализируя текущий уровень развития законодательства, можно сформулировать дальнейшие направления для совершенствования нормативно-правового регулирования цифровой информации в рамках формируемой цифровой среды. Соответственно, предлагаемая концепция публично-правового регулирования информации в условиях цифровизации основана на развитии трех важнейших и связанных между собой информационных областей. Полагаем, что предлагаемый подход исключит пробелы законодательства и устранит правовую неопределенность в информационной деятельности, а также позволит обеспечить реализацию публичных интересов при развитии цифровой среды.

Во-первых, существует потребность в дальнейшем развитии электронного документооборота и делопроизводства.

В вопросах совершенствования правового регулирования информации и ее режимов необходимо предварительно создать дополнительные условия для расширения областей использования цифровой информации, минимизировав сферу действия материальных (бумажных) носителей информации и связанного с ними бумажного документооборота. В настоящее время значительная часть деятельности органов публичной власти ориентирована на

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 478-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

² О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. 18 марта. Ст. 1119.

³ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. 31 августа. Ст. 5593.

бумажное делопроизводство и документооборот. Похожая ситуация наблюдается при взаимодействии некоммерческих организаций с соответствующими территориальными органами федеральных органов исполнительной власти. При этом кардинально отличается порядок взаимодействия коммерческих организаций с налоговыми органами и государственными внебюджетными фондами, который сегодня реализуется практически полностью в электронной форме. Уровень проникновения электронного документооборота в деятельности организации на территории Российской Федерации составляет менее 30%, что в условиях развития цифровой экономики невозможно назвать оптимальной степенью внедрения информационных технологий¹.

Ориентир государственного и частного сектора на бумажный документооборот не позволяет адаптировать общее регулирование и перестроить его в новых цифровых реалиях. Существует риск создания опережающего регулирования по сравнению с текущим состоянием дел в отдельных отраслях. Органы государственной власти самостоятельно предпринимают различные попытки модернизировать сферу документооборота в существующей вертикали государственного управления в конкретной области. Реализация подобной задачи требует серьезных финансовых затрат. Соответственно, на практике возникает ситуация, при которой в органах и организациях используется безбумажный документооборот, основанный на различных информационных системах, которые не сопоставимы и не связаны между собой, при этом значительная часть органов и организаций продолжают осуществлять деятельность в рамках традиционного бумажного документооборота.

Принципиально значим не сам факт перехода на электронный документооборот и электронную отчетность, а установление связи и создание условий для коммуникации между органами и организациями в рамках единой платформы, т.е. обеспечение среды для свободной и беспрепятственной циркуляции информации в рамках информационных систем. Технологические

---

¹ Электронным документооборотом в России пользуются только 30 % компаний. СКБ Контур // URL: <https://kontur.ru/press/news/analitica/2020/5/7125>

решения в данном случае могут быть различны: одна единая или неограниченное количество интегрированных между собой информационных систем. Установление функциональной совместимости информации или интероперабельности данных должно выступать в качестве приоритетной особенности функционирования информационных систем в государственном управлении и цифровой экономике. Подобный подход сформирует условия для развития действенного стратегического планирования экономической и иной деятельности, позволит повысить интеллектуальную составляющую информационных процессов и отслеживать их динамику в ретроспективе, получать новую информацию для принятия управленческих решений.

Внедрение электронного документооборота требует имплементации в нормативно-правовую базу новой терминологии, которая зачастую относится к сфере технических норм и стандартов. Традиционные понятия сфер документооборота и делопроизводства: «оригинал документа», «дубликат документа», «копия документа», «носитель» теряют свое первоначальное значение, а также не отражают в полной мере фактическую природу процессов в цифровой среде. Требуют юридического уточнения такие понятия как «электронный документ» и «электронный образ документа».

Первоначальное развитие регулирования в сфере электронного документооборота и делопроизводства сопровождалось установлением формальных требований при осуществлении любых действий субъектами информационных отношений. Например, в сфере трудовых отношений до сих пор сторонам для заключения, изменения или расторжения базовых документов необходимо использовать усиленную квалифицированную или неквалифицированную электронную подпись. При этом сегодня уровень развития технологий изменился настолько, что факт получения электронного документа и придания ему юридического значения и соответствующего статуса можно определить или установить с помощью формально-определённых способов. Так, сторонам отношений в цифровой среде целесообразно самостоятельно ориентироваться на способ обмена электронными документами. Снятие условных барьеров и

ограничений, предоставление дополнительных возможностей сторонам по своему усмотрению определять условия электронного документооборота в зависимости от типа правоотношений – важнейшее обстоятельство, которое позволит стимулировать цифровизацию общественных отношений во многих сферах.

Во-вторых, правовое регулирование информационных систем требует последовательной модернизации.

Органы государственной власти и местного самоуправления для реализации полномочий используют информационные системы. Такие системы содержат информацию, которая может представлять интерес для участников самых разнообразных правоотношений. Использование информационных систем в целях предоставления государственных и муниципальных услуг является не только перспективным направлением, но и активно обеспечивается на практике. Сферы использования и применения информационных систем обширны, их количество стремительно увеличивается в целях реализации отдельных направлений деятельности органов публичной власти¹.

Общая регламентация деятельности по эксплуатации государственных (муниципальных) информационных систем осуществляется на уровне законодательных актов, однако особенности их ведения, наполнения информацией и использования определяются актами подзаконного регулирования либо соответствующими ведомствами, в ведении которых данные системы находятся. Процесс получения сведений из различных государственных (муниципальных) информационных систем может кардинально отличаться на практике.

Отсутствие унифицированного подхода к использованию, получению сведений из публичных информационных систем, а также критериев при их создании для последующей интеграции в рамках единой платформы создают проблемы практического характера. Существующее разнообразие систем и их несогласованность между собой не позволяет осуществить централизацию

---

¹ Чаннов С.Е. Правовые проблемы обработки персональных данных в государственных информационных системах // Информационное право. 2018. № 2. С. 10 - 13.

управления данными в целях беспрепятственного информационного обмена между органами и организациями.

Поскольку цифровизация приводит к изменению субъектного состава правоотношений, заметно усиливается посредническая роль операторов и иных участников отношений, на которых возлагаются в соответствии с законодательством и договорами обязанности по сопровождению информационных систем. При создании информационной системы ее владелец будет являться оператором постольку, поскольку эти функции не будут возложены на иное лицо. Разграничение правовых статусов владельца и оператора информационной системы позволит более эффективно реализовывать задачи по модернизации информационных систем в сфере государственного управления, а также будет способствовать определению круга лиц, которые имеют различный доступ к информации в системах.

Информация, которая содержится в государственных (муниципальных) информационных системах, представляет практический интерес с позиции имеющихся возможностей ее автоматизированной обработки в цифровой экономике, поэтому выработка единых и прозрачных условий доступа к данным можно рассматривать в качестве формирующейся потребности в обществе. Вместе с тем в последнее время наблюдаются совсем иные тенденции, направленные на ограничение возможностей доступа к сведениям из различных информационных систем, администрируемых федеральными органами исполнительной власти¹. Значительный массив информации не требует ограничений доступа. Напротив, необходимо создавать дополнительные условия для сбора, хранения, обработки и передачи информации.

Реестровая модель предоставления государственных услуг постепенно внедряется на территории Российской Федерации². Фактически

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 515-ФЗ // Российская газета. 2021. № 2. 12 января.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 478-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

государственные и муниципальные информационные системы, используемые для оказания услуг по запросу организаций и граждан, могут рассматриваться как определенные реестры, содержащие информацию в виде электронных записей. Доступ к реестровой модели хранения и предоставления информации предполагает отказ от действий, которые требовали бы определенной регистрации как факта учёта в целях придания ему юридического значения. Соответственно, доступ к реестру фактически исключает оборот бумажных документов и использование материальных носителей для передачи информации, хотя, стоит отметить, что подразумевает наличие развитой инфраструктуры. Запись в электронном реестре является подтверждением юридически значимого факта. Постепенный переход к этой модели можно наблюдать в связи с отказом во многих сферах деятельности от предоставления свидетельств и иных документов, подтверждающих наличие определённых прав. Например, в сфере недвижимости право собственности или обременения на определенный объект подтверждаются выпиской из реестра, которая рассматривается в качестве формального и временного подтверждения. Вместо официального документа лицо получает выписку из реестра, которая подтверждает юридический факт. Можно привести другой пример непосредственно из информационной сферы. Роскомнадзор на протяжении нескольких лет при регистрации средства массовой информации также вместо свидетельства предоставляет выписку из реестра. Указанная практика может и дальше беспрепятственно развиваться в других сферах государственной деятельности, и не только в области информационных правоотношений.

Однако ценность реестровой модели предоставления государственных услуг и связанного с этим процесса получения информации из информационных систем заключается не в получении выписки на бумажном носителе, которая все еще выступает в качестве обязательного требования, а установление или подтверждение юридического факта в определенный момент времени (как правило, на дату обращения) в электронной форме. Выписка (сохраняется материальный носитель информации) есть условный аналог бумажного

документа, при этом такая выписка может потребоваться либо на бумажном носителе, либо в электронной форме для совершения ряда нотариальных и иных регистрационных действий.

Существующий на сегодняшний день процесс получения данных из отдельных государственных и муниципальных информационных систем скорее напоминает классический регистрационный процесс, который теперь выполняется значительно оперативнее. Наиболее предпочтительным был бы формат обеспечения постоянного (неограниченного по времени) или временного (определенного на период времени) доступа к электронному реестру в части именно того объема сведений, который может потребоваться сторонам отношений, минуя классический процесс получения услуги, в результате которой заявителю предоставляется информация. Предложение по установлению доступа к определенному объему информации из системы или конкретным записям реестра видится наиболее перспективным, поскольку именно право доступа к информации позволяет отслеживать динамику ее изменения и повышает доверие к ее содержанию (ожидание изменения или неизменности).

Немаловажным вопросом является проблема обеспечения доступности информации при использовании пользовательских технических устройств. Посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет лицо может получить доступ к информации через сайты (информационные системы). Широкое распространение получили смартфоны и планшеты с различными зарубежными операционными системами, в связи с чем возникает проблема кроссплатформенности систем. Использование не только сайтов, но и мобильных приложений для обеспечения оперативного и даже незамедлительного доступа к записям электронных реестров значительно повышает и укрепляет условия открытости и доступности, свободы использования и распространения информации. Технологические аспекты функционирования информационных систем определяются на уровне подзаконного регулирования, однако закрепление базовых подходов в законодательстве для получения доступа к информации является неотъемлемым фактором ускорения цифровой

трансформации, а том числе развития как государственного управления, так и цифровой экономики.

В-третьих, перспективной задачей является создание цифрового профиля гражданина и обеспечение информационной безопасности сведений, содержащихся в нем.

На территории Российской Федерации проводился эксперимент по применению цифрового профиля гражданина¹. Цифровой профиль предполагает аккумулирование достоверных и актуальных сведений о гражданине, к которым будут иметь доступ органы публичной власти и организации. Использование информации о физическом лице в рамках единой технологической платформы позволит упростить доступ к получению сведений в рамках системы межведомственного информационного взаимодействия и минимизировать роль гражданина в предоставлении определенных сведений о себе. Тем самым создаются условия для повышения качества предоставления государственных услуг. Потребность в источнике полных и достоверных сведений о физическом лице существует, поскольку это позволит упростить осуществление процессуальных действий. Кроме того, использование цифрового профиля предполагает возможность доступа гражданина к информации о себе в информационных системах, а также корректировки подобных сведений в них.

Наиболее активно возможностями доступа к цифровому профилю гражданина в настоящее время уже пользуются участники финансового рынка. Так, микрофинансовые организации имеют возможность использовать информацию из цифрового профиля при подаче гражданином заявления на получение микрофинансовых услуг. Кроме того, банки могут использовать информацию из цифрового профиля перед заключением любых сделок с гражданином².

---

¹ О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах: Постановление Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 23. 10 июня. Ст. 2963.

² О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 710: Постановление Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 1911 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. 30 ноября. Ст. 7759.

Похожим примером консолидации информации в формате «профиля» является кредитная история человека.

Нормативное понятие цифрового профиля не определено. В научных исследованиях отмечается, что цифровой профиль является многоуровневой сложной системой, которая формируется в результате анализа данных из информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей¹. В связи с этим цифровой профиль можно рассматривать в нескольких значениях в зависимости от источников для сбора и анализа информации о гражданине, в том числе на основе «цифрового следа» в сети Интернет и самостоятельно предоставленной гражданином информации о себе в различных информационных системах. При этом стоит заметить, что в соответствии с постановлением Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 легальная трактовка содержания цифрового профиля предполагает, что его составляют только официальные сведения, предоставленные государственными органами и государственными внебюджетными фондами. Сведения из цифрового профиля гражданина могут быть запрошены кредитными организациями, страховыми организациями, микрофинансовыми организациями, операторами финансовых платформ и связи, а также работодателями.

Создание цифрового профиля гражданина – перспективная и сложная для реализации задача, которая требует развитой инфраструктуры для выстраивания единой и эффективной системы взаимодействия субъектов различных правоотношений. Существующее регулирование на данном этапе предполагает создание лишь некоторых условий для использования сведений о гражданине, хотя уже сегодня можно сформулировать дальнейшие цели развития системы цифрового профиля в целях решения ряда насущных проблем.

Так, назревшей проблемой в сфере защиты персональных данных граждан является отсутствие какой-либо централизованной возможности управления согласиями на обработку персональных данных, которые когда-либо

---

¹ Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. 2020. № 3. С. 58.

давал субъект. Значительно изменяется и усложняется ситуация в связи с новеллами законодательства, которые предусматривают новые условия для регулирования процесса распространения персональных данных (сбор отдельных согласий)¹. Соответственно, это приводит к практическим трудностям не только в аспектах управления данными согласиями, но и при определении конкретного оператора, в чей адрес может быть направлено заявление об их отзыве и прекращении обработки данных. Разработка единой информационной системы, предоставляющей доступ к цифровому профилю гражданина непосредственно гражданину, или использование существующей информационной системы может решить указанную проблему. Предлагается установить обязанность для операторов по дублированию или размещению сведений о собранных согласиях на обработку персональных данных в системе. Управляя цифровым профилем, можно не только поддерживать персональные данные в актуальном состоянии, но и в электронном виде предоставлять согласия на их обработку, а также в случае необходимости их отзывать. Для управления цифровым профилем предлагается создать систему личных кабинетов². Полагаем, что автоматическое аккумулирование всех согласий в рамках одной системы, в которую сведения о них будут внесены операторами (вручную или автоматически – в зависимости от дополнительных условий и среды сбора согласий, что потребует уточнения в законодательстве), является оптимальным подходом.

Таким образом, может появиться реально действующий механизм, позволяющий установить цели обработки персональных данных граждан операторами. Использование цифрового профиля не только может повысить прозрачность деятельности в сфере обработки персональных данных, но и позволит укрепить информационную безопасность граждан. Потребность в управлении согласиями, данными субъектами персональных данных, существует на

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ // Российская газета. 2021. № 1. 11 января.

² Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 3. Т. 20. С. 43.

практике. Подобный подход позволит переместить в легальное поле значительный объем информационной деятельности, которая связана с обработкой данных посредством использования информационных технологий.

Отечественное правовое регулирование в отношении цифрового профиля гражданина только начинает формироваться и постепенно складываться. С течением времени нормативный массив будет увеличиваться, трансформируя подход к пониманию значимости и определению содержанию цифрового профиля.

Выработка детальных предложений по определению направлений регулирования цифрового профиля гражданина в настоящее время выглядит обоснованной. Содержание цифрового профиля составляют сведения о гражданине, в том числе фиксированный объем персональных данных. Возникает потребность определения правового режима информации, составляющей содержание цифрового профиля. Легализация специального правового режима для такой цифровой информации обусловлена необходимостью регламентации особенностей доступа к ней представителями государственных органов, органов местного самоуправления и организаций. Информация из цифрового профиля может быть использована не только для идентификации, аутентификации или авторизации в иных информационных системах, но и в коммерческих целях, предполагающих обработку имеющегося массива данных после обезличивания.

Принципиальное значение приобретает возможность использования цифрового профиля как в государственных (муниципальных) информационных системах, так и в иных системах. Например, цифровой профиль изначально формирует достаточный уровень доверия для сторон при использовании коммерческих или общественно значимых цифровых сервисов, которые нацелены на оказание как государственных, так и частных услуг. В подобных обстоятельствах нет потребности участия в отношениях дополнительного субъекта, выполняющего посреднические функции.

Государство стремится создавать условия для повышения оперативности и качества принимаемых управленческих решений органами публичной власти. Так, создаваемый федеральный регистр сведений о населении Российской Федерации будет наполняться информацией посредством использования уполномоченным органом (органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах) системы межведомственного электронного взаимодействия¹. Регистр позволит получать актуальную и достоверную информацию о гражданах Российской Федерации и лицах, временно и постоянно проживающих, работающих на территории Российской Федерации. Цели использования регистра в основном связаны с осуществлением государственного управления.

Также принято решение о создании информационной системы, которая выступает в качестве единой информационной платформы национальной системы управления данными². В положении о системе дано определение понятиям «государственные данные» и «управление государственными данными». Государственными данными признается информация, содержащаяся в информационных ресурсах, которые созданы и администрируются органами и организациями государственного сектора. Примечательно, что используемая юридическая терминология в информационной сфере заметно различается в зависимости от юридической силы акта и периода (года) его принятия, при этом фактические отличия между информацией, сведениями и данными проблематично установить при буквальном толковании текстов нормативно-правовых актов – указанные понятия зачастую используются в синонимичном значении.

Концепция публично-правового регулирования информации учитывает различные факторы влияния цифровизации на информационные правоотношения. Во-первых, цифровая среда развивается довольно динамично, а

---

¹ О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ // Российская газета. 2020. № 126–127. 11 июня.

² Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 733 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21. 24 мая. Ст. 3585.

скорость происходящих изменений в обществе в последнее десятилетие можно назвать высокой по сравнению с предыдущим периодом информатизации. Появление неизвестных ранее информационных объектов связано именно с возможностями внедрения информационных технологий в повседневную деятельность. Во-вторых, цифровая среда характеризуется постоянным усложнением структуры систем, в том числе в управлении. Не только происходит увеличение количества объектов в виртуальной среде, но и использование их различных свойств требует определенных знаний, опыта, квалификации от лиц, участвующих в информационной деятельности. Существует реальный риск установления разницы в динамике происходящих процессов и скорости их осознания, принятия обществом, а также государственным аппаратом.

Невозможно гарантировать бесперебойное функционирование информационных систем и информационных технологий. С их более интенсивным проникновением в различные сферы управленческой деятельности возникает иллюзия контроля за происходящими процессами. Повышается скорость и удобство осуществления определенных действий, в том числе связанных с учетом, отчетностью, аналитикой. Новым этапом в развитии цифрового государственного управления станет использование информационных систем с интеллектуальными функциями, которые при реализации функций органами публичной власти стоит использовать с особой предусмотрительностью.

В числе основных рисков для выстраивания комплексного подхода регулирования цифровой информации можно выделить:

- стабильность программного обеспечения и отказоустойчивость систем;
- многообразие применяемых технологий и используемых систем;
- возникновение информационных систем с интеллектуальными функциями, не требующих участия человека при осуществлении информационной деятельности;
- возрастающее количество субъектов информационной деятельности.

Полагаем, для минимизации отмеченных рисков необходима целенаправленная государственная политика в области использования цифровых данных и информационных технологий органами публичной власти и организациями, осуществляющим деятельность в области информационных технологий. При этом органы государственной власти и местного самоуправления должны располагать комплексными базами данных и информационными системами в актуальном состоянии, необходимых для организации государственного управления.

Деятельность органов публичной власти по реализации полномочий в социально-экономической сфере и в сфере обеспечения национальной безопасности регулируется в соответствии с требованиями Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹. В числе принципов стратегического планирования нет принципов, которые бы учитывали цифровизацию государственного управления, а именно использование информации для государственного менеджмента в обозначенных сферах. Использование информации как результата автоматизированной обработки данных для целей принятия управленческих решений имеет огромный потенциал, поскольку позволяет установить закономерности развития общественных отношений. При осуществлении в обычных условиях управленческой деятельности служащими, опирающимися на методы компьютеризированной обработки информации и собственные человеческие возможности, можно произвести учет и анализ меньшего объема информации для принятия решений. Работа с данными в государственном управлении предполагает наличие определенных навыков и знаний, которые служащие могут приобрести в процессе повышения квалификации, которая требуется с определенной регулярностью в силу отмеченных факторов изменения цифровой среды (скорость появления новых объектов и сложность систем).

---

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2014. № 146. 3 июля.

Таким образом, авторская концепция публично-правового регулирования информации в современных реалиях цифровизации предполагает создание таких правовых условий, которые позволили бы наиболее эффективно использовать цифровую форму информации для целей государственного управления и цифровой экономики. Правовые условия для свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения цифровой информации может обеспечить регулирование информационно-правового пространства, в частности дальнейшее совершенствование норм в области электронного документооборота, информационных систем и цифрового профиля. Основу для успешной трансформации российского государства могут составить указанные направления, которые взаимодополняют друг друга и последовательно приобретают уверенное проникновение в управленческую и экономическую деятельность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования сформулированы теоретические основы информационного и публично-правового регулирования информации, а также описана динамика развития законодательства и подзаконного регулирования с учетом цифровизации.

В условиях цифровизации возрастает значимость информации, которая имеет цифровую форму. Объем цифровой информации стремительно увеличивается, а данные становятся ценным ресурсом, который может быть использован в целях принятия управленческих решений, осуществления коммерческой и иной деятельности. На смену аналоговым способам передачи информации пришли цифровые, которые ускорили информационный обмен, сформировали условия для возникновения ценности у информационных объектов и новые возможности их участия в обороте.

Научные выводы по итогам проведенного исследования можно представить в виде следующих тезисов:

Во-первых, цифровизация оказывает влияние на развитие правового регулирования информации и информационных отношений. Объектом законодательного и подзаконного регулирования является информация в цифровой форме.

Современный этап развития общественных отношений и правовой системы в Российской Федерации предложено рассматривать в контексте цифровизации. Ее можно представить как часть процесса общественного развития, обусловленного появлением новых взаимосвязей между отраслями и сферами человеческой деятельности в связи с использованием цифровой информации и применением информационных технологий. В исследовании подчеркивается, что правовые механизмы обеспечения прав и законных интересов личности в данных условиях находятся в неопределенном состоянии, требующем актуализации системы правового регулирования. При этом меняется не

природа юридических понятий и категорий, а трансформируется их понимание, восприятие, а также толкование нормативно-правовой базы. Изменяется возможность совершения фактических действий – виртуальная среда заменяет традиционную форму осуществления и реализации прав. Для их юридического признания требуется соответствующее нормативное оформление. Таким образом, цифровизация способствует ускорению динамики развития правоотношений и формирует потребность совершенствовании публично-правового регулирования.

Цифровизация рассмотрена в качестве явления, которому предшествовала автоматизация и информатизация. В отношении цифровизации правовой системы сделан вывод о том, что она носит временный характер (существует в определенный временной период – до того момента, пока не возникнут иные факторы, оказывающие существенное влияние на развитие общественных отношений), что находит выражение в интенции правотворческих и правоприменительных органов, которые нацелены на развитие государственного управления и цифровой экономики, а также ставят перед собой задачу обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации.

Значение информации в условиях цифровизации изменяется. Ее цифровую форму предложено рассматривать в качестве многогранного феномена, получающего различное сущностное выражение. Новое свойство информации в условиях цифровизации – придание материальной ценности информационным объектам, находящимся в обороте посредством использования информационных систем.

В условиях цифровизации информация и информационные технологии приобретают прочную взаимосвязь, которая исключает достижение ожидаемого эффекта или результата при осуществлении информационной и управленческой деятельности при отсутствии какого-либо из указанных элементов. Без информационных технологий отсутствует возможность совершить различные автоматизированные операции с информацией, а без информации – использовать соответствующие информационные технологии. Тотальное

проникновение информационных технологий, в том числе с интеллектуальными функциями, в различные сферы человеческой деятельности приводит к широкому распространению информации, приобретению ею массового характера и стиранию препятствий для ее использования. Законодателю необходимо соблюсти баланс частных и публичных интересов при регулировании информационного обмена, оборота информационных объектов с применением информационных технологий.

Сформулированы особенности использования информации в условиях цифровизации: носитель сохраняет значение для хранения информации, однако снижается его роль при передаче и распространении информации; информация трансформируется в необходимое состояние, приобретая форму цифровой; расширяются условия для использования информации, которые обусловлены характером применяемых информационных технологий. Внедрение информационных технологий в различные сферы деятельности делает их массовыми и доступными. Ключевое право, связанное с информацией, на текущем этапе развития современного информационного общества – право на доступ к информации. При выстраивании системы информационно-правового регулирования необходимо классифицировать информационные технологии, чтобы определить цели и возможности использования информации.

Во-вторых, право на информацию продолжает изменяться, создавая условия для возникновения новых прав.

Развитие регулирования позволило ускорить информационный обмен, а применение информационных технологий – оборот объектов. Достижением современного этапа развития юриспруденции стало конституционное закрепление права на информацию. Активный период международного сотрудничества в области реализации и защиты информационных прав человека пришелся на вторую половину XX века. Учитывая трансграничные особенности распространения информации, глобализацию информационного пространства и социальных процессов, их стремительную цифровизацию, существует

потребность в развитии международного сотрудничества в области обеспечения информационной безопасности.

Отдельное внимание уделено историческим этапам развития права на информацию, его международному регулированию и закреплению в национальных юрисдикциях отдельных зарубежных государств. Право на информацию, выступая основой для целого комплекса прав и явлений правовой действительности, имеет частно-публичное содержание, которое выражается в обеспечении и защите интересов государства, общества и личности. Тенденции развития нормативного регулирования демонстрируют укрепление публично-правовой составляющей рассматриваемого права. Органы публичной власти развивают регулирование, нацеленное на пресечение распространения недостоверной информации, представленной под видом достоверной; создание запретов при размещении информации, выражающей неуважение к обществу и государству, включая его органы и символы, а также на предмет исторической, политической и иной оценки событий. Для правовой защиты личных интересов первостепенное значение имеет неприкосновенность частной жизни, оборот персональных данных, распоряжение пользовательским контентом, в том числе с учетом применения информационных технологий.

Ограничения права на информацию допустимы, что обусловлено содержанием распространяемой информации и режимом доступа к ней. Границы рассматриваемого права обозначены в отраслевом законодательстве.

В-третьих, систему принципов регулирования информации невозможно представить исчерпывающим перечнем. Принципы подвержены изменению из-за высокой динамики информационных правоотношений.

Информационно-правовые принципы отличаются особой «подвижностью», что связано с наполнением предмета информационного права новым содержанием. В связи с отмеченным происходит смещение исследовательского внимания от режимов использования информации в сторону режимов применения информационных технологий, а также обеспечению информационной безопасности.

Предложен интегративный подход к выделению системы принципов в информационно-правовой сфере, которые актуальны как для информации, так и для информационного права и его институтов в целом. При выделении принципа важно отметить не факт наличия регулирования, а и его тесную взаимосвязь с информацией и информационными объектами. Подчеркивается, что сложность выработки информационно-правовых принципов обусловлена необходимостью соблюдения баланса частных и публичных интересов, их возможным превалирующим публично-правовым выражением, особенностями реализации и защиты прав в виртуальной среде.

Сформулированы основные начала правового регулирования информационных отношений. Они обеспечивают развитие регулирования для отношений в сфере информации, информационных технологий, систем, ресурсов, инфраструктуры и их защиты в Российской Федерации. Авторская концепция включает пять принципов.

Выработана иерархическая система принципов информационного права, которая представлена в виде конституционно-правовых, информационно-правовых и научных принципов. Подчеркивается особая значимость принципов ответственности и цифровизации как результатов научных исследований. Под принципом цифровизации предложено понимать возможность совершения действий субъектами информационных отношений в условиях отсутствия нормативно-правового регулирования по следующей формуле: осуществление информационной деятельности возможно при условии, что не возникнет риск или не будут допущены нарушения требований действующего законодательства.

В-четвертых, возникают предпосылки для внедрения концепции цифрового государства и цифрового государственного управления, основанного на автоматизированной обработке информации для целей принятия решений. Модернизация государственного управления происходит в рамках становления цифровой экономики.

Концепцию электронного государства в России можно оценить в зависимости от эффективности реализации механизмов сервисного управления. Государственные и муниципальные услуги выступают центральным звеном сервисной модели электронного государства. Целесообразно развивать в рамках информационной деятельности публичных органов такие направления как управление информацией и информационное обеспечение, опирающиеся на достижения технических (информационных) отраслей знания.

Представляется возможным очертить последовательный путь развития отечественного государственного управления – от становления основ электронного правительства до постепенного перехода к подготовке нормативного «фундамента» для цифрового государства, которое сегодня только начинает определяться в отечественной общественно-политической реальности и юридической практике. Понятия «цифровое государство» и «цифровое государственное управление» не разработаны в современной науке, нет критериев для их теоретического выделения.

Предложена авторская концепция цифрового государства, которая предполагает, что в его основе находится цифровое государственное управление, реализуемое с учетом государства как платформы и учитывающее имеющуюся и непрерывно изменяющуюся технологическую базу для обработки цифровой информации. При этом цифровая информация, полученная в результате автоматизированной обработки данных из информационных систем, учитывается при принятии управленческих решений. Технологическую основу цифрового государства можно представить шире, чем процесс применения информационных технологий. Ее элементами выступают данные, инфраструктура, сервисы, технологии, находящиеся в динамике. Таким образом, в процессе использования информации и применения технологий повышается эффективность реализации функций государства. Данный процесс можно рассматривать в качестве расширения сфер и возможностей осуществления информационной деятельности органами публичной власти. Цифровое государственное

управление предполагает использование комплекса информационных технологий.

Государственное управление и цифровая экономика – сферы, которые развиваются в информационном обществе при взаимодополнении.

Выработана позиция, обосновывающая важность свободы информации как катализатора развития информационной деятельности. Информация имеет системообразующую роль в отношениях, складывающихся в сфере цифровой экономики. Она может быть представлена в различном виде: большие данные, пользовательский контент, набор сведений и т.п.

Возможности свободного поиска, получения, передачи, производства и распространения информации предопределили не только появление дистанционной коммуникации, но и возможности реализации управленческих функций, опосредовали развитие информационной составляющей у прав и свобод человека и гражданина при их реализации в виртуальной среде (информационных системах), т.е. позволили виртуализировать общественные процессы. При этом свобода информационной деятельности не должна вступать в противоречие с этическими нормами, допускать злоупотребления правом и фактически нарушать существующий правопорядок.

Свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации целесообразно обозначить в качестве основополагающей идеи при формировании регулирования для отношений в сфере цифровой экономики. Регламентация свободы действий выступит стимулом для качественной трансформации информации в цифровой форме и будет способствовать возникновению новых информационных объектов.

Стремительно развивается информационный обмен и оборот в виртуальной среде. Развивается сектор услуг, предоставляемых дистанционно. Государство создает условия для защиты прав личности в цифровой среде. Отношения в области обработки пользовательского контента свидетельствуют о формировании нового институционального образования в рамках

информационного права. Его важнейшей особенностью может выступать разнообразное отраслевое регулирование, связанное с целями использования информации.

В-пятых, цифровым правам можно отнести права, которые возникают у пользователей информационных систем, в том числе при использовании информационно-коммуникационных сетей.

Публично-правовая модель цифровых прав предполагает тесную связь таких прав с конкретной личностью, особый порядок реализации, а также распоряжения ими с учетом требований законодательства и правил информационной системы. В их числе можно представить право быть забытым в сети Интернет, право на доступ к данным, право на распоряжение пользовательским контентом и т.п. Категория цифровых прав находится на этапе своего становления, невозможно представить исчерпывающий перечень подобных прав с цифровым (информационным) компонентом.

Представлено разграничение для информационных и цифровых прав, которое заключается в особенностях их реализации. Так, цифровые права получают возможность реализации в виртуальной среде, тогда как многие информационные права могут быть реализованы фактически (имеют иную форму реализации и приводят к аналогичному результату). Особенности реализации цифровых прав находятся в зависимости от правил, сформулированных оператором информационной системы в виде пользовательского соглашения. Представлен подход, позволяющий рассмотреть цифровые права как комплекс прав нового порядка, имеющих публично-правовую природу и отраженных в информационном и отраслевом праве. Информационно-правовая природа цифрового права неотъемлема. Отмечается, что на современном этапе развития отечественного правового регулирования цифровые права получили иное закрепление. При этом научное сообщество исходит из того, что под цифровыми правами понимаются новые права человека, возникающие в виртуальной среде.

Важнейшая теоретическая проблема, связанная с правами и их реализацией на практике, для отечественной правовой системы –единообразное понимание и использование основных категорий. Предоставление информации по-разному трактуется в законодательстве: в качестве договора и соглашения с разными условиями как в части конфиденциальности информации, так и по вопросу ее целей использования. Информация не участвует в обороте непосредственно, однако представлена в нем в качестве информационных объектов и связанных с ними правовыми конструкциями. Произведено разграничение распространения и предоставления информации с учетом правоприменительной практики.

В-шестых, информационные правоотношения получают характер смежных, находящихся на стыке регулирования правовых отраслей, с преобладанием публично-правового регулирования.

Цифровая информация оказывает влияние не только на управленческие и экономические процессы, она также создает условия для удовлетворения информационных и духовных потребностей личности, связанных с социальными, культурными и иными сторонами жизни. Информация не просто многоаспектна, цели ее использования при осуществлении информационной деятельности могут быть различными, в том числе при реализации полномочий органами публичной власти.

Авторский подход к выработке концепции публично-правового регулирования информации представлен посредством приоритезации нормативного совершенствования отдельных направлений: электронного документооборота и делопроизводства, информационных систем и получения доступа к информации, созданию цифрового профиля личности.

Предлагаемая концепция публично-правового регулирования информации предполагает создание условий для обеспечения информационной безопасности государства, общества и личности, для использования цифровой информации в государственном управлении и цифровой экономики и

учитывает появление новых особенностей осуществления информационной деятельности в виртуальной среде.

В Российской Федерации постепенно складывается правовое регулирование отношений в сфере цифровой экономики. Нормативный массив формируют различные отрасли, в том числе информационное право, определяя базовый инструментарий и принципы. В новое направление развития информационно-правового регулирования в области государственного управления и цифровой экономики можно включить: размещаемую пользователями информационных систем информацию, функционирование экспериментальных правовых режимов в области применения информационных технологий, регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта, учет данных в управленческой и экономической деятельности. Кроме того, аспекты цифровизации находят проявление в устоявшихся институтах публичного права (персональные данные, электронный документооборот, государственные информационные системы и т.п.).

Цифровая трансформация государства и общества отражает процесс внедрения современных информационных технологий в различные аспекты публичной и частной деятельности, что подразумевает возникновение новых продуктов и услуг информационного характера. Особую значимость в подобных условиях приобретает виртуальная среда, в которой участники отношений осуществляют действия по поиску, получению, передаче, производству и распространению цифровой информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.
2. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 2020. 16 марта. № 55.
3. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920–1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. 26 декабря. № 52. Ст. 1865.
4. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (Приложение № 1) // URL: <https://www.eaeunion.org> (дата обращения 01.02.21 г.)
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. № 289. 22 декабря.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256. 31 декабря.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. № 148-149. 6 августа.
9. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. № 23. 6 февраля; № 24. 7 февраля; № 25. 8 февраля; № 27. 10 февраля.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238–239. 8 декабря.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 326-ФЗ // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140089> (дата обращения 22.07.22 г.).

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 277-ФЗ // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140041> (дата обращения 20.07.22 г.).

13. О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»: Федеральный закон от 1 мая 2022 г. № 135-ФЗ // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205010017> (дата обращения 02.05.22 г.).

14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Российская газета. 2022. № 49. 9 марта.

15. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ // Российская газета. 2022. № 49. 9 марта.

16. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ // Российская газета. 2022. № 49. 9 марта.

17. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 ноября 2021 г. № 377-ФЗ // Российская газета. 2021. № 266. 24 ноября.

18. О ратификации Соглашения о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными:

Федеральный закон от 19 ноября 2021 г. № 367-ФЗ // Российская газета. 2021. № 265. 23 ноября.

19. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ // Российская газета. 2021. № 147–148. 7 июля.

20. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ // Российская газета. 2021. № 145. 5 июля.

21. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ // Российская газета. 2021. № 1. 11 января.

22. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 515-ФЗ // Российская газета. 2021. № 2. 12 января.

23. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ // Российская газета. 2021. № 1. 11 января.

24. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. 6 августа.

25. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. 6 августа.

26. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации: Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ // Российская газета. 2020. № 126–127. 11 июня.

27. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Российская газета. 2020. № 92. 28 апреля.

28. О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ // Российская газета. 2020. № 92. 28 апреля.

29. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Российская газета. 2020. № 72. 3 апреля.

30. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ // Российская газета. 2020. № 72. 3 апреля.

31. О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении единства измерений»: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 496-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

32. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

33. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внедрения реестровой модели предоставления государственных услуг по лицензированию отдельных видов деятельности:

Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 478-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

34. О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ // Российская газета. 2019. № 296. 31 декабря.

35. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2019. № 172. 7 августа.

36. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 9 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах»: Федеральный закон от 15 апреля 2019 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 2019. № 84. 17 апреля.

37. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Российская газета. 2017. № 167. 31 июля.

38. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ // Российская газета. 2016. № 139. 28 июня.

39. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ // Российская газета. 2015. № 154. 16 июля.

40. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Российская газета. 2014. № 163. 23 июля.
41. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Российская газета. 2014. № 146. 3 июля.
42. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. №187-ФЗ // Российская газета. 2013. № 148. 10 июля.
43. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Российская газета. 2011. № 139. 30 июня.
44. Об электронной подписи: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 2011. № 75. 8 апреля.
45. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Российская газета. 2010. № 168. 30 июля.
46. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Российская газета. 2009. № 25. 13 февраля.
47. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // Российская газета. 2008. № 265. 26 декабря.
48. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Российская газета. 2006. № 165. 29 июля.
49. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. № 165. 29 июля.
50. О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // Российская газета. 2006. № 51. 15 марта.

51. О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Парламентская газета. 2003. № 127–128. 12 июля.

52. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Российская газета. 2001. № 151-152. 9 августа.

53. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Российская газета. 1996. № 79. 25 апреля.

54. Об обязательном экземпляре документов: Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ // Российская газета. 1995. № 11–12. 17 января.

55. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 // Российская газета. 1992. № 32. 8 февраля.

56. О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205010023> (дата обращения 02.05.22 г.).

57. О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 марта 2022 г. № 166 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203300001> (дата обращения 01.04.22 г.).

58. О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 марта 2022 г. № 83 // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/67893> (дата обращения 04.03.22 г.).

59. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II. 5 июля. Ст. 5351.

60. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности: Указ

Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/65350> (дата обращения 13.04.21 г.).

61. О совершенствовании государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций: Указ Президента РФ от 20 ноября 2020 г. № 719 // Российская газета. 2020. № 263. 23 ноября.

62. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Российская газета. 2020. № 159. 22 июля.

63. Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: Указ Президента РФ от 3 июля 2020 г. № 445 // Российская газета. 2020. № 144. 4 июля.

64. О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: Указ Президента РФ от 17 марта 2020 г. № 188 (в ред. от 25 марта 2020 г.) // Российская газета. 2020. 19 марта. № 59 (с изм. Российская газета. 2020. 27 марта. № 66).

65. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. 27 января. Ст. 346.

66. О развитии искусственного интеллекта в РФ: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. 14 октября. Ст. 5700.

67. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Российская газета. 2018. № 97. 9 мая.

68. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. 15 мая. Ст. 2901.

69. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. 12 декабря. Ст. 7074.

70. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. 5 декабря. Ст. 6887.

71. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 // Российская газета. 2008. № 155. 23 июля.

72. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера: Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 // Российская газета. 1997. № 51. 14 марта.

73. О Концепции правовой информатизации России: Указ Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966 // Российские вести. 1993. № 132. 13 июля.

74. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество» и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 9 ноября 2021 г. № 1922 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 47. 22 ноября. Ст. 7836.

75. Об утверждении методики определения провайдеров хостинга или иных лиц, обеспечивающих размещение информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», пользователи которых находятся на территории Российской Федерации, операторов рекламных систем и организаторов распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: Постановление Правительства РФ от 27 октября 2021 г. № 1836 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 44 (Ч. III). 1 ноября. Ст. 7440.

76. Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями: Постановление Правительства РФ от

20 октября 2021 г. № 1801 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2021. 21 октября.

77. Об общих требованиях по приведению сведений о населении Российской Федерации, содержащихся в информационных ресурсах органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, содержащих сведения о населении Российской Федерации (за исключением информационных ресурсов, сведения из которых используются в соответствии с Федеральным законом «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» для формирования и ведения единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации), в соответствие со сведениями, содержащимися в едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации, и о порядке первоначального приведения таких сведений в соответствие со сведениями, содержащимися в едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации, на переходный период: Постановление Правительства РФ от 22 июля 2021 г. № 1248 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31. 2 августа. Ст. 5914.

78. О государственной аккредитации организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий: Постановление Правительства РФ от 18 июня 2021 г. № 929 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 26. 28 июня. Ст. 4953.

79. Об утверждении Положения о федеральной государственной информационной системе «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 733 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 21. 24 мая. Ст. 3585.

80. О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах: Постановление Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 23. 10 июня. Ст. 2963.

81. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. 18 марта. Ст. 1119.

82. Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи: Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2018 г. № 445 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. 23 апреля. Ст. 2489.

83. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18. Ч. II. 5 мая. Ст. 2159.

84. Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных: Постановление Правительства РФ от 10 июля 2013 г. № 583 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30. Ч. II. 29 июля. Ст. 4107.

85. Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 45. 5 ноября. Ст. 6257.

86. Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации: Постановление Правительства РФ от 15 сентября 2008 г. № 687 // Российская газета. 2008. № 200. 24 сентября.

87. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. 4 февраля. Ст. 531.

88. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. 31 августа. Ст. 5593.

89. Концепция создания цифровой аналитической платформы: Распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2019 г. № 3074-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 52. Ч. II. 30 декабря. Ст. 8054.

90. Об утверждении Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2019 г. № 1797-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 33. 19 августа. Ст. 4850.

91. Об утверждении Концепции создания и функционирования национальной системы управления данными и плана мероприятий («дорожную карту») по созданию национальной системы управления данными на 2019 - 2021 годы: Распоряжение Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1189-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 23. 10 июня. Ст. 3041.

92. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р // Собрание законодательства РФ. 2015. № 49. 7 декабря. Ст. 7055.

93. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. 1 сентября. Ст. 4811.

94. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 года и на перспективу до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. 18 ноября. Ст. 5954.

95. О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года: Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. 19 мая. Ст. 2372.

96. О Концепции развития страхования в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2002 г. № 1361-р // Российская газета. 2002. № 186. 2 октября.

97. Об утверждении Требований к содержанию информации о нарушении законодательства Российской Федерации иностранным юридическим лицом, иностранной организацией, не являющейся юридическим лицом, иностранным гражданином, лицом без гражданства, осуществляющими деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации, в целях информирования пользователей информационного ресурса такого иностранного лица: Приказ Роскомнадзора от 13 августа 2021 г. № 157 // СПС «КонсультантПлюс».

98. Об утверждении Методики определения количества пользователей информационных ресурсов в сутки: Приказ Роскомнадзора от 16 июля 2021 г. № 130 // СПС «КонсультантПлюс».

99. Об утверждении порядка взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами социальных сетей: Приказ Роскомнадзора от 12 апреля 2021 г. № 52 // СПС «КонсультантПлюс».

100. Об утверждении Критериев определения направляемой в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций информации, выявленной в процессе осуществления мониторинга социальной сети или по результатам рассмотрения обращения о распространяемой с нарушением закона информации, состава и порядка направления такой информации: Приказ Роскомнадзора от 2 апреля 2021 г. № 46 // СПС «КонсультантПлюс».

101. Об утверждении методики определения количества пользователей информационного ресурса в сутки: Приказ Роскомнадзора от 30 марта 2021 г. № 37 // СПС «КонсультантПлюс».

102. Об утверждении требований к содержанию согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения: Приказ Роскомнадзора от 24 февраля 2021 г. № 18 // СПС «КонсультантПлюс».

103. Об определении перечня групп доменных имен, составляющих российскую национальную доменную зону: Приказ Роскомнадзора от 29 июля 2019 г. № 216 // СПС «КонсультантПлюс».

104. Об утверждении Требований к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальным сайтом Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и официальными сайтами избирательных комиссий субъектов Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 25 декабря 2019 г. № 236/1760–7 // Вестник ЦИК России. 2020. № 1.

Международное и зарубежное регулирование

105. Устав ООН. Подписан 26 июня 1945 г. // URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения 30.02.20 г.).

106. Всеобщая декларация прав человека. Принята 10 декабря 1948 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 30.02.20 г.).

107. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Принята 4 ноября 1950 г. // URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения 30.02.20 г.).

108. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml (дата обращения 30.02.20 г.).

109. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Принята 12 декабря 2003 г. // URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsisis.pdf (дата обращения 10.03.20 г.).

110. Окинавская хартия Глобального информационного общества. Принята 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8.

111. План действий Тунисского обязательства. Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества. Тунис. 16-18.11.05 г. // URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsisis.pdf (дата обращения 30.12.21 г.).

112. Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта. ЮНЕСКО. Генеральная конференция, 41-ая сессия. Париж. 22.11.21 г. // URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379920_rus (дата обращения 30.12.21 г.).

113. Конвенция Совета Европы о доступе к официальным документам (CETS № 205). Подписана 18 июня 2009 г. // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/205> (дата обращения 10.03.20 г.).

114. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ETS № 108). Подписана 28 января 1981 г. // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/108> (дата обращения 10.03.20 г.).

115. Декларация Комитета министров Совета Европы о правах человека и верховенстве права в Информационном обществе. Принята 13 мая 2005 г. // СПС «Гарант».

116. Декларация Комитета министров Совета Европы о свободе обмена информацией в Интернете. Принята 28 мая 2003 г. // СПС «Гарант».

117. Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ. Принят 23 ноября 2021 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2013. № 57. Ч. 1.

118. Инициатива «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики. Подписана 5 сентября 2016 г. // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5111> (дата обращения 10.01.21 г.).

119. Act on the Protection of Personal Information. Act № 57. Japan // <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/APPI.pdf> (дата обращения 21.08.20 г.).

120. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения 17.03.20 г.).

121. Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 concerning the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector (Directive on privacy and electronic communications) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32002L0058> (дата обращения 17.03.20 г.).

122. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0065> (дата обращения 17.03.20 г.).

123. Federal Act on Data Protection. The Swiss Confederation // https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1945_1945_1945/en (дата обращения 21.08.20 г.).

124. Personal Data Protection Act. Malaysia // <https://www.kkmm.gov.my/pdf/Personal%20Data%20Protection%20Act%202010.pdf> (дата обращения 21.08.20 г.).

125. Privacy Act. New Zealand // <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0028/latest/DLM296639.html> (дата обращения 21.08.20 г.).

126. The Federal Freedom of Information Act. USA // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1020192 (дата обращения 17.03.20 г.).

127. Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики». Республика Беларусь // URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения 17.03.20 г.).

Монографии, учебники

128. Актуальные проблемы информационного права: учебник / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М.: Юстиция. 2016. – 532 с.

129. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК. 1995. – 320 с.

130. Алексеев С.С. Частное право. М.: Статут. 1999. – 158 с.

131. Алимов Э.В., Алимова Д.Р., Гаджиев Х.И. и др. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике. Отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ. 2020. – 176 с.

132. Амелин Р.В. Правовое регулирование разработки и внедрения автоматизированных информационных систем в сфере государственного и муниципального управления. М.: ГроссМедиа. 2020. – 164 с.

133. Амелин Р.В. Правовой режим государственных информационных систем: монография / под ред. С.Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа. 2016. – 338 с.

134. Андреева Г.Н., Бадальянц С.В., Богатырева Т.Г. и др. Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: монография. Нижний Новгород: Профессиональная наука. 2018. – 131 с.

135. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2007. – 253 с.

136. Архипов В.В. Интернет-право. М.: Юрайт. 2020. – 249 с.

137. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М.: URSS. 2013. – 408 с.

138. Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М.: Юридическая литература. 1991. – 272 с.
139. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: учебник / под ред. Академика РАН Б.Н. Топорнина. СПб.: Юридический центр Пресс. 2001. – 789 с.
140. Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. – 419 с.
141. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум. 2015. – 240 с.
142. Бычков А.И. Правовое регулирование экономики совместного потребления. М.: Инфотропик Медиа. 2019. – 123 с.
143. Ващекин Н.П., Абрамов Ю.Ф. Информационная деятельность и мировоззрение / под ред. А.Д. Урсула. Иркутск: Иркутский государственный университет. 1990. – 292 с.
144. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М.: Юридическая литература. 1978. – 208 с.
145. Винер Н. Кибернетика и общество [Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество]. Пер. с англ. Е.Г. Панфилова. М.: Издательство иностранной литературы. 1958. – 200 с.
146. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. Пер. с англ. И. В. Соловьев, Г. Н. Поваров. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран. 1983. – 344 с.
147. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция. 2013. – 552 с.
148. Глоссарий по информационному обществу / под ред. Ю.Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества. 2009. – 160 с.
149. Дерябина Е.С., Пахомова Л.М. Основы публичного права: учебное пособие/ Пермь: Редакционно-издательский отдел НИУ ВШЭ. 2017. – 264 с.

150. Дмитриевский Н.П. Законодательство английской революции 1640-1660 гг. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1946. – 382 с.
151. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М: Волтерс Клувер. 2006. – 136 с.
152. Дрецинский В.А. Методология научных исследований. М: Юрайт. 2020. – 274 с.
153. Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа. 2021. – 132 с.
154. Идальго С. Как информация управляет миром. Пер с англ. М.А. Райтман. М.: Издательство «Эксмо». 2015. – 256 с.
155. Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности: учебник / А.В. Душкин и др. / под ред. В.П. Корячко, М.И. Купцова. Рязань: Академия ФСИН России. 2016. – 354 с.
156. Информационное право России: учеб. пособие / С.А. Куликова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 2010. – 196 с.
157. Информационное право: учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. М.: Норма. 2010. – 496 с.
158. Информационное право: учебник / П.У. Кузнецов. М.: Юстиция. 2019. – 336 с.
159. Информационные правоотношения: теоретические аспекты. Коллективная монография / под ред. И.М. Рассолова. М.: Проспект. 2017. – 208 с.
160. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 2000. – 608 с.
161. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та). 2004. – 328 с.
162. Ковалева Н.Н. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. – 353 с.

163. Ковалева Н.Н. Информационное право России: учебное пособие. М.: Дашков и К. 2007. – 352 с.
164. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И.Л. Бачило. М: ИГП РАН, изд-во «Канон + РООИ «Реабилитация». 2014. – 192 с.
165. Копылов В.А. Информационное право. М.: Юрист. 2002. – 512 с.
166. Мендел Т. Свобода информации: сравнительное правовое исследование. Франция, Париж: Юнеско. 2008. – 164 с.
167. Мигачев Ю.И., Петров М.П., Шамрин М.Ю. Методология и методика административно-правовых исследований: учебное пособие. М.: Проспект. 2021. – 160 с.
168. Мокий М.С., Никифоров А. Л., Мокий В. С. Методология научных исследований / Под ред. Мокия М.С. М: Юрайт. 2022. – 254 с.
169. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди. 2017. – 258 с.
170. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: ИНФРА-М, Норма. 1997. – 652 с.
171. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: учебник и практикум / Т. А. Полякова, А. А. Стрельцов, С. Г. Чубукова, В. А. Ниесов. / под ред. Т. А. Поляковой, А. А. Стрельцова. М.: Юрайт. 2019. – 325 с.
172. Основы информационной безопасности: учебное пособие / Е.В. Вострецова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2019. – 204 с.
173. Павлов Т. Д. Информация, отражение, творчество. М.: Наука. 1966. – 102 с.
174. Потапенко С.В., Даниелян А.С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2021. – 202 с.
175. Потапенко С.В. Судебная защита от диффамации в СМИ: монография. Краснодар: Пресс. 2002. – 319 с.

176. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма. 2004. – 816 с.
177. Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. – 415 с.
178. Россинский Б.В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем. М.: Норма. 2021. – 264 с.
179. Савельев А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» / А. И. Савельев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут. 2021. – 468 с.
180. Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут. 2015. – 320 с.
181. Саксонское Зерцало. Памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В.М. Корецкий. М. 1985. – 272 с.
182. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт. 2020. – 303 с.
183. Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. Бесписьменное общество. М.: Пашков дом. 2007. – 144 с.
184. Серго А.Г. Интернет и Право. М.: Бестселлер. 2003. – 272 с.
185. Соколов А.В. Философия информации: проф.-мировоззр. учеб. Пособие. СПб.: СПбГУКИ. 2010. – 368 с.
186. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М.: Юстицинформ. 2001. – 528 с.
187. Тедеев А.А., Усанов В.Е. Электронное государство. М.: Элит. 2008. – 312 с.
188. Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М: ИЗиСП, ИНФРА-М. 2013. – 227 с.
189. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права. 2008. – 400 с.

190. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2020. – 432 с.
191. Урсул А. Д. Природа информации. Философский очерк. М.: Политиздат. 1968. – 288 с.
192. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Варгановой. М: Аспект Пресс. 2004. – 400 с.
193. Федотов М.А. и др. Информационное право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт. 2022. – 497 с.
194. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Мир. 1991. – 240 с.
195. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Часть 1: учебное пособие / сост. И.Ю. Маньковский. Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2014. – 246 с.
196. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, 9–12 апр. 2019 г. / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др.; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. – 43 с.
197. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк, А.А. Головина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. 2019. – 234 с.
198. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А., Залоило М. В. и др. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Норма, ИНФРА-М. 2021. – 244 с.
199. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М.: Издательство иностранной литературы. 1963. – 832 с.

200. Шувалов И.И., Хабриева Т.Я., Цзинжу Ф. и др. Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2017. – 336 с.
201. Энтин В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут. 2017. – 216 с.
202. Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1986. – 207 с.
203. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности: коллективная монография / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут. 2021. – 310 с.
204. Aron R. Essai sur les libertes. Paris: Calmann-Levy. 1976. – 251 p.
205. Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford: Blackwell. 1980. – 549 p.
206. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. London: Heinemann Educational Books. 1974. – 616 p.
207. Brynjolfsson E., Kahin B. Understanding the Digital Economy - Data, Tools, And Research. Cambridge, London: The MIT Press. 2002. – 372 p.
208. Castells M., Fernández-Ardèvol M., Qiu J., Sey A. Mobile Communication and Society: A Global Perspective. Cambridge: The MIT Press. 2006. – 331 p.
209. Claude R.P., Weston B.H. Human Rights in the World Community: Issues and Action. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1989. – 376 p.
210. Ficsor M. The Law of Copyright and the Internet. Oxford: OXFORD University Press. 2020. – 848 p.
211. Hartung M., Bues M-M., Halbleib G. Legal Tech. How Technology is Changing the Legal Word. A Practitioners Guide. München: Verlag C. H. Beck oHG. 2018. – 329 p.

212. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Society. 1983. – 172 p.
213. Negroponte N. Being Digital. London: Hodder & Stoughton. 1995. – 252 p.
214. Rustad M.L. Global Internet Law: In a Nutshell. St. Paul: West Academic Publishing. 2020. – 509 p.
215. Synodinou T.E., Jogleux P., Markou C., Prastitou T. EU Internet Law in the Digital Era: Regulation and Enforcement. Cham: Springer Nature. 2020. – 412 p.
216. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill. 1996. – 342 p.

Научные статьи

217. Адыгезалова Г.Э., Дзидзоев Р.М. Обсуждаем конституционную реформу в России // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 102-110.
218. Амелин Р.В. Эволюция представлений о формах (источниках) права в условиях развития цифровых технологий // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 4. С. 2-9.
219. Архипов В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 52-68.
220. Архипов В.В., Наумов В.Б., Пчелинцев Г.А., Чирко Я.А. Открытая концепция регулирования интернета вещей // Информационное право. 2016. № 2. С. 18-25.
221. Арямов А.А., Руева Е.О., Чигак А.А. Цифровые права – новые горизонты или юридический тупик // Правосудие. 2020. Т. 2. № 1. С. 131-149.

222. Атагимова Э.И. Значимые аспекты обеспечения права на защиту информации в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1. С. 39-43.

223. Баранов М.П. Проблемы реализации идеологической функции государства в контексте «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4. С. 35-40.

224. Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 63-69.

225. Батурин Ю.М. Нейроцензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. Т. XXXVI. № 3–4. С. 5-23.

226. Бачило И.Л. О направлениях развития информационного права // Административное и информационное право (состояние и перспективы развития): сб. ст. М.: Изд-во Академического правового ун-та. 2003. С. 211-222.

227. Бачило И.Л. Развитие законодательства в условиях модернизации государственного управления на основе информационных технологий // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 1. С. 67-94.

228. Бачило И.Л., Антопольский А.А., Белов Г.В. и др. Концепция развития информационного законодательства в Российской Федерации // Государство и право. 2005. № 7. С. 47-61.

229. Бачило И.Л., Полякова Т.А., Антопольский А.А., Демьянец М.В., Жарова А.К., Монахов В.Н., Семилетов С.И., Талапина Э.В. Об основных направлениях развития информационного права за 2000-2015 гг. // Государство и право. 2017. № 11. С. 71-79.

230. Бекбаев. Е. З. Частные и публичные правоотношения // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 269-271.

231. Блюмин С. Л. Дискретность против непрерывности при системном моделировании во времени и/или пространстве // Системы управления и информационные технологии. 2004. № 1. С. 4-9.

232. Боброва Н.А. Цифровизация: плюсы и минусы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С.23-25.

233. Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере // Ex jure. 2021. № 1. С. 56-67.

234. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25-42.

235. Братановский С.Н., Лапин С.Ю. Право на доступ к информации как элемент конституционного права на информацию // Гражданин и право. 2012. № 8. С. 20-35.

236. Брумштейн Ю., Бондарев А. Сайты Рунета: варианты политики разграничения доступа к информации и ее размещения пользователями // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 5. С. 49-60.

237. Бурьянов М. С. Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 2. С. 63-66.

238. Варламова Л.Н. Информация – данные – документированная информация – документ: соотношение терминов и их определений в международных стандартах ИСО и МЭК // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 2. С. 27-34.

239. Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 141-167.

240. Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 4. С. 9-46.

241. Велиева Д.С. Цифровые права в системе конституционных прав и свобод с позиции правовой определенности // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и

условиях пандемии: коллективная монография. Казань: Отечество. 2020. С. 15-20.

242. Волков Ю.В. Проблемы информационного права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 105-112.

243. Галеева Г.Р., Иванов А.А. Цифровизация публичных правоотношений в России // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 2. С. 32-40.

244. Галушкин А.А. К вопросу о перспективах правового регулирования деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 372-378.

245. Ланьшина Т.А., Шуюн Г., Вэйхан Д. Роль «Группы двадцати» в глобальном управлении цифровой экономикой // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 169-184.

246. Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2. С. 163-166.

247. Городов О.А. Дискредитация хозяйствующего субъекта как акт недобросовестной конкуренции // Конкурентное право. 2018. № 2. С. 10-13.

248. Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание // Право и цифровая экономика. 2019. № 3. С. 5-10.

249. Грачева А.В. От правовой информатики до Legal Tech: история развития в России и за рубежом // Закон. 2019. № 5. С. 56-65.

250. Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 4. С. 56-70.

251. Грипич С.А. Правовые аспекты внедрения цифровых технологий в государственное управление // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 2. С. 47-50.

252. Гриценко В.В. Цифровой суверенитет России: проблемы управления и обеспечения // Конституционализм и государственное управление. 2021. № 2. С. 19-27.
253. Даниленков А.В. Принципы Интернет-права // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 2. С. 144-154.
254. Дармилов А.Ф., Понявина М.Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. № 3. С. 82-85.
255. Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2. С. 14-20.
256. Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Электронные услуги как разновидность государственных услуг // Очерки новейшей камералистики. 2021. № 4. С. 2-6.
257. Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 3. С. 43-82.
258. Евсиков К. С. Государственно-правовые концепции использования информационных технологий в государственном управлении // Lex russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 74-86.
259. Ермакова А. Р., Сухарева А. Е. Возможные подходы к определению правового режима пользовательского контента // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 45-56.
260. Ефимцева Т.В. Некоторые аспекты правового регулирования договора об оказании услуг по предоставлению информации в Российской Федерации // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3. С. 17-21.
261. Ефремов А.А. К формированию механизма выявления и устранения системных правовых ограничений цифровизации государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 59-83.

262. Ефремов А.А. Правовые ограничения цифровизации // Право цифровой среды. Монография. Под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М.: Проспект. 2022. С. 142-150.

263. Ефремов А.А., Южаков В.Н. Проблемы определения показателей результативности и эффективности экспериментальных правовых режимов в сфере цифрового развития // Информационное общество. 2022. № 3. С. 80-89.

264. Жаботинский М.В. Цифровые права как объекты гражданских прав: понятие и возникновение правового регулирования // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2019. № 1. С. 36-44.

265. Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека // Юрист. 2020. № 3. С. 55-61.

266. Желонкин А.Д. Функция обеспечения информационного развития общества и информационной безопасности в системе функций российского государства // Вестник СГЮА. 2016. № 4. С. 150-154.

267. Зырянов И.А. Цифровые права человека как проблема социально-юридического механизма обеспечения естественных прав и свобод // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 81-87.

268. Карнаушенко Л.В. Электронное государство в России: проблемы и перспективы // Юрист-Правоведь. 2018. № 1. С. 17-21.

269. Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4. С. 33-38.

270. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 43-46.

271. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России 2010. № 9. С. 23-51.

272. Кириленко В.П., Фотопулу А. Проблемы цифрового государства в современном обществе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2. С. 49-56.

273. Китов А.И., Ляпунов А.А. Кибернетика в технике и экономике // Вопросы философии. 1961. № 9. С. 79-88.

274. Китова О.В. Актуальные вопросы развития цифрового государства в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 211-216.

275. Кондрашев А.А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети Интернет: российское законодательство и практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 112-119.

276. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 330-34.

277. Копылов В. А. Информация как объект правоотношений в системах частного и публичного права // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 1997. № 9. С. 11-16.

278. Косорукова Т.В. Зарубежный опыт конституционного обеспечения свободы массовой информации и права на информацию // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 5. С. 32-44.

279. Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. В. 36. С. 134-142.

280. Кузнецов П.У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 154-161.

281. Кушниренко С.П. Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования // Вестник криминалистики. 2006. № 2. С. 43-47.

282. Лазарев В.В. Становление российского частного права: проблемы и перспективы // Правоведение. 1995. № 6. С. 114-115.

283. Липень С.В. Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1. С. 31-40.

284. Лолаева А.С. Место электронного правительства в системе государственного управления // Право и политика. 2022. № 2. С. 19-29.

285. Лолаева А.С. Особенности деятельности органов публичной власти в рамках развития системы электронного государства // Юридические исследования. 2022. № 1. С. 43-50.

286. Лолаева А.С. Правовое регулирование использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов публичной власти // Административное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 42-50.

287. Лолаева А.С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии // Право и политика. 2021. № 12. С. 89-101.

288. Лопатин В.Н. Проблемы информационного права в цифровой экономике // Право и государство. 2019. № 1. С. 40-56.

289. Лупарев Е.Б. Проблемы административной ответственности за распространение заведомо недостоверной информации // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2. С. 93-98.

290. Мальцев О. В. Право налогоплательщика на информацию // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1. С. 56-60.

291. Мамай Е.А. Публичные услуги и электронное правительство в современных государствах: точки соприкосновения и направления развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 2. С. 28-33.

292. Мамедова Н.А., Уринцов А.И. Управление информацией как фактор перехода государства от информационной экономики к цифровой экономике // Открытое образование. 2021. Т. 25. № 2. С. 15-28.

293. Матвеев В.В., Агеев А.В. Роль государства в развитии цифровой экономики: российский опыт // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 2. С. 245-249.
294. Мельков С.А., Сушанский А.С. Цифровое государство, цифровое государственное и муниципальное управление: проблематизация и смыслы // Вестник Евразийской науки. 2020. № 6. С. 1-9.
295. Мельникова В.Г. Открытые данные в механизме реализации права граждан на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 124-130.
296. Мефодьева К.А., Щербак С.С. Признание имущественного права на данные в коммерческом обороте: отечественный и зарубежный опыт // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 4. С. 44-48.
297. Минбалеев А.В. Принципы информационного права // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 1. С. 79-84.
298. Мирских И.Ю., Мингалева Ж.А. К вопросу о правовом регулировании информации в условиях информационной экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. В. 38. С. 430-445.
299. Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3. С. 7-13.
300. Морозов А.В. История правовой информатизации Минюста России на рубеже веков // Правовая информатика. 2013. № 1. С. 4-12.
301. Морозов В.К., Иваненко А.И. Концепция автоматизированных систем и сетей правовой информации // Законодательные проблемы информатизации общества. Труды ИЗИСП. М.: Изд-во ВНИИСЗ. 1992. В. 52. С. 110-122.
302. Мылтыкбаев М.Ж. Право на доступ к Интернету: проблемы международно-правового признания и защиты // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3–1. С. 188-193.
303. Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 186-196.

304. Нерсисянц В. С. Выступление на Круглом столе «О понимании советского права», организованным журналом «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70-72.
305. Нестеров А.В. Еще раз о контенте: юридический аспект // Юрист. 2020. № 1. С. 46-52.
306. Никольская К.Ю. Методология правового обеспечения лицензирования и сертификации в технической защите информации // Систематизация и кодификация информационного законодательства: сб. науч. работ. М.: ИГП РАН, Канон+. 2015. С. 203-206.
307. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257-261.
308. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3. С. 104-112.
309. Палехова Е.А. Понятие информации и цифровой экономики: правовые аспекты // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 2. С. 46-49.
310. Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 290-300.
311. Пожарский Д.В. Искусственный интеллект и человеческий разум в государственно-правовой реальности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1. С. 8-15.
312. Поляк Ю.Е. От безбумажной информатики – к электронному государству // Информационные ресурсы России. 2010. № 2. С. 13-25.
313. Полякова Т.А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 17-40.
314. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80-92.

315. Полякова Т.А., Химченко А.И. Юридическое прогнозирование как составляющая стратегического планирования для целей развития информационного права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2. С. 38-42.

316. Понкин И.В. Концепт электронного государства в рамках новой системы публичного управления // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2013. № 4. С. 52-58.

317. Потапенко С.В. О применении технологии распределенного реестра (блокчейн) в юриспруденции // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2018. № 3. С. 76-88.

318. Потапенко С.В. Опровержение как способ защиты от диффамации в СМИ // Юрист. 2002. № 2. С. 12-14.

319. Потапенко С.В., Павлов Е.А. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 9-14.

320. Потапенко С.В., Сметанникова С.С. Товарные агрегаторы как информационные посредники в электронной коммерции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 3. С. 127-131.

321. Ракитов А.И. Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7-19.

322. Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий: LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 3-11.

323. Рузакова О.А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 2-7.

324. Рыдченко К.Д. Административно-правовое противодействие обороту недостоверной информации, как условие эффективности реализации публично-властных полномочий // В сборнике: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Сборник статей по

материалам международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 2020. С. 181-188.

325. Рыдченко К.Д. К вопросу о правовой сущности массовой информации в условиях информационного общества // В сборнике: Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар. 2021. С. 409-414.

326. Рыдченко К.Д. Международно-правовые императивы как предпосылки становления государственной системы защиты личности от воздействия вредоносной информации // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2019. № 1. С. 63-66.

327. Рыдченко К.Д., Маркевич А.С. Административная ответственность за ущемление свободы массовой информации и злоупотребление свободой массовой информации: общая характеристика и пути оптимизации // Общество и право. 2021. № 4. С. 78-83.

328. Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 1. С. 60-92.

329. Савельев А.И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. 2019. № 4. С. 174-195.

330. Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «больших данных» (big data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43-66.

331. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86-95.

332. Саттаров В.Д. Конституционное право на информацию в пенитенциарной системе Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 3. С. 80-88.

333. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 308-315.

334. Сомова Е.В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 79-86.
335. Стрельцов А.А. О предмете и методе информационного права // Информационное право. 2019. № 4. С. 4-11.
336. Сулопаров, А. В., Тарбагаев, А. Н. Ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: уголовно-правовой и административно-правовой аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2. С. 188-194.
337. Талапина Э.В. О предмете информационного права // Государство и право. 2013. № 5. С. 65-72.
338. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.
339. Талапина Э.В. Публичные и частные правовые регуляторы информационных отношений // Информационные ресурсы России. 2006. № 3. С. 1-6.
340. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 122-146.
341. Тедеев А.А. Право, цифровая трансформация, цифровой посткапитализм (постановка проблемы) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 61-73.
342. Тедеев А.А. Предмет информационного права в условиях Интернета // Информационное право. 2006. № 3. С. 3-6.
343. Тедеев А.А. Система отечественного информационного права в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит. 2018. № 3. С. 147-151.
344. Тедеев А.А. Трансформация системы права в условиях развития информационно-коммуникационных технологий: постановка проблемы // Труды по интеллектуальной собственности. 2016. № 1. С. 123-140.

345. Терехов М.Г. Цифровое право // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 3. С. 67-70.
346. Терещенко Л.К., Стародубова О.Е. Загадки информационного права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 156-161.
347. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 121-122.
348. Угринович Е.В. Система научной и технической информации в инфраструктуре цифровой экономики // Информационное право. 2018. № 3. С. 14-17.
349. Удальцова Н.Л. Цифровизация экономических процессов в контексте промышленной революции 4.0 // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 1. С. 49-62.
350. Утяшев М. М. Права и свободы человека в системе общечеловеческих ценностей // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3-1. С. 1244-1250.
351. Фабричнов А.Г. История правового регулирования автоматизации документационного обеспечения управления в 1960-1990-е гг. // ИСОМ. 2014. № 4. С. 360-362.
352. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5-16.
353. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.
354. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46-63.
355. Хохлов Е. Комментарий к новому Закону об информации // Корпоративный юрист. 2007. № 1 // СПС «Гарант».
356. Чаннов С.Е. Большие данные в государственном управлении: возможности и угрозы // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 111-122.

357. Чаннов С.Е. Изменения, эволюция, трансформация права: соотношение понятий // Государство и право. 2021. № 3. С. 24-35.
358. Чаннов С.Е. Правовые проблемы обработки персональных данных в государственных информационных системах // Информационное право. 2018. № 2. С. 10-13.
359. Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84-94.
360. Шапова А.А. Особенности правового регулирования конституционного права каждого производить информацию в сети «Интернет» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «Экономика. Управление. Право». 2020. Т. 20. В. 1. С. 114-118.
361. Шаров В.И. Структура информационного права // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 875-879.
362. Шаханов В.В. Границы действия правовых принципов // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 360-362.
363. Шахназаров Б.А. Применение технологий искусственного интеллекта при создании вакцин и иных объектов интеллектуальной собственности (правовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7. С. 76-90.
364. Шахрай С. М. «Цифровая» Конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 12. С. 1075-1082.
365. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Выявление системных правовых ограничений цифровизации государственного управления: текущее состояние и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3. С. 156-166.
366. Adali S., Golbeck J. Predicting Personality with Social Behavior // IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining. 2012. P. 302-309.

367. Autor D. H., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // Quarterly Journal of Economics. 2003. V. 118. P. 1279-1333.

368. Babbitt T.G., Brynjolfsson E., Kahin B. Understanding the Digital Economy: Data Tools, and Research // Academy of Management Review. 2001. V. 26. №. 3. P. 99-136.

369. Bukh R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // Global Development Institute Working Paper Series. 2017. №. 68. P. 1-24.

370. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. V. 1. I. 2. P. 223-250.

371. Dorn D. The Rise of the Machines: How Computers Have Changed Work // UBS Center Public Paper. 2015. № 4. P. 3-30.

372. Gasser U. Recoding privacy law: Reflections on the future relationship among law, technology, and privacy // Harvard law review forum. 2016. V. 130. P. 61-70.

373. Kosinski M., Stillwell D. Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. V. 110. № 15. P. 5802-5805.

374. Lane N. Advancing the digital economy into the 21st century // Information Systems Frontiers. 1999. № 1. P. 317-320.

375. Niebel T. ICT and economic growth – Comparing developing, emerging and developed countries // World Development. 2018. V. 104. P. 197-211.

376. Popovich P. M., Gullekson N., Morris S., Morse B. Comparing attitudes towards computer usage by undergraduates from 1986 to 2005 // Computers in Human Behavior. 2008. V. 24. I. 3. P. 986-992.

377. Relly J. Freedom of Information Laws and Global Diffusion Testing Rogers's Model // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2012. № 89. P. 431-457.

378. Rustad M.L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Duke Law & Technology Review. 2011. № 12. P. 1-73.

379. Susskind R. E. The Future of Law, Facing Challenges of Information Technology // Artificial Intelligence and Law. 1999. № 7. P. 387-391.

380. Tully S. A Human Right to Access the Internet? // Problems and Prospects, Human Rights Law Review. 2014. V. 14. I. 2. P. 175-195.

381. Vasal K. A 30-year struggle. The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. № 11. P. 29-32.

Диссертации, авторефераты диссертаций

382. Агеев А.С. Право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов (особенности конституционно-правового регулирования в России и в Германии): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М. 2016. – 251 с.

383. Антонова Е.Е. Правовое регулирование формирования и использования реестровой информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Екатеринбург. 2012. – 227 с.

384. Бойченко И.С. Информационно-правовое обеспечение системы электронного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.13. М. 2018. – 177 с.

385. Гавришов Д.В. Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Белгород. 2010. – 181 с.

386. Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург. 2003. – 23 с.

387. Жарова А.К. Теоретические основания правового регулирования создания и использования информационной инфраструктуры в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13. М. 2020. – 52 с.

388. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13. М. 2020. – 472 с.

389. Ковалева Н.Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14, 12.00.13. Саратов. 2014. – 366 с.

390. Кузнецов П.У. Теоретические основания информационного права: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.14. Екатеринбург. 2005. – 410 с.

391. Лебедев Д.В. Формирование ценности нематериальных благ в информационной экономике: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Саратов. 2011. – 21 с.

392. Минбалеев А.В. Система информации: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Челябинск. 2006. – 272 с.

393. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13. М. 2020. – 455 с.

394. Огородов Д.В. Правовые отношения в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 М. 2002. – 243 с.

395. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. М. 2008. – 438 с.

396. Сакулина Л.Л. Механизм административно-правового регулирования права граждан на информацию: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М. 2006. – 210 с.

397. Семилетов С.И. Документы и документооборот как объект правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М. 2003. – 198 с.

398. Стрельцов А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России: дис. ... д-ра. юрид. наук: 05.13.19. М. 2004. – 371 с.

399. Талапина Э.В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13. М. 2015. – 469 с.

400. Талимончик В.П. Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.10. СПб. 2013. – 52 с.

401. Тедеев А.А. Теоретические основы правового регулирования информационных отношений, формирующихся в процессе использования глобальных компьютерных сетей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. М. 2007. – 58 с.

402. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. М. 2011. – 415 с.

403. Уханов В.А. Информационная деятельность человека (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург. 1997. – 292 с.

404. Химченко А.И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13. М. 2014. – 23 с.

405. Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.13. М. 2017. – 473 с.

Судебная и правоприменительная практика

406. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана: Постановление Конституционного Суда

Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П // Российская газета. 2000. № 43. 1 марта.

407. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Одинга Алексея Робертовича на нарушение его конституционных прав положением пункта 6 части 1 статьи 20 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»: Определение Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. № 918-О // СПС «Гарант».

408. По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания «Роснефть» на нарушение конституционных прав и свобод положением абзаца первого пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах»: Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 8-О-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 8. 21 февраля. Ст. 1202.

409. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Симакова Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах»: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 263-О // СПС «Гарант».

410. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

411. Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2014 г. № 73-АПГ 14-3 // СПС «КонсультантПлюс».

412. Определение Верховного Суда РФ от 4 июля 2012 г. № 88-АПГ 12-2 // СПС «КонсультантПлюс».

413. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 мая 2011 г. № 58-Впр11-2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 12.

414. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. № С01-201/2018 по делу № А40-18827/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

415. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 марта 2016 г. № Ф05-1440/2016 по делу № А40-94972/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

416. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2022 г. № 09АП-14549/22 по делу № А40-264796/2020 // СПС «Гарант».

417. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 ноября 2020 г. № 15АП-16392/2020 по делу № А53-38335/2019 // СПС «Гарант».

418. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 3 мая 2017 г. № 07АП-2472/2017 по делу № А67-9653/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

419. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 октября 2016 г. № 19АП-6082/2016 по делу № А14-9773/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

420. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2013 г. № 15АП-6948/2013 по делу № А53-990/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

421. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 марта 2014 г. № 33–3515/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

422. Определение Московского городского суда от 22 декабря 2011 г. по делу № 33–40271 // СПС «КонсультантПлюс».

423. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 14 января 2020 г. № 33–92/2020 // СПС «Гарант».

424. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июля 2015 г. по делу № 33–25154/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

425. Постановление Архангельского УФАС России от 21 мая 2011 г. по делу № 25-11а // URL: <http://arhangelensk.fas.gov.ru> (дата обращения 20.10.20 г.).

Иные источники

426. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Российская газета. 2018. № 46. 2 марта.

427. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. Протокол № 7 от 4 июня 2019 г. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения 20.04.20 г.).

428. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Протокол от 27 августа 2020 г. № 17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.10.21 г.).

429. Паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Протокол от 28 мая 2019 г. № 9. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения 20.01.21 г.).

430. Концепция развития технологий машиночитаемого права: Протокол от 15 сентября 2021 г. № 31 Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения

качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf (дата обращения 20.12.21 г).

431. О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Законопроект № 84826–8. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (Дата обращения 01.04.22 г.).

432. Официальный отзыв Правительства на законопроект о регулировании существующих в интернете новых объектов имущественных экономических отношений. Официальный сайт Правительства Российской Федерации // URL: <http://government.ru/activities/selection/303/32876/> (дата обращения 10.12.20 г).

433. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. № 115. 30 мая.

434. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации // URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения 28.02.20 г.).

435. Доклад о цифровой экономике 2019. Обзор ЮНКТАД. Конференция ООН по торговле и развитию // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf (дата обращения 20.11.20 г).

436. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации // URL: http://old.cbr.ru/Content/Document/File/84030/ON_FinTech_2017.pdf (дата обращения 14.12.20 г).

437. Регулятивная «песочница». Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации // URL: http://old.cbr.ru/fintech/regulatory_platform (дата обращения 14.12.20 г).

438. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Официальный сайт Альянса в сфере искусственного интеллекта // URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics> (дата обращения 01.12.21 г.).

439. Государство как платформа: люди и технологии. Доклад ВШГУ РАНХиГС, Центр перспективных управленческих решений. М., 2019 г. // URL: https://cpur.ru/research_pdf/GovPlatform2019.pdf (дата обращения 20.10.20 г.).

440. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий и др. М.: НИУ ВШЭ. 2022.

441. Цифровая Россия: новая реальность. Отчет McKinsey & Company (ООО «Мак-Кинзи и Компания СиАйЭс»). 2017.

442. Электронным документооборотом в России пользуются только 30 % компаний. Официальный сайт СКБ Контур // URL: <https://kontur.ru/press/news/analitica/2020/5/7125> (дата обращения 15.12.20 г.).

443. Элла Памфилова подвела итоги встречи с политологами: возобновление работы Экспертного совета и модернизация сайта ЦИК России. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации // URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/47794> (дата обращения 10.12.20 г.).

444. Поймали в Сети: куда ведет «цифровой след». Вычислить анонимного пользователя становится всё проще. Сетевое издание «Известия» // URL: <https://iz.ru/976205/aleksandr-lesnykh/poimali-v-seti-kuda-vedet-tcifrovoi-sled> (дата обращения 19.05.20 г.).

445. Розыск по электронно-цифровому следу. Информационный портал «SecurityLab» // URL: <https://www.securitylab.ru/blog/company/CABIS/348923.php> (дата обращения 19.05.20 г.).

446. Cerf V. G. Internet Access Is Not a Human Right. The New York Times // URL: <https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html> (дата обращения 19.05.20 г.).

447. Digital Government 2020. Prospects for Russia. World Bank Group, Institute of the Information Society. 2016. // URL: <https://openknowledge.worldbank.org> (дата обращения 22.08.21 г.).

448. Digital rights in the COVID-19 era. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR) // URL: https://www.ohchr.org/Documents/Events/COVID-19/Op-Ed_OHCHR_EUROCITIESES_UCLG_UN_Habitat_XT.pdf (дата обращения 10.08.20 г.).

449. Global Top 100 companies by market capitalization. PricewaterhouseCoopers // URL: <https://www.pwc.com/gx/en/audit-services/publications/assets/global-top-100-companies-2019.pdf> (дата обращения 29.03.20 г.).

450. Rue F. L. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR) // URL: <https://www.ohchr.org/en/issues/freedomofopinion/pages/annual.aspx> (дата обращения 21.04.20 г.).

451. The World's First Freedom of Information Act. Anders Chydenius Foundation // URL: https://www.access-info.org/wp-content/uploads/worlds_first_foia.pdf (дата обращения 21.04.20 г.).

452. Vleugels R. Overview of all FOIA laws. 2013. Center for Media Freedom and Responsibility // URL: <https://ru.scribd.com> (дата обращения 21.04.20 г.).